

ВЪ СТИШКАХЪ ИВРО ОШЫ

Улагоръ и Гекаоръ

Петел

МОСКВА

1808.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ВАСИЛЕМЪ ЖУКОВСКИМЪ.

ЧАСТЬ XLII

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ,

1808.

*Съ одобренія Цензурнаго Комитета,
учрежденнаго для Округа
Императорскаго Московскаго
Университета.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

Н О Я Б Р Ъ , 1808.

№ 21.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А и С М Ъ С Ъ .

I.

П р у с с к а я в а з а .

(О к о н ч а н і е .)

Милоспивые Государи! сказалъ Судья, обратясь къ присяжнымъ: вы призваны сюда Его Величествомъ для того, чшобы оправдать или обвинить Графа Ланицкаго, подозрѣваемаго въ оскорбленіи Величества. Графъ Варендорфъ наименованъ Адвокатомъ Государя; Баронъ Альбертъ Альшенбергъ есть Адвокатъ Графа Ланицкаго: онъ вызвался добровольно защищать обвиненнаго своего друга. Выслушавъ мнѣнія и доказательства обоихъ Адвокатовъ, вы, милоспивые Государи, должны произнести приговоръ свой, согласно съ совѣстію и убѣжденіемъ вашего разсудка. — Старшій между вами сообщитъ мнѣ ваше мнѣіе

въ одномъ только словѣ: *невиненъ*, или *виновенъ*; оно рѣшитъ судьбу обвиненнаго. Если произнесете слово *невиненъ*, то ему немедленно возвращена будетъ свобода; минутное заключеніе не должно оставишь никакого на чести его пачина; Государь обязуется загладишь оскорбленіе, неволь-но ему нанесенное. Но словомъ *виновенъ* осудишь вы пресупника на шестилѣтнее заключеніе въ крѣпость *Шлиндау* — предупреждаю Барона Альтенбургга, что и онъ равномерно лишенъ будетъ свободы, если не найдетъ способа доказать невинности Графа Ланицкаго: съ этимъ только условіемъ дано ему позволеніе бышь Адвокатомъ своего друга.

Судья замолчалъ, и Графъ Варендорфъ, Королевскій Адвокатъ, приближась къ судейскому столу, началъ говорить слѣдующее: „Милостивые Государи! съ горестію приступаю ко исполненію важнаго, возложеннаго на меня долга. Обязанность обвинителя ни въ какое время не можетъ бышь обязанностію пріятною; но она и тяжостна и печальна, когда, имѣвъ чувствительное и нѣжное сердце, принуждены бываемъ называть преступникомъ такого человека, каковъ молодой Графъ Ланицкій, знашый именемъ, уважаемый, любимый въ обществѣ, имѣющій образованный и

острый умъ, благородное сердце и качества любезныя! Знаю, что буду обвинять Графа Лачицкаго въ присущствіи его друзей; въ присущствіи почтенной его мащери, украшенной всѣми добродѣтелями женскаго пола, и въ эту мину еще болѣе для всѣхъ насъ драгоценной, по шому ужасному несчастію, которое постигнетъ ее въ лицѣ милаго сына.“

„Не сомнѣваюсь также и въ шомъ, чшобы вы не чувствовали искренняго почшенія къ молодому Барону Альшенбергу, который, не ужасаясь долговременнаго зашоченія, готовится оправдывать преступника. Я уважаю необыкновенныя качества Барона Альберта; удивляюсь его неуспрашимости, но сожалѣю, что первое дѣло, въ которомъ рѣшился онъ взять сторону обвиненнаго, представляетъ великодушнымъ усиліямъ его столь мало успѣха. Увѣренъ однако, что сладкое чувство исполненія должности поддержитъ его въ сей шрудной и, смѣю сказать, неравной борьбѣ: что можетъ быть пріятнѣе имени защитника, и защитника своихъ друзей, хотя они и виновны? — И я, милосшивые Государи, представляюсь передъ глаза ваши, какъ безпристрастный защитникъ друга. Такъ, Фридрихъ Великій позволяетъ мнѣ именоваться его дру-

томъ. Превосходя во всемъ другихъ Государей, онъ презираетъ низкую лестъ, провозглашающую его Богомъ и ищетъ искренности въ сердцѣ друзей, копорые напоминаютъ ему, что онъ человекъ. Щаспливы повинующіеся державѣ его и защищаемые его законами! но щаспливѣ не сравненно тѣ, копорые замѣчены его взоромъ, копорые удостоены его дружбы! Увы! молодой Графъ Ланицкій добровольно лишилъ себя щаспія бытъ избраннымъ другомъ Великаго Фридриха. Безъ сомнѣнія, милоспивые Государи, вамъ извѣстно, какое уваженіе оказываетъ Его Величество Графинѣ Ланицкой, матери обвиненнаго — уваженіе копорое ни мало не уменьшилось отъ спранныхъ поступковъ сына. Августъ Ланицкій, родомъ Полякъ, получилъ воспитаніе въ Попсдамской школѣ, вмѣстѣ съ благороднѣйшими людьми Пруссіи. Кто могъ бы вообразить, чтобы воспитанникъ такихъ Учительей и сынъ такой матери не имѣлъ оплично высокихъ чувствъ, не былъ опличенъ въ своихъ поступкахъ, и болѣе нежели другіе надѣялся на него Фридрихъ Великій, копорый умѣлъ замѣтить въ немъ качества необыкновенныя и всегда простиралъ къ нему опечески свою руку? Нужно ли доказывать, что обвиненный имѣетъ характеръ слишкомъ пылкій? — давно ли великодушный

Монархъ принужденъ былъ извинять его дерзость и пренебречь оскорбленіе, молодымъ человекомъ ему нанесенное? Но чемъ же Графъ Ланицкій заплашилъ великодушному своему Государю за снисходительную крошость его? Неблагодарностію и предательствомъ, шѣмъ болѣе ненавистными, что они дѣйствовали скрытно! Вы знаете, какою необузданною свободою пользуясь въ Пруссіи дерзкіе сапирики, любимые чернію, которую забавляютъ они своими насмѣшками на счетъ ея правителей: взгляните на стѣны замка Санъ-Суси, покрытыя ругательными пасквилями безыменныхъ авторовъ: производятъ ли они какое-нибудь чувство негодованія въ душѣ великаго нашего Монарха? Не трудно было бы открыть дерзновенныхъ ругателей... Фридрихъ опмщаетъ имъ презрѣніемъ! Но еслили ругательства людей неизвѣстныхъ и низкихъ не могутъ быть для него ошущительны, то черная неблагодарность друзей, близкихъ къ его сердцу, дѣйствуетъ на него шѣмъ сильнѣе. Возможно ли оставить ее безъ наказанія? возможно ли пренебречь оскорбленіе, нанесенное такимъ человекомъ, который, за нѣсколько минутъ, лежалъ у ногъ прогнѣваннаго имъ Государя, исполненный раскаянія, обливаясь слезами любви, въ жару благодарности, удивленія, восторга? Таковъ посшу-

поѣвъ Графа Ланицкаго! — Представляю вамъ мои доказательства, и моихъ свидѣтелей.

Графъ Варендорфъ указалъ на Прусскую вазу, и на двухъ свидѣтелей: надзирашеля мануфактуры и спараго жида. Присяжные прочли на вазѣ слово *лиранъ*, сличили его съ другими словами надписи, и нашли въ почеркѣ совершенное сходство. Сильное негодованіе изобразилось на лицахъ слушателей. Графъ Варендорфъ велѣлъ приближиться жида. Наружность его имѣла въ себѣ что-то необыкновенное и отвращительное; онъ былъ чрезвычайно сухъ и прямъ; голова его была неподвижна, но глаза бѣгали и сверкали; казалось, что эшотъ чловѣкъ всегда имѣлъ въ душѣ безпокойство, о чемъ-то забошился, хотѣлъ все видѣть, досадовалъ, что не имѣлъ назади глазъ. Видъ его былъ смѣлый, но онъ оглядывался по сторонамъ, когда начиналъ говорить, и голосъ его, чрезвычайно непріятный и охриплый, дрожалъ; эшотъ чловѣкъ назывался Саломономъ. Поклявшись Тальмудомъ, что онъ не лжесвидѣтель, онъ началъ отвѣчать слѣдующимъ образомъ на вопросы Графа Варендорфа:

Графъ. Знаешь ли эту вазу?

Саломонъ. Знаю.

Графъ. Гдѣ и когда ты ее видѣлъ? Объяви присяжнымъ все, что тебѣ, въ отношеніи къ ней, извѣстно!

Саломонъ. Я видѣлъ ее въ первой разѣ въ Санъ-Суси, перваго числа сего мѣсяца, въ одиннадцатомъ или двенадцатомъ часу вечера — не могу точно назначить времени. —

Графъ. Что нужды! продолжай. По какому случаю замѣшилъ ты эту вазу? Подумай хорошенько; не забудь ни одного обстоятельствова: всего важнѣе, чтобъ господа присяжные знали настоящее положеніе дѣла!

Саломонъ. Я получилъ эту вазу изъ рукъ Его Величества, которому угодно было, чтобы я, увернувши ее, положилъ въ ящикъ для отсылки во Францію; будучи охотникъ до рѣдкихъ вещей, я началъ внимательнѣе ее разсматривать. Вотъ плашокъ, которымъ я спираль съ нее пылъ. Замѣтивъ надпись: *во славу Фридриха Великаго*, написанную бѣлою краскою по синему полю, и желая разсматрѣть ее лучше, я началъ обспирать ее мокрымъ плашкомъ; но къ удивленію своему примѣшилъ, что синяя краска, подъ самою надписью, спиралась и приставала къ плашку; — я началъ ш-

решь сильнѣе, отшербь всю краску, и ясно увидѣль слово *тирань*. О Авраамъ! воскликнулъ я отъ удивленія. — Что сдѣлалось съ тобою, Саломонъ? спросилъ Его Величество, кошорый въ эту минушу стоялъ позади меня. Ты вѣрно усталъ, и хочешь пригласишь опца Авраама къ себѣ на помощь? Я не могъ опвѣчать ни слова; удивленіе сковало мой языкъ; глаза мои были неподвижно успремлены на слово *тирань*; я не позволялъ себѣ имъ вѣришь и безпрестанно перечишывалъ надпись: *во славу Фридриха Великаго тирана*. Волосы спановились на головѣ моей дыбомъ. — Его Величество, не дождавшись отъ меня опвѣща, взялъ изъ рукъ моихъ вазу, прочишалъ надпись и вышелъ изъ Галлерей, не сказавши ни слова. Болѣе ничего не могу объявишь почщенному Собранію.

Саломонъ поклонился и хотѣлъ выдти изъ залы, съ позволенія господина Варендорфа; но Альбертъ требоваъ, чтобы онъ остался, желая сдѣлашь ему допросъ въ свою очередь. Саломонъ сѣлъ на скамѣйку. Кликнули другаго свидѣтеля, главнаго смотришеля надъ Королевскою фабрикою, и Графъ Варендорфъ началъ допрацивать его слѣдующимъ образомъ:

Графъ. Видѣлъ ли ты надпись, сдѣланную на Прусской вазѣ?

Надзиратель. Видѣлъ.

Графъ. Можешь ли ее вспомнить?

Надзиратель. Могу: во славу Фридриха Великаго тирана.

Графъ. Извѣстно ли тебѣ, кто сдѣлалъ эту надпись?

Надзиратель. Думаю, что Графъ Ланицкій.

Графъ. Можешь ли сказать, почему такъ думаешь?

Надзиратель. Софїя Мансфильдъ, та самая Художница, которая разписывала вазу, при мнѣ просила Графа Ланицкаго, имѣющаго прекрасный почеркъ, сдѣлать вмѣсто ея надпись на вазѣ, которая не была еще обожжена. Молодой Графъ исполнилъ требованіе Софїи; я самъ видѣлъ, какъ онъ взялъ въ руки вазу, какъ написалъ на ней надпись, какъ опдалъ ее пому изъ масперовыхъ, которому поручено было поставитъ ее въ горнъ — масперовой немедленно вынесъ ее въ ближнюю залу, и вѣроятно въ ту же минушу поставилъ на огонь.

Графъ. Но видѣлъ ли ты вазу въ ту минушу, какъ вынули ее изъ горна, и замѣнилъ ли слово *тиранъ*?

Надзиратель. Я видѣлъ ее спустя нѣсколько часовъ послѣ, читалъ надпись; но слово *тиранъ*, закрытое синею краскою, не было еще тогда примѣтно; я самъ отвезъ ее въ Саяв-Суси. Дни черезъ два Государь призывалъ меня къ себѣ, показывалъ мнѣ надпись, но я не могъ, и теперь не могу сказать, какимъ образомъ явилось въ ней слово *тиранъ*: оно не могло быть приписано послѣ обозженія вазы, а развѣ только прикрыто синею краскою. Я думаю, что оно написано Графомъ Ланицкимъ, и вошъ причины, заставляющія меня такъ думать: ему поручила Софїя Мансфильдъ сдѣлать вмѣсто ея надпись; слово *тиранъ* написано такимъ же почто почеркомъ, какъ и другія; Графъ Ланицкій при мнѣ, въ другомъ случаѣ, называлъ Государя тираномъ. — Надзиратель пересталъ говорить; Альбертъ просилъ и его также не выходить изъ залы. Оставалось допросить еще двухъ свидѣтелей: того ремесленника, которому Графъ Ланицкій отдалъ вазу, сдѣлавши на ней надпись, и того, который долженъ былъ поставить ее въ горнъ. Одинъ объявилъ, что онъ, по требованію обвиненнаго, тотчасъ отнесъ вазу въ ближнюю залу, въ которой находятся горны, и что въ это время ни одинъ человѣкъ къ ней не прикасался; другой ушвер-

ждалъ, что онъ посшавилъ вазу въ горнѣ, вмѣстѣ со многими другими, и что онъ не оплучался отъ огня ни на минушю. Симъ кончились допросы Графа Варендорфа, который сказалъ, что не считаешъ за нужное подшверждать словами доказательства явныя; что онъ желаетъ искренно видѣть Графа Ланицкаго оправданнымъ; что самъ Великій Фридрихъ почтешъ поржесшвомъ прїяшнымъ, ешъли преступнику, имъ обвиненному и прежде ему любезному, возвращена будетъ невинность, а съ нею и дружба его Монарха.

Альбертъ, скромный, но въ то же время и мужеспвенный и швердый, спушилъ на средину залы. Графъ Ланицкїй, который сидѣлъ спокойно во все продолженіе Варендорфова допроса, побѣднѣлъ, когда увидѣлъ Альберта, идущаго опровергашъ его обвинишелей. Графиня, блѣдная какъ смерть, неподвижно смопрѣла на Альберта: вся душа ея заключена была во взорахъ. Спрашная пишина царспиввала въ собранїи; казалось, что нѣжное чувшво матери овладѣло сердцаши зришелей; всѣ втайнѣ желали успѣха Альберту, неуспрашимому, великодушному Альберту, который одинъ имѣлъ наружность спокойную и былъ заранѣе увѣренъ въ своей побѣдѣ.

„Не хочу, милоспивые Государи, сказа-
залъ Альбершъ, разшпрогашъ чувспвишель-
ности вашей изображеніемъ сильнаго моего
чувспва, кошорое долженъ напрошивъ усми-
рить: ибо, для убѣжденія васъ въ невин-
ности моего друга, имѣю нужду въ спо-
войспвіи духа, въ холодной прозорливо-
сти разсудка. Убѣдишь васъ — единствен-
ная моя цѣль! Не хочу прибѣгашъ къ
украшеніямъ краснорѣчія, изобильно раз-
сыпаемымъ передъ судилищемъ законовъ,
и часто ослѣпительнымъ для безпристра-
стія судей — средспва сіи не нужны для
оправданія невинности, унизишельны для
ея защитника, оскорбишельны для Судіи
правосуднаго. Такъ думая, милоспивые
Государи, не позволю себѣ сказать ни сло-
ва въ похвалу великодушнаго и правосуд-
наго нашего Монарха. Похвала въ устахъ
предателя, или въ устахъ того, кто за-
щищаетъ подозрѣваемаго въ предатель-
ствѣ, не можешъ бытъ достойною ни Го-
сударя великаго, ни славнаго и благород-
наго народа. Есшьли увѣришесь, милоспи-
вые Государи, что имя предателя не-
прилично обвиненному моему другу; то
ощъ него зависитъ, не словами, но дѣломъ
доказашъ благодарности свою Монарху,
кошорый позволилъ ему избрать судей сво-
ихъ между своими равными. Я твердо надѣ-
юсь, что судіи его могушъ бытъ убѣждены

одною только истинною, не украшенною, но очевидною. Скажу имъ, что обвинители Графа Ланицкаго не представили ни одного *положительнаго* доказательства; ни одинъ изъ свидѣтелей не говорилъ и не можетъ сказать, чтобы онъ видѣлъ, какъ обвиненный писалъ слово *тирань*. Первый изъ нихъ, жидъ Саломонъ, объявилъ намъ только то, въ чемъ мы, и безъ его свидѣтельства, сами собою могли бы увѣришься, что въ надписи заключается слово *тирань*. Онъ первый стеръ синюю краску своимъ плашкомъ: это такое обстоятельство, на которое не нужно обращать вниманія; оно правдоподобно, и слѣдственно можешь быть принято за истинное. Но Графъ Варендорфъ и Саломонъ, при всей своей проицательности, не доказали намъ, чтобы существовала тѣсная, необходимая связь между плашкомъ, краскою и мнимымъ преступленіемъ Графа Ланицкаго. Жидъ Саломона смѣнилъ надзирателя фабрики. Сначала я опасался, чтобы слова его, болѣе достойныя уваженія, не произвели наконецъ сей нужной, недостающей обстоятельствамъ нашего дѣла связи, безъ которой не можешь быть очевидно преступленіе обвиненнаго. Но это почтенный человекъ объявилъ намъ только то, что онъ слышалъ, какъ одна женщина, имѣющая дурной почеркъ, просила

Графа Ланицкаго сдѣлать вмѣсто ея надпись на вазѣ; что онъ видѣлъ, какъ обвиненный писалъ — но что именно писалъ, о томъ ни слова, хотя вѣроятно, что слово *тиранъ* имъ написано, и вѣроятно пошому, что никто, кромѣ его, (такъ думаешь по крайней мѣрѣ свидѣтель) не прикасался къ вазѣ; что надпись написана вся однимъ почеркомъ, и что наконецъ обвиненный, при другомъ случаѣ, осмѣлился наименовать Государя своего тираномъ. Повсюду собственныя выраженія свидѣтеля для того, чтобы доказашъ вамъ, милосщивые Государи, что ни одно изъ нихъ не можешъ бышь принято за обвиненіе положительное. Желая увѣришь васъ, что слово *тиранъ* не могло бышь ни кѣмъ инымъ написано, какъ молодымъ Графомъ Ланицкимъ, представляю вамъ еще двухъ свидѣтелей: ремесленника, опнесшаго вазу въ горнъ, и ея обжигателя. Первый ушвердительно сказалъ, что при переносѣ вазы изъ мастерской въ ту залу, въ которой находятся горны, не шрогалъ ее никто; другой ушверждалъ кляпвенно, что ни одинъ человекъ не приближался къ вазѣ съ той самой минушы, въ кошорую она вынута была изъ горна; но сей послѣдній сказывалъ ли, что не было никакого промежутка между тою ми-

нушою, въ которую получена имъ ваза и шою, въ которую она поспавлена въ горнѣ для обожженія ; великъ ли былъ эшо премежушокъ, и гдѣ между шѣмъ находилась ваза? Спрашиваю: осмѣлился ли свидѣтель ушверждать, что въ эшо время никто не прикасался, или не могъ къ ней прикоснуться? Короче, милоспивые государи, вы видите ясно, что преступленіе друга моего не подшверждается никакимъ *положительнымъ* доказательствомъ.

Вамъ извѣстно, милоспивые государи, что въ случаѣ недоспашка доказательствъ явныхъ и положительныхъ, надлежитъ прибѣгать къ *возможностямъ*. Всѣ шѣ, которыя представлены вамъ почпленнымъ Адвокатомъ Его Величества въ подшверженіе вины моего друга, признаны отъ васъ за убѣдительныя ; прошу сравнить ихъ съ шѣми, которыя представляю я въ доказательство, что Графъ Ланицкій не можетъ быть виновенъ. Я хочу говорить о его воспитаніи, характерѣ, умѣ и сердцѣ : не должно ли предположить, что онъ или закоренѣлый злодѣй, или бессмысленный глупецъ, чтобы признать его способнымъ къ такому низкому и вмѣстѣ безразсудному поступку? Онъ имѣетъ чрезвычайно живой характеръ ; искренность его бываетъ слишкомъ часто

неосторожна ; и въ минушу сильнаго движенія онъ можетъ позволить себѣ то , въ чемъ вѣроятно самъ будетъ разкаяваться черезъ минушу : въ доказательство представляю вамъ прежній просупокъ его — просупокъ , забытый споль милоспиво Монархомъ , имъ оскорбленнымъ. Можноли вообразить , чшобы одинъ и тотъ же человекъ былъ въ одно время и споль прямодушенъ и споль коваренъ ? И кто изъ васъ , милоспивые государи , повѣритъ , чшобы снисходительность великодушнаго Фридриха не произвела никакого впечатлѣнія на душѣ моего друга ? Такая нечувствительность несовмѣстна съ доброю и пылкою душею . . . а другъ мой истинно добръ и чувствителенъ ! Обращите глаза на блѣдную , прелещущую мать его , на горестныхъ его друзей — безпокойныя лица и слезы ихъ доказываютъ ли , что обвиненный имѣетъ изпорченную душу ? Но , милоспивые государи , на минушу похишимъ у Ланицкаго его сердце . . . кто изъ насъ отважился утверждать , что онъ или имѣетъ ограниченнй умъ , или сумасшедшій ? Вы слышали уже , что Фридрихъ Великій замѣшилъ въ немъ дарованія необыкновенныя , и умъ проницательный ! не успѣлъ онъ вступитъ на поприще честей , какъ сдѣлался уже близокъ къ своему Государю : однимъ шолько опличнымъ поведеніемъ со-

хранилъ бы онъ любовь Монарха , повелителя своего и друга — чему же, напрошивъ, приносилъ онъ на жертву и надежды свои, и будущую славу, и щастіе своей матери? Непоспешимому , безразсудному удовольствію написать одно слово! Милоспивые государи, или надобно подумашъ, что Графъ Ланицкій былъ увлеченъ сумазброднымъ , непобѣдимымъ желаніемъ написать слово: *тиранъ* ; или никакъ не можетъ бытъ поняшно , для чего и съ какимъ намѣреніемъ изобразилъ онъ его на вазѣ! Для тоголи , чшобы открытъ Французамъ, что Фридрихъ тиранъ? Но человекъ , самага ограниченнаго ума, нашелъ бы множество способовъ, дѣйствительнѣйшихъ , вѣрнѣйшихъ, и безъ сомнѣнія не выбралъ бы имянно того, копорой въ минушу могъ обнаружить передъ глазами самага Монарха его ненавистное предапельство! И такъ утверждаю , что нѣтъ никакой вѣроятности, чшобъ Графъ Ланицкій, въ его положеніи , съ его умомъ и сердцемъ , сдѣлалъ такой поступокъ , который всякимъ безпристрастнымъ судьею долженъ бытъ признавъ за *невозможный морально*. И я не имѣлъ никакого инаго убѣжденія въ невинности друга моего , когда рѣшился его защищать, отдавши въ залогъ собственную мою свободу. Но Богъ, хранитель невинности, наконецъ просвѣтилъ совершенно мой раз-

судовъ! Я увѣренъ, я утверждаю, что другъ мой обвиненъ несправедливо. Позвольте представить доказательствъ мои на ваше разсужденіе.

Альбертъ кликнулъ свидѣтелей. Первый изъ нихъ, ремесленникъ, которому Линицкій поручилъ опнести вазу въ шу залу, гдѣ находились горны, объявилъ, что онъ не отдавалъ ее обжигашелю изъ рукъ въ руки, а напрошивъ поставилъ вмѣстѣ съ другими фарфоровыми вещами на доску, лежащую на столѣ у самаго горна.

Альбертъ. Увѣренъ ли ты, что ваза поставлена была точно на доску, а не на столъ?

Свидѣтель. Увѣренъ. Это обстоятельство памянѣе для меня отъ того, что я едва-было не уронилъ вазы на полъ. Оплошность моя сдѣлала меня оспорожнѣе: я взялъ вазу въ обѣ руки и бережно поставилъ ее на доску — на доску, а не на столъ!

Альбертъ. Довольно. Болѣе ничего не желаю отъ тебя слышать.

Кликнули другаго свидѣтеля. То былъ смотритель надъ горнами. Альбертъ спросилъ у него: видѣлъ ли ты эшаго человека, который утверждаетъ, что ваза бы-

ла поставлена имъ на доску, лежащую на столѣ, близъ самаго своего горна? И увѣренъ ли ты, что онъ точно поставилъ ее не на столѣ, а на доску?

Свидѣтель. Видѣлъ и увѣренъ.

Альбертъ. Можешь ли сказать, почему ты такъ въ этомъ увѣренъ?

Свидѣтель. Я помню, что этотъ человекъ, ставя на доску свою вазу, воскликнулъ: ахъ! Фрицъ, я едва не разбилъ этой проклятой вазы въ дребезги! Вотъ она, въ цѣлости; прими ее отъ меня руками. Я оглянулся и увидѣлъ вазу, стоящую на доскѣ.

Альбертъ. Не можешь ли вспомнить какихънибудь другихъ обстоятельствъ?

Свидѣтель. Помню только то, что онъ сказалъ мнѣ: поставь эту вазу въ горнъ! на что я ему отвѣчалъ: еще не время! печь не совсемъ разгорѣлась! я поставлю ее вмѣстѣ съ другими.

Альбертъ. И такъ она не тотчасъ по принесеніи была поставлена въ горнъ?

Свидѣтель. Нѣтъ. Я сказалъ уже вамъ, что печь не довольно была разжжена.

Альбертъ. Сколько же времени стояла она на столѣ?

Свидѣтель. Не знаю, не могу опредѣлить шаго точно — десять, двадцать или тридцать минут; но не болѣе!

Альбертъ. Очень хорошо. Но въ эти двадцать или тридцать минут ты безъ сомнѣнїя не спускалъ съ нее глазъ?

Свидѣтель. Напротивъ, милоспивый государь, я не имѣлъ никакой нужды на нее смотрѣть: она стояла у мѣсна.

Альбертъ. Но помнишь ли, гдѣ она стояла въ ту минушу, какъ ты пришелъ за нею для помѣщенїя ея въ горнъ?

Свидѣтель. Помню! Она стояла не на доскѣ уже, а на столѣ.

Король сдѣлалъ выразительное движеніе рукою. Все общество обратило на него глаза. Альбертъ продолжалъ: не обманываешься ли? Подумай!

Свидѣтель. Не обманываюсь, милоспивый Государь! Ваза была на столѣ, а не на доскѣ — это вѣрно.

Альбертъ. Теперь скажи мнѣ: входилъ ли кто нибудь въ твою горницу въ то время, какъ ваза стояла еще на доскѣ?

Свидѣтель. Не думаю. Тогда былъ часъ обѣда. Работники разошлись; я одинъ

остался подлѣ печи, для надзиранія за огнемъ.

Альбертъ. Но кто же поставилъ вазу на столѣ?

Свидѣтель. Не знаю, только не я!

Альбертъ. Слѣдовательно ктонибудь другой? Подумай хорошенько.

Свидѣтель. Многіе могли войти въ горницу и выйти изъ нее, но я не замѣшилъ ни одного человека, будучи занятъ своимъ огнемъ . . . Но . . . погоди-те . . . кажется . . . такъ точно! Жидъ Саломонъ приходилъ спрашивать у меня, куда дѣвалась Софія Мансфильдъ? Онъ бралъ въ руки вазу, и онъ-то вѣроятно переставилъ ее съ доски на столѣ. Онъ что-то говорилъ о надписи, о стихахъ . . . не могу имянно вспомнить, о чемъ! Я худо его слушалъ, будучи занятъ, какъ я уже сказывалъ, своимъ горномъ.

Альбертъ. Довольно. Поди.

Третьимъ свидѣтелемъ былъ женихъ Софіи Мансфильдъ, задержанный по приказанію Фридриха въ Берлинѣ, и разлученный съ своею невѣстою при самомъ олтарѣ Божіемъ. Онъ объявилъ, что видѣлся съ Софіею въ самый тотъ день, въ который, оподѣлавши свою вазу, она опдала ее об-

жигашь на фабрику. Софія сожалѣла, что онъ, пришедши поздно, не могъ видѣть ея работы. Но я — продолжалъ свидѣтель — будучи въ великомъ нетерпѣннѣи, и надѣясь увидѣть вазу, прежде, нежели она поставлена будетъ въ печь, побѣжалъ на фабрику; у самаго входа встрѣтился со мною Жидъ Саломонъ, который, сказавъ мнѣ, что ваза уже въ печи, взялъ меня подъ руку, почти насильно повелъ съ собою, и началъ говорить о тѣхъ деньгахъ, копорыя Софія поручила ему переслать въ Саксонію.

Альбертъ. Какія это деньги? Развѣ Софія занимала ихъ у Жида Саломона!

Свидѣтель. Напрошивъ. Саломонъ долженъ былъ Софіи за нѣкоторыя картинки, писанныя ею на стеклѣ, по его заказу. Въ слѣдствіе ихъ договора, Жидъ Саломонъ обязанъ былъ пересылать эти деньги въ Саксонію къ родственникамъ Софіи, копорыхъ она содержала своею работою.

Альбертъ. Точно ли эти деньги доставлены были родственникамъ Софіи?

Свидѣтель. Нѣтъ. Я третьяго дня получилъ отъ невѣсты моей письмо, въ копоромъ она уведомляетъ меня, что Саломонъ ее обманулъ, и требуетъ, чтобы я принудилъ его заплатить ей деньги.

Альбертъ. Слѣдовательно Жидъ Саломонъ имѣетъ не весьма строгія правила честности. Но прежде не говорилъ ли онъ чего нибудь съ тобою о возвращеніи Софїи въ Саксонію?

Свидѣтель. Говорилъ, и не однажды. Изъ всѣхъ его разговоровъ могу заключить только то, что онъ весьма желалъ оставить ее въ Берлинѣ, дабы воспользоваться ея дарованіемъ. За недѣлю передъ тѣмъ, какъ Его Величество наименовалъ Софїину вазу *Прусскою*, я встрѣтился съ нимъ на улицѣ и сообщилъ ему надежду свою скоро возвратиться съ моею невѣстою въ Саксонію. Онъ нахмурился и отвѣчалъ: это еще не вѣрно.

Альбертъ. Не говорилъ ли онъ когда нибудь съ тобою о Графѣ Ланицкомъ?

Свидѣтель. Однажды; въ тотъ самый день, въ который Графъ посѣщалъ вмѣстѣ съ вами фарфоровую мануфактуру. Я спросилъ у Саломона: кто это прелестный молодой человекъ, въ гусарскомъ мундирѣ, который такъ живъ въ разговорѣ, и имѣетъ такіе блестящіе глаза? — Онъ нахмурился: это Графъ Ланицкій, отвѣчалъ онъ мнѣ, внутренняя, насмѣшливая повѣса! Онъ не даетъ мнѣ покою своими колкостями, и я, признаюсь, ненавижу его опъ всего сердца.

Альбертъ. Я доволенъ. Ты можешь насъ оставишь. —

Свидѣтель, предспавленный къ допрсу послѣ жениха Софїи Мансфильдъ, былъ Прусскій купецъ, торговавшій въ Берлинѣ красками. Онъ объявилъ, что жидъ Саломонъ покупалъ у него синюю краску, кошорой нѣсколько цвѣшовъ пробоваъ на клочкѣ бумаги, вынушой имъ изъ кармана и забышой въ лавкѣ; что наконецъ онъ взялъ небольшое количество темнаго цвѣша краски. Свидѣтель предспавилъ ея образецъ. Альбертъ продолжалъ: цѣла ли у тебя бумажна?

Свидѣтель. Вотъ она. Саломонъ оставилъ ее на моемъ столѣ. Я побоялся ее бросишь, нашедши на ней арифметическую выкладку, и думая, что она можетъ понадобиться Саломону. Но Саломонъ не возвращался. Я позабылъ уже и объ немъ и о бумажкѣ его, когда вы, милостивый государь, дней восемь тому назадъ, пожаловали ко мнѣ въ лавку, спрашивали, какую краску бралъ у меня Жидъ Саломонъ, и увидя лоскутокъ бумажни, имъ забышой, приказали сберечь ее, запретивъ мнѣ говоришь о вашемъ посѣщенїи до самаго шого дня, въ кошорой назначено было судишь Графа Ланицкаго. Ваше приказанїе исполнено, и вотъ бумажна.

Альбертъ представилъ ее присяжнымъ. Нашли, что синяя краска, кошорую покупалъ и пробовалъ на эшомъ опривкѣ Жидъ Саломонъ, имѣла одинакій цвѣтъ съ шою, кошорою покрыша была ваза. Альбертъ приказалъ Саломону показашь плашокъ: увидѣли, что краска, прилипнувшая къ плашку, была такая же точно, какою была наперша бумажка и выкрашена ваза. Увѣрясь наконецъ, что судьи всѣ единодушно признають сходство красокъ, Альбертъ просилъ, чтобъ развернули бумажку и прочли написанныя на ней слова. Увидѣли слово *тиранъ*, около десяти разъ повпоренное, и не однимъ почеркомъ — казалось, что кто-то старался подписашься подъ чужую руку. Одно или два изъ эшихъ словъ были совершенно сходны съ словомъ *пиранъ*, изображеннымъ на подножїи вазы. Альбертъ, представивъ всѣ сіи доказательсшва присяжнымъ, сказалъ наконецъ, что онъ не будетъ ушомляшъ вниманїя ихъ новыми убѣжденїями; что дѣло обьясняется само собою, что невинность друга его не можетъ подвержена быть сомнѣнїю, и что наконецъ предосшавляется безпристрастїю судей рѣшишъ, кто прешупникъ: пылкїй ли Графъ Ланицкїй, или благоразумный и ошпорожный Жидъ Саломонъ? Альбертъ возвратился на свое мѣсто. Судья въ нѣсколькихъ словахъ представилъ присяжнымъ сущность

всего дѣла, и споль ясно, что всѣ они въ одинъ голосъ воскликнули: *невенень!* Громкія рукоплесканія зашумѣли въ залѣ; но Фридрихъ вспалъ съ своего мѣста, и все утихло.

„Я подтверждаю приговоръ присяжныхъ! сказалъ онъ. Графъ Ланицкій дайте мнѣ вашу руку; я поступилъ слишкомъ поспѣшно, опнявши у васъ шпагу: вотъ вамъ моя; владѣйте ею, а вашу беру себѣ.“ Фридрихъ снялъ съ себя шпагу и подалъ ее молодому Графу. „Благодарю васъ, сказалъ онъ Альберту, проспирая къ нему руку. Вы не имѣете нужды въ шпагѣ, чшобъ бытъ защитникомъ своихъ друзей; но я желаю, чшобы вы вступили въ мою службу и были мнѣ полезны вашимъ перомъ. Вѣрьте, Баронъ Альшенбергъ, что Фридрихъ умѣетъ цѣнить людей благородныхъ и награждаетъ полезные таланты. А ты, проклятый Еврей! воскликнулъ онъ бросивъ на Саломона грозный взглядъ, ты стоишь того, чшобы сію же минушу оправишь тебя къ своему отцу Аврааму — но я хочу, чшобы и ты приносишь какую нибудь пользу, не имѣя однако способа вредить честнымъ людямъ. Съ сего часа опредѣлено тебѣ, во всю твою жизнь мести Пошдамскія улицы, не забывая и той, на кошорой построены домъ Графа Ланиц-

наго!“ — Снова шумныя восклицанія слышались въ залѣ. Фридрихъ подвелъ къ Графинѣ Ланицкой ея сына. Онъ подалъ ей руку, и провожая ее съ лѣспницы, сказалъ, что будетъ у нее обѣдать и пить за здоровье Августа Ланицкаго. Послѣ обѣда училъ онъ гвардію: всѣ замѣтили, что онъ имѣлъ на себѣ шпагу молодого Графа.

II.

Къ дружбѣ.

Сліянье крошкихъ душъ, о дружество свя-
шое!

Невинности удѣлъ, веселье жизни сей,
Даръ неотъемлемый, сокровище прямое —
О, будь единственной отрадою моею! . . .

*

Когда, на тягостномъ пути изнемогая,
Мой духъ начнетъ скорбѣть подъ игомъ лю-
тыхъ бѣдъ,
Да сладостный твой гласъ, спутница благая,
Его къ терпѣнію, въ надеждѣ воззовешъ!

*

Да въ часъ неправедныхъ и злобы и гоненья,
Когда неотвратимъ ихъ будетъ хитрый ковъ,
Цѣлебное прольешь мнѣ въ сердце утѣшенье,
И будешь научать любить моихъ враговъ!

*

О, будь наставницей, о, будь моимъ соѣтомъ!
Храни меня страстей отъ пагубныхъ заразъ!
Да съ сердцемъ, вѣрою въ Всевышнему со-
грѣшомъ,
Его благословлю за каждый жизни часъ!

*

Отрада въ горести, и въ щастьѣ — наслаж-
денъе!

Когда настанетъ мигъ кончины моя,
Съ симъ міромъ усладишь мое ты разлученъе,
И въ немъ останешься оплакивать меня!..

М. Милоновъ.

III.

Отрывокъ изъ Сельмскихъ лѣсней.

Сколь прелестно ты очамъ моимъ,
О свѣтило ноци мирное!
Ты блестящую главу свою
Изъ сѣдыхъ подвемлешь облаковъ,
И величественно шествуешь
По зыбямъ небесъ лазоревымъ.
Что, вѣщай мнѣ, зришь въ долину сей?
Тихо, съ нѣжною улыбкою,
На нее ты преклоняешься.
Спихли вѣпры полуночные,
Слышай шумъ вдали источника,
Тихо волны разбиваются

Объ утесы отдаленные,
 И вечернее жужжаніе
 Насѣкомыхъ въ полѣ слышится.
 Что жъ, скажи, свѣтило крошкое,
 Что ты зришь? . . . но ты съ улыбкою
 Погрузилось въ нѣдра запада;
 Волны зыблются окрестъ тебя,
 И власы твои прекрасныя
 Орошаютъ свѣтлой пѣною.
 Удались, звѣзда любезная!
 Пусть угаснетъ лучъ вечерній твой,
 Пусть сіяетъ свѣтъ души моей!

Такъ! сіяетъ онъ во тьмѣ ночной!
 Зрю, на *Лоръ* собирающа
 Тѣни легкія друзей моихъ.
 Царь *Морвена* тихо шествуетъ,
 Какъ шумана столпъ по воздуху;
 Вкругъ его тѣсняются вишязи,
 Юныхъ дней его поварищи.
 Бардовъ ликъ за ними слѣдуетъ;
 Арфы слышатся волшебныя!
 Въ сонмѣ ихъ *Альпинъ* возвышенный!
 Зрю *Уллина* сѣдовласаго,
 Съ ними рядомъ *Рино* шествуетъ,
 И *Минона*, дочь *Торманова*.
 Сколь, друзья, переѣнились вы
 Съ тѣхъ временъ, какъ въ *Сельмѣ* шумные
 Раздавались гласы пиршества;
 Какъ со мной вы въ пѣньи спорили:
 Въ теркамъ весны, подобные,

Разтвореннымъ благовоніемъ,
Кои, тихо вѣя съ запада,
Чудь колеблюшъ злаки холмные.

Се узрѣли мы грядущую
Дщерь прекрасную *Торманову!*
Полонъ слезъ былъ взоръ пошупленный,
На плечахъ ея размешаны
Въ беспорядкѣ были волосы.
При уныломъ звукѣ голоса,
При, возрѣвнѣи на красавицу
Души выпязей смягчились.
Часто зрѣли мы *Сальгаровъ* гробъ,
И жилище *Кольмы* мрачное;
Съ темной ночью возвратиться къ ней
Далъ *Сальгаръ* ей обѣщаніе.
Ночь сошла — и *Кольма* скорбная
Зрѣшъ себя одну, оставленну
На холму въ уединеніи.
Кольмы жалобы плачевныя
Такъ въ пустынѣ раздавались:

К о л ь м а.

Ночь грядетъ — а я на холмѣ семъ
Друга жду одна съ печалію!
Бури съ ревомъ собираются,
Страшно воюшъ межъ утесами,
Съ горъ шумятъ потоки быстрые.
Тщешно взорами слезящими
Я ищу себѣ убѣжища!
Гдѣ отъ ноци я укроюся?

Выйди, мѣсяцъ, изъ - за облаковъ!
Вы прѣгляньте, звѣзды ясныя!
Освѣтите вы пропину мнѣ
Къ тѣмъ мѣстамъ пустыни дикія,
Гдѣ любезный мой покоится,
Утомленъ звѣриной ловлею;
Гдѣ лежатъ его псы вѣрные,
Гдѣ съ калеными стрѣлами лукъ.
Но; увы, напрасны жалобы!
Громъ сильнѣе! буря близится!
Звѣроловецъ мой возлюбленный
Не услышитъ воплей *Кольминныхъ*.

О! почто такъ долго медлишь ты
Къ сердцу вѣрному прижать меня?
Знаешь вѣрную любовь мою;
Знаешь, *Кольма* съ нетерпѣніемъ,
Съ горемъ ждетъ тебя на холмѣ семъ.
Вотъ скала, и дубъ развѣсистой,
Вотъ источникъ, гдѣ любезный мой
Слово далъ со мною видѣться!
Ахъ; ужель *Сальгаръ* невѣренъ мнѣ?
Иль покинушь хочешь бѣдную?
Для кого я домъ родительской,
Для кого жъ родныхъ оставила,
Позабыла несогласія,
Наши дома раздѣлявшія?
Для тебя — а ты забылъ меня!
Не спѣшишь со мною встрѣтиться!

Не бушуй ты вѣтръ полуночный!
Не шумите вы источники!

Да услышитъ звѣроловецъ мой
Голосъ *Кольмъ* . . . я зову его!
Чтожь онъ медлитъ, не спѣшитъ ко мнѣ?
Кольма ждетъ давно любезнаго!

Вотъ и мѣсяцъ всходитъ на небѣ,
И унылые лучи его
По дубравѣ разливаются;
Но *Сальгара* не видать еще!
Я не слышу лая псовъ его!
Я одна сижу въ печали здѣсь!

Что такое? — Точно ль? — Кажется,
Тамъ, на холмѣ спятъ два вишязя!
Подойду, узнаю, кто они
Не мечталь? — Въ одномъ я брата зрю,
А въ другомъ *Сальгара* милаго.
Отвѣчайте мнѣ, друзья мои!
Но они не пробуждаются.
Страхъ обѣмлетъ душу *Кольмину*.
Ахъ! они почіютъ вѣчнымъ сномъ;
Ихъ мечи дымятся кровію.
Милый братъ! за что лишилъ меня
Звѣроловца, мнѣ любезнаго? —
Какъ, *Сальгаръ*, ты могъ оружіе
Устремить на брата *Кольмина*?
Вы равно любезны оба мнѣ!
Но, увы! они безмолвствуютъ,
Смертнй сонъ смыкаетъ очи ихъ;
Въ нихъ сердца не бьются хладныя!

Тѣни милыя! вѣщайте мнѣ
Съ высоты скалы сей мшистыя,
(Зракъ любезныхъ не страшитъ меня)
Гдѣ жилище ваше мирное?
На какихъ холмахъ вы любите
Отдыхать въ часы полуденны?
Нѣтъ! — они мнѣ не отвѣщаютъ
Ни въ безмолвіи полуночномъ,
Ни въ дыханьи бурь порывистыхъ!

Я сижу одна съ тоскою здѣсь,
И въ слезахъ жду утра яснаго.
Вы, друзья моихъ возлюбленныхъ!
Славный памятникъ воздвигните
Надъ гробами юныхъ витязей;
Но доколѣ я жива еще,
Вы могилъ не закрывайте ихъ.
Дни мои, во цвѣтѣ юности,
Прошекли, какъ сновидѣніе.
Для чегожь одной скипаться здѣсь?
Что увижу, что услышу я
Мнѣ знакомаго, сердечнаго?
Здѣсь засну я при источникѣ,
Посреди двухъ милыхъ витязей!
Здѣсь, когда порой осеннею
Темна ночь на холмы спустился,
Тѣнь моя въ пустынномъ облакѣ
Принесется на могилу ихъ,
И въ уныломъ бурь стenanіи
Будетъ горестно оплакивать
Смерть безвременну друзей своихъ!

Звѣроловецъ въ мирной хижинѣ
 Гласъ услышитъ *Кольмы* скорбныя,
 И въ душѣ своей почувствуетъ
 Страхъ, съ печалью сладкой смѣшанный!
 Пѣсни *Кольмы* будутъ жалобны
 Надъ могилою возлюбленныхъ! —
 Такъ воспѣла дочь *Торманова*.

Н. Грамматинъ.

IV.

Путь развратнаго.

(каррикатура)

Печальная, и къ щасію послѣдняя сцена смѣшной комедіи! Вы увидите Бедламъ, жилище сумасшедшихъ въ Лондонѣ, и въ немъ Томаса Раквеля, вашего знакома, который, испытавъ коловращность щасія, наконецъ сошелъ съ блестящаго театра его, безъ денегъ, безъ здоровья, и безъ ума. Тотъ ли это человекъ, котораго видѣли вы на первой картинѣ, веселаго, цвѣтущаго здоровьемъ, готоваго наслаждаться жизнью? Но можете быть скажете вы: различіе въ однихъ только декораціяхъ — актеръ и тамъ и здѣсь одинъ и тотъ же! Первая сцена служитъ приготовленіемъ къ послѣдней. Онъ казал-

ся веселье — но продолжительно ли веселье испорченного сердца? Онъ оживленъ былъ надеждою будущихъ наслаждений — но какихъ наслаждений? Гибельныхъ, убійственныхъ, одною только наружноспію несходныхъ съ ужасами Бедлама! . . . Не буду прошиворѣчишь вамъ, милоспивые государи! смоприше, прошу васъ, вмѣстѣ со мною, на каршину и утѣшайшесь мыслію, что у васъ передъ глазами — одна только каршина!

Раквель лежишь на землѣ, почти обнаженный — смопришель налагаетъ на него цѣпи. Для чего это? спросите вы. Для того, буду вамъ отвѣчать, что нашъ знакомецъ и въ самомъ Бедламѣ слѣдуетъ побужденію своей напурѣ, которая безпрестанно стремишь его ниже и ниже. Въ Бедламѣ, надобно вамъ замѣтишь, не всѣ безумцы скованы цѣпями; и самыя цѣпи имѣють степени. Вѣроятно, что Раквель сначала пользовался неограниченною свободою избранныхъ членовъ Бедламскаго клуба: по крайней мѣрѣ имѣлъ онъ полное право прохаживаться, вмѣстѣ со многими другими, по той пространной галлерей, которой изображеніе находите на картинѣ — правда не далѣе, какъ до рѣшешки, которая представлена въ дали, и за которою опведено жилище *Бедламцамъ* другаго класса, или, говоря языкомъ поняшнымъ,

другой секты, признающей совсѣмъ особенныя правила: вѣроятно, что нашъ знакомецъ рѣшился оставить свою миролюбивую секту, и перейти въ другую болѣе необузданную — рана, которую онъ собственными руками сдѣлалъ себѣ подъ сердцемъ, можешь служишь доказательствомъ успѣховъ его въ новой философіи — короче, онъ возмутилъ эту мирную республику, въ которой былъ гражданиномъ и долженъ теперь переселенъ бышь къ анархистамъ, обитающимъ зарѣшеткою. Лице страдальца неописанно; оно напоминаетъ намъ Греевъ сшихъ:

Безумства дикій смѣхъ въ мученьяхъ нестерпимыхъ!

Угадаете ли, кто эта женщина, стоящая на колѣняхъ, обливающаяся слезами? — Сара Юнгъ, обманутая, злобная Сара Юнгъ, которой сердце не помнитъ оскорбленій, которыхъ любишь злодѣя своего, впадающаго въ несчастье, забытаго цѣлымъ міромъ! Слова святаго Писанія: *я былъ въ недугѣ, я былъ въ темницѣ, а ты не послалъ меня, вѣзаны въ ея душу; остатокъ прежней любви, и щепла вѣра къ Создателю привели ее въ ужасную пропасть Бедлама. Несчастный! я буду твоимъ покровомъ!* говорила нѣжная Сара, смотря на лице безумца, обезображенное страданіемъ.

Одинъ изъ смошришелей, кажется, пронувъ печалію Сары; онъ хочеть, съ нѣжною ошпорожностію, дѣлающею честь его сердцу, опшвести лице ея опъ головы сумасшедшаго. Пріятно видѣть, что руки его, привыкшіе налагать одни цѣпи, не опшучились опъ крошкихъ движеній чело-вѣколюбія.

Замѣшьте надъ дверьми нелій цыфры: 54, 55, 56. Дверь подъ Но 56 заперта. Заглянемъ въ первыя и постараемся такъ же ихъ запереть для нашего взора. Подъ Но 54 найдете мечшательнаго суевѣра; подъ Но 55 честшлюбиваго, спроу-щаго на воздухъ свои зданія. Первый иредспавленъ въ минушу испшупленія — солнечный свѣтъ, ударяющій въ крестъ, кажется ему сіянїемъ, низходящимъ съ неба. Другой сидитъ на соломѣ, изображающей шронъ, увѣнчанный короною изъ со-ломы же, собспвеннаго рукодѣлія. Все во-кругъ него имѣетъ соломенную легкостъ — выключая одинъ только скипешръ, въ ко-шоромъ опшшительна кака-шо Опшо-манская полновѣсностъ. У самыхъ почти дверей стоятъ двѣ женщины, одѣшныя въ великолѣпное шелковое плашье — эшо при-дворныя дамы; онѣ конечно ждуть аудіен-ціи! Одна оперлась на другую, закрыв-шую лице онахаломъ: бышь можетъ, безъ

этой подпоры не осмѣлилась бы она взглянуть на пышнаго соломеннаго Султана, грозно владычествующаго въ своей клѣшкѣ! Но кто же эти дамы? Конечно любопытныя, пришедшія не *одѣвать* обнаженныхъ, какъ Сара Юнгъ, но видѣть ихъ и пошомъ забыць на вѣки — по крайней мѣрѣ въ эшомъ увѣряютъ насъ ихъ лица, на копорыхъ ни малѣйшаго слѣда чувствительности незамѣтно!

Привилегіи, копорыми пользующся обитатели кладбища въ глухую полночь, дающа обитателямъ Бадлама среди бѣла дня — то есть, они имѣютъ свободу выходить изъ гробовъ своихъ и пугать входящихъ. Впрочемъ и тѣ и другіе обязаны умѣренно пользоваться своими привилегіями: первыхъ иногда сажаютъ въ мѣшокъ и бросаютъ въ рѣку, естли они замедлятъ откликнуться, или скажутъ свое имя; послѣднихъ обыкновенно заговяютъ въ клѣшку и приковываютъ къ стѣнѣ. Здѣсь Гогартъ предсказалъ намъ не болѣе шести денныхъ привидѣній — выключая изъ числа ихъ *придворныхъ дамъ*. Замѣтьте на лѣвой сторонѣ величественное шрїо; одинъ, въ остроконечной шапкѣ, съ шройнымъ крестомъ, поетъ овечьимъ голосомъ обѣдно для одного себя — сосѣди его заняты каждый собственнымъ дѣломъ.

По лѣвую руку его сидитъ виртуозъ, съ ношною книгою на головѣ, и деретъ уши своею разспроенною скрыпкою. У ногъ его размышляетъ меланхоликъ, конечно мученикъ любви — собака, привѣтствующая его дружелюбнымъ лаемъ, напрасно разпочаетъ свои ласки; онъ ихъ не чувствуетъ; онъ, кажется, навсегда зашворилъ уста свои — такъ сильно они сжаты; но руки его, такъ же сильно сжатые, недавно еще вырѣзали на перилахъ лѣспницы милое имя жеспокой. Прочтите его: *Charming Betty Careless, милая, непостоянная Бетти*. Смѣшная мысль, заспавишь скрыпача играешь на скрыпкѣ, разложивъ у себя на головѣ ношы, совершенно во вкусъ Бедлама. На пальцахъ у него множесиво колецъ — это принадлежитъ къ нѣкоторымъ модамъ, общимъ Бедламу съ большимъ свѣтомъ.

Явленіе, которое видите на стѣнѣ между No 54 и 55, опзывается нѣсколько энциклопедіею: корабль о прехѣ мачтахъ, мѣсяцъ, отрывокъ земнаго шара съ меридіанами и полярными кругами, изображеніе Бришанніи, бомба, черезъ нихъ лешая, внизу что-то похожее на кругъ съ начертаніемъ тридцати двухъ вѣтровъ, а выше разныя геометрическія фигуры — все это (выключая одно изображеніе Бри-

шаннїи, не иное что, какъ Англїй-
 ская монета Half - пенну; прибѣгая
 къ сѣбѣ) — есть произведеніе глубоко-
 мысленнаго математика, котораго видите
 за дверью съ углемъ въ рукѣ. Передъ са-
 мымъ его носомъ начертано слово Longitude
 (морская долгоша), другаго рода Бешпи!
 многіе изъ несчастныхъ любовниковъ этой
 математической Дульциней кончили нѣж-
 ную спрасъ свою въ Бедламѣ; они иска-
 ли ее — искали — но запусавшись въ ли-
 нїяхъ, паралеляхъ и кругахъ, оставили
 наконецъ въ этой волшебной сѣти свой
 разумъ. Позади мореплавателя смо-
 трѣвъ въ бумажную трубу астрономъ,
 котораго Бешпи скрывается въ какомъ
 нибудь хвостѣ кометы. Передъ нимъ
 видите поршняго — украсивъ голову сво-
 ими суконными образцами, онъ шумѣвъ
 надъ звѣздочетомъ и хочѣвъ лопнуть
 со смѣху, видя напрасныя усилїя рыцаря
 долгошы. Сумасшедшїй! такъ говоритъ онъ
 ему: брось все, и примись лучше за мою
 мѣрку; съ нею найдешь и долгошу и шир-
 оту вѣрнѣе, нежели съ твоими косыми и
 прямыми линїями! Разсужденіе достой-
 ное обоихъ философовъ! — Изображеніе
 Бришаннїи на сѣбѣ есть, повторяю,
 Англїйская монета Half - пенну. Вы ви-
 дите сидящую Бришаннїю съ разпран-
 ными волосами; внизу подписано: 1763.

Всмошришесь, и вы замѣшите цѣпь, которою монета прикована къ дверямъ Но 54. Гогартъ хочеть сказать : въ 1763 году Британнїя сидѣла, или досшойна была сидѣшь въ Бедламѣ. Славный мирѣ, заключенный ею въ эшомѣ году, казался для нѣкоторыхъ слишкомъ мирнымъ ; одинъ говорилъ: Британнїя поступила неблагоприятно! другой кричалъ: Британнїя ! осрамила себя ! Въ Бедламѣ Британнїю сказалъ Гогартъ — и Британнїя въ Бедламѣ. . . . Но чемъ же Британнїя ошмшила своему порицашелю, который , какъ мы догадываемся , по ту сторону Ламанхскаго канала просидѣлъ бы за дерзость свою нѣсколько лѣтъ въ Баспи-ліи? — Британнїя, добрая, разсудительная мать, забавлялась шутками своего остроумнаго сына, котораго сердце она знала, и простила ему. Но что ешьли бы Гогартъ могъ бытъ свидѣшелемъ послѣднихъ десяти лѣтъ своего вѣка? что ешьли бы могъ онъ видѣть Европу, опять пущившуюся на хребтѣ вола въ пространное море, и едва не утонувшую во глубинѣ его? Какой обширный Бедламъ пригошвилъ бы онъ для ея помѣщенїя ! — Буквы H. S., начертанныя на перилахъ лѣспницы, и слово LE, которое видише у дверей N 55, для меня непонятны , ошдовашельно — не стану ихъ объясняшь и для читашеля.

Довольно! скажу искренно, что я полковалъ эту картину, сжавши сердце; и теперь, отвращая отъ нее взоры, нахожу въ себѣ тоже самое чувство, съ какимъ, въ Октябрѣ 1775, проведя нѣсколько часовъ среди ужасныхъ могилъ Бедлама, я вышелъ на чистый воздухъ въ Моорфильдъ (*).

Лихтенбергъ.

У:

Г е т т е (**),

изображенный Лафатеромъ.

Историкъ столь же трудно изобразишь Гения, какъ и Живописцу лице великаго человека. Гений есть цѣлое, столь обширное, что умственный взоръ нашъ не въ силахъ объять вдругъ разнообразныхъ частей его: раздоби ихъ и каждую замѣчай отдѣльно, если желаешь въ изображеніи своемъ сохранить нѣкоторое сходство. Надобно уловить ту быструю минушу, въ которую великій человекъ открывается передъ тобою во всей своей силѣ, и дѣйствуй всѣми необычайными своими средствами — тогда соедини въ единый образъ частныя черты сіи, бери свою кисть и пиши.

(*) Часы Лондона, въ которой находился Бедламъ.

(**) Сочинитель Вертера.

Гете . . . вошъ чловѣкъ , котораго смѣло называю великимъ ! Какъ прїяшно его разсмащривашъ ; когда , оживленный огнемъ своего Генїя , онъ усщремляется въ высоту полетомъ быспрымъ ; или когда , спокойный въ душѣ , разливаешъ вокругъ себя ясную пищину и безмящезное веселїе ! Все опщрышо пронзающему его глазу . Въ минуту постигаешъ онъ дальнѣйшїя слѣдствїя . Онъ Ванъ-Дикъ въ велиномъ , и Клодовикъ въ часпномъ . Говоря , онъ повелѣваешъ — однимъ словомъ возвеличиваешъ тебѣя , или обращашъ въ ничто . При немъ суешное самолюбїе унижено , а скромное достопиство блистаешъ .

Кто можетъ прощивишься волѣ его ? Кто можетъ положишь ему препящствїя ? Для прямодушїя — Гете опщкрышъ и неприщворенъ ; для хипроспи — опщороженъ и непроицаемъ . Онъ слушаешъ съ покорностїю молодыхъ лѣшъ , вопроптаешъ съ опыщностїю Мудреца , рѣшишъ какъ Мужъ , дѣйщвуешъ какъ Герой . Онъ одинаковъ во всѣхъ измѣненїяхъ !

Слова мои не пустое велерѣчїе орашора : кто зналъ Гете , тотъ вѣрно удивлялся , не менѣе меня , чрезвычайности его духа . Въ немъ образованный вкусъ и щонное чувство представляющя вамъ чудесно со-

единенными съ силою, швердоспїю и пресподушїемъ. Горе неоспорожному его оскорбшелю! гнѣвъ его ужасенъ — гнѣвъ его, не будучи ни досадою женьщины, ни бѣшенствомъ испшупленнаго, ни яроспїю педанша, приводшъ въ шрепешъ безумца, кошорый осмѣлился воспламенишь его, и никогда уже не подумаетъ онъ воорушишься прошивъ великаго человѣка, имъ оскорбленнаго.

Не знаю никого споль снисходшельнаго и въ то же время споль ужаснаго, какъ Геше. Самолубивый, желаетшй бышь первымъ, желаетшй удивляшь своимъ блескомъ, чувствуетъ при немъ внушреннее безпокойство, чувствуетъ себя не на мѣстѣ, замѣчаетъ свою ничтожность; человѣкъ благоразумный, проспой и скромный, весель при немъ и шаспливъ — никто не оставлялъ его, не сдѣлавшишь или выше, или ниже, Геше однимъ разшшельнымъ словомъ обьяняетъ штысячш шемныхъ поняшй; вы видите глазами шѣ предметы, которые онъ описываетъ; они оставшсь въ вашемъ воображенїи неизгладимы на вѣки. Не приближайтесь къ нему, еспьли не искренно желаете сдѣлашься лучшими, еспьли совершенство моральное не еспь любимый предметъ вашего исканїя; бойтесь доставишь ему случай къ

сравненію, для васъ унижительному. Въ важныхъ дѣлахъ онъ дѣйствуетъ благоразумно; искусенъ, простъ, неизощримъ въ средствахъ. Въ разговорѣ забавенъ, свободно предается натуральной своей веселости: его остроуміе плѣняетъ; ни чьи эпиграммы не могутъ имѣть такой остроты, колкой и вмѣстѣ пріятной; онъ никогда не льститъ, но похвалы его нравятся: онъ удовольствоваться для самолюбія. Человѣкъ, постоянный въ правилахъ, твердый и неизмѣняемый, хотя несходный съ нимъ въ характерѣ, будетъ конечно имъ уваженъ. О какое почтеніе заслуживаетъ въ глазахъ моихъ Гете! Умѣя такъ быстро замѣчать странное и такъ искусно его осмѣивать, онъ никогда не позволяетъ себѣ сказать колкость на счетъ человѣка почтеннаго, хотя съ другой стороны смѣшнаго. Я видѣлъ самъ, съ какою воздержностію слушалъ онъ разсужденія одного мечтателя, впрочемъ достойнаго уваженія по характеру — никогда глубокое знаніе человѣческаго сердца не обнаруживалось въ такой силѣ: ожидали отъ него насмѣшекъ, острыхъ словъ; и напротивъ ни что не могло сравниться съ его умѣренностію, съ его добродушіемъ. Быть можетъ, имѣетъ онъ нѣкоторые предразсудки — но должно удивляться тому постоянству, съ какимъ стараетъ-

ся онъ ихъ въ себѣ изкорѣнить; той про-
стошѣ, съ какою всегда признается въ
нихъ передъ другими. Таковъ характеръ
Гете! Мое начертаніе не совершенно —
чувствую! но чловѣку, котораго я осмѣ-
лился изобразить; не найдете въ мил-
ліонѣ людей равнаго умомъ, силою духа,
дѣятельностію, добродѣтелями сердца.

VI.

Успокоеніе сомнѣвающагося.

Назову ли Природу *расточительною* за-
то, что она возвела чловѣческую ду-
шу на высочайшую степень совершенства
единственно для того, чтобы оспающійся
на землѣ оппечатокъ ея, по прошествіи
тысячелѣтій, только отражался въ
душахъ другихъ чловѣковъ, которые,
принимая образованіе свое отъ поколѣній
прошедшихъ, передавали бы его въ непре-
рывной цѣпи поколѣніямъ грядущимъ?

Навѣки ли исчезаютъ слѣды чловѣче-
скаго генія, угасающаго для міра? Не
продолжаютъ ли онъ существовать въ не-
прерывныхъ послѣдствіяхъ малѣйшихъ
своихъ дѣйствій?

Изобрѣшенія и мысли одного поколѣнія передаются другому — сокровища человѣческихъ познаній умножаются, но сохраненіе и усовершенствованіе *цѣлаго* кажется главною цѣлію *Натуры*.

Она требуетъ одной только жизни, юной, всегда возраждающейся жизни. Она требуетъ, чтобы существовалъ человѣчскій родъ, въ которомъ она бы могла изображаться во всемъ своемъ разнообразіи, и не взираетъ на то, изъ какихъ частей соспавлено сіе обширное цѣлое.

Зеленые листья покрываютъ рощу — кто спроситъ, тѣ ли они, которые покрывали ее прежде, или новые, впервые разцвѣтшіе отъ воздуха весенняго!

Юный міръ возрастаетъ; онъ радуется бытіемъ своимъ, не возмущая себя мыслию, что міръ прошекшій не существуетъ уже, что нѣкогда и собственныя слѣды его на землѣ изглаждаются.

Въ вещественномъ мірѣ, съ самаго начала его, не убавилось ни единой пылинки.

Но міръ духовный? Уже ли безпрестанно населяется онъ новыми существами? — Вступаютъ ли въ него новый гражданинъ

при смерти каждаго человека? Или число обитавшихъ въ немъ ошъ вѣчности не умножилось? Всему ли опредѣлено обращаться въ немъ въ единомъ кругѣ, какъ въ мѣрѣ вещественномъ, или все безпрестанно стремилося выше и выше? Въ духѣ, который, будучи связанъ съ тѣломъ, безпрестанно образовался тѣми понятіями, которыя ошъ всѣхъ сторонъ къ нему стекались, образуется ли новое существо, никогда еще небывшее дошъ? Или существовало оно уже прежде? А еспьли существовало, то для чего не помнишь о прежнемъ своемъ бытіи? Куда дѣвалась прежняя его личность?

Кто разрѣшитъ сіи вопросы? Кто успокоитъ мое сомнѣніе? Кто изведетъ меня изъ сего лабиринта, въ который завлеченъ я своими мечтами? Никто! никто!

Обуздай же дерзновенныя свои мысли, стремящіяся за предѣлы извѣснаго! Открой свою душу для наслажденія красошою Природы — вопросы великую швою наставницу, и преклони слухъ свой къ усладительному ея гласу!

Внимай ему на брегахъ водопада, бѣгущаго по скаламъ; подъ сѣнію дремучей дубравы; подъ грознымъ наклономъ границъ

наго ушеса; на высотѣ холма, дымящагося ушреннимъ шуманомъ; близъ шихаго озера, отражающаго послѣднѣй, розовый блескъ заходящаго солнца — Природа обнаружитъ передъ тобою непроницаемыя тайны бытїя; она освѣтитъ твое сердце; она содѣлаетъ его способнымъ обнимать великїя открытїя вѣчной Истины.

Завтра, на зарѣ, взойду на вершину сей горы, и шамъ буду ожидать солнца — съ первою пѣснью жаворонка душа моя вознесетъ къ Вѣчному! Смотри на мирное, величественное пробужденіе творенїя, она преисполнится воспоргомъ, и вмѣстѣ съ нимъ прольются въ нее вѣра, успокоенїе, надежда.

Морицъ.

ПОЛИТИКА

VII.

Всеобщее народное вооруженіе въ Австрійской Имперіи.

Ни одно изъ политическихъ произшествій Европы — не выключая и самой революціи Испанской — по мнѣнію моему, не заслуживаетъ такого вниманія, какъ всеобщее вооруженіе Австріи. Оно важнѣе, нежели какъ думаютъ господа издатели политическихъ Журналовъ. Я ничего не увеличиваю, называя его всеобщимъ. Тридцать лѣтъ наблюдаю за политическими поступками Австрійскаго Двора, и увѣренъ, что изъ всѣхъ тѣхъ, которые въ теченіи сего продолжительнаго времени представлялись моему замѣчанію, сіе всеобщее вооруженіе есть самый благоразумный, рѣшительный, обильный важными слѣдствіями.

Давно я мыслилъ, что совершенная довѣренность къ своему народу необходима для правленія Австрійскаго. Ни въ одномъ почши Государствѣ Европы народъ не

имѣеть такой привязанности къ своему Государю, какъ въ Австріи. Съ глубокимъ прискорбіемъ замѣчалъ онъ каждый поступокъ своихъ правителей, которыми показывали они къ нему надовѣрчивость, или обнаруживали сомнѣніе въ его патріотизмъ.

Теперь всеобщее вооруженіе Австрійцевъ есть первый знакъ довѣренности къ нимъ Монарха — и радость народная не описанна. Самъ Императоръ Австріи не почиталъ подданныхъ своихъ способными къ такому энтузіазму: онъ доказалъ теперь, что мужественный характеръ его націи не былъ ему извѣстенъ.

Не лзя изчислить тѣхъ щасливыхъ слѣдствій, которыя въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ должно имѣть для Австріи сіе всеобщее вооруженіе; она пріобрѣтешъ новую важность среди другихъ Имперій Европы. Государственный кредитъ ея возвысится — первая польза сего рѣшительнаго поступка ея правителей.

За десять лѣтъ имѣли слишкомъ высокое понятіе о знаніяхъ великаго Генерала: нынѣ сіе понятіе унизилось. Такъ! естли бы для военнаго искусства было необходимо образованіе продолжительное и съ трудомъ пріобрѣтаемое, то Франція,

въ теченіе шеснадцати лѣтъ, не могла бы произвести шестидесяти великихъ или искусныхъ полководцевъ.

Чего, въ нынѣшнее время, пребудутъ отъ Генерала? Искусства обходить непріятельскую армію, чтобы ударить ее въ тылъ; искусства разстроить ее, чтобы лишить способа дѣйствовать всѣми силами вдругъ. Причислите къ тому: быструю обороту; опнышіе средствъ получашъ извѣстія; общанія наградъ и почестей чиновникамъ; возбужденіе крѣпкими напиками силы и мужества въ солдатахъ — всѣ сіи средства приводяшъ и самаго посредственнаго Генерала къ дѣлу великой.

Ничто не можетъ быть такимъ препятствіемъ для полководца, какъ неизвѣстность о непріятельской арміи. Представляю примѣромъ тому знаменишаго Моро, одного изъ превосходнѣйшихъ Генераловъ нашего времени! Находясь при Аугсбургѣ, онъ при дни не имѣлъ никакого извѣстія о непріятелѣ — твердый, рѣшительный Моро пришелъ въ замѣщательство: онъ бѣгалъ съ лѣстницы на лѣстницу; ломалъ руки; часто восклицалъ: Боже, Боже! нѣтъ никакого извѣстія! Онъ даже говорилъ съ практицизмомъ о страшномъ своемъ безпокойствѣ; часовой видѣлъ, какъ онъ

вскакивалъ съ постели ночью, бросался на колѣна и просилъ Бога подашь ему помощь. Дни черезъ при явился одинъ изъ главныхъ его шпіоновъ; Моро повчасъ подвинулъ армію впередъ, и далъ Гогенлинденское сраженіе. Можете заключишь изъ сего, какъ важенъ хорошій шпіонъ для искуснаго Генерала.

Повшоряю, Австрійская Имперія должна ожидать великихъ слѣдствій отъ общаго вооруженія своей націи. Теперь правительсво приведено будетъ въ состояніе уменьшишь регулярную армію, кошорая споила ему такихъ великихъ издержекъ: одна надежда сія благодѣтельна уже для Государственнаго кредита сей Имперіи.

За нѣсколько лѣтъ предлагали Саксоніи, какъ же произвести въ дѣйствіе всеобщее вооруженіе — но это предложеніе не было принято. Положимъ однако, что Саксонія имѣла бы 130,000 вооруженныхъ воиновъ въ то время, какъ Французы находились близъ Ены — не была ли бы она тогда съ обѣихъ сторонъ признана неутральнойю, и кто бы осмѣлился въ стношеніи къ ней нарушишь права неутралитета?

Съ Нѣмецкаго.

VIII.

-Письмо изъ Веймара, Октября 9.

Наконецъ и Веймаръ, славный доселѣ одними учеными людьми, удостоился присутствія двухъ первыхъ Монарховъ во вселенной, **АЛЕКСАНДРА** и Наполеона. Они провели въ немъ два дни, вмѣстѣ со многими коронованными Особами Германіи и нѣкоторыми великими Чиновниками обѣихъ Имперій, Французской и Россійской. Дни сіи останутся незабвенными въ лѣтописяхъ Веймара. Нашъ Герцогъ, находившійся въ Эрфуртѣ, пригласилъ **АЛЕКСАНДРА** и Наполеона въ свою столицу на сшрѣльбу оленей и зайцевъ. Одну часть Веймарскаго лѣса окружили оградой, въ которую охошники и созванные съ деревень крестьяне, ночью, съ факелами въ рукахъ, старались загонять дичь изъ другихъ частей эвѣринца. Шестое Октября былъ день, назначенный для охоты. Со всѣхъ сторонъ собирались зрители толпами, пѣшіе, верхомъ и въ каретахъ. Веймарскій гарнизонъ, для отвращенія всякаго несчастія, занялъ мѣста, подверженныя нѣкоторой опасности, и не допускалъ приблизиться къ нему народу. Вмигъ построены были лавки для торгашей и возвышенныя мѣста, съ которыхъ зрители могли очень удобно видѣть всю пространную площадь, очищенную для сшрѣля-

нїя дичи. Сначала за каждое мѣсто платили по двадцати крѣйцеровъ — но съ умноженїемъ народа начала возвышаться и цѣна, такъ что наконецъ не лзя было опыскать себѣ мѣста за луидоръ. Всѣ деревья у входа въ звѣринецъ покрыты были людьми; зрители съ великимъ неперпѣнїемъ смотрѣли на Веймарскую дорогу, по которой надлежало ѣхать обоимъ Императорамъ съ Ихъ Свѣтами; не взирая однако на многочисленность народа, вездѣ царствовала тишина и совершенный порядокъ. Наконецъ, ровно въ часъ, явились АЛЕКСАНДРЪ и Наполеонъ, окруженные множествомъ Чиновниковъ, и съ Ними Герцогъ Веймарскїй. Приготовленъ былъ завтракъ; и тотчасъ по окончанїи его надлежало начаться охотъ — но отъ незнанїя лѣсничаго * * * а, въ части котораго назначено было стрѣлять оленей, оба Монарха принуждены были ждуть болѣе часа напрасно: дичь не показывалась . . . ошибка лѣсничаго состояла въ томъ, что онъ поставилъ ограду слишкомъ далеко отъ того мѣста, въ которомъ обыкновенно водились олени; людей созвано было мало; сверхъ того множество дичи, испуганной крикомъ народа и громомъ трубъ, убѣжало назадъ во глубину лѣса. Герцогъ былъ въ замѣшательствѣ; зрители, которые раздѣляли безпокой-

ство Государя своего, бранили смотришелей за ихъ неразшоропность. Наконецъ показала дичь — одни мѣлкїе олени, ибо старыя всѣ почти перебѣжали въ большой лѣсъ; застрѣлено ихъ 52; но, по увѣренію охотниковъ, надлежало бы застрѣлить болѣе 200. Въ пять часовъ оба Императора и всѣ охотники побѣжали въ Веймаръ: городской Совѣтъ и граждане вспрѣпили Высокихъ Послѣшелей, съ знаменами своими, у воротъ; колокола звонили до самаго прибытія Ихъ во Дворецъ, въ которомъ пригошовленъ былъ великолѣпный обѣдъ. За столомъ Императоровъ находились: Великій Князь **КОНСТАНТИНЪ**; Короли: Саксонскій, Баварскій и Виршембергскій, Князь Примасъ, Князя Беневентскій и Ньюшательскій, Принцъ Вильгельмъ, Герцоги Мекленбургскій и Шверинскій, и наконецъ Герцогъ Веймарскій съ Наслѣднымъ своимъ Принцемъ. Дамы были: Королева Вестфальская (которой Супругъ не могъ прѣѣхать въ Веймаръ по причинѣ болѣзни), Герцогиня Веймарская и Принцесса Каролина. Послѣ обѣда Французскіе Актеры, прибывшіе изъ Эрфурта въ Веймаръ, представляли Вольтерову Трагедію *Кесарева смерть*; игра ихъ, декламація и одежда произвели всеобщее удовольствіе въ зрителяхъ. Въ первомъ ряду партера сидѣли оба Императора и при Нихъ Короли; за

ними Князя, Министры и прочіе Чиновники, которыми наполненъ былъ весь театръ. Герцогская ложа занята была Дамами; при нихъ находился старикъ Виландъ. Послѣ театра данъ былъ при Дворѣ балъ, который Императоръ АЛЕКСАНДРЪ открылъ съ Королевою Вестфальскою. Наполеонъ, между тѣмъ, разговаривалъ съ Герцогинею, Виландомъ и Геше. Послѣдній за нѣсколько дней передъ тѣмъ завтракалъ у Императора; онъ очарованъ его разговоромъ и почитаетъ его величайшимъ изъ Геніевъ. И Геше понравился Наполеону, который, говоря о немъ, назвалъ его: un homme comte-il faut! Въ 12 часовъ Наполеонъ оставилъ собраніе. Весь городъ, театральная площадь и Дворецъ были прекрасно иллюминированы. Вездѣ царствовали тишина и порядокъ.

На другой день, то есть 7го Октября, АЛЕКСАНДРЪ и Наполеонъ приглашены были на заячью охоту, которая должна была производиться на полѣ сраженія не подалеку отъ Ены. Въ 9 часу утра Императоры находились уже въ полѣ; на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ Наполеонъ провелъ нѣкогда ночь, предшествовавшую рѣшительное сраженіе 14 Октября, поставленъ былъ павильонъ и приготовленъ завтракъ. Здѣсь представили Наполеону Депутатовъ отъ города Ены,

которые въ сильныхъ выраженіяхъ описали ему несчастія своихъ согражданъ — Императоръ общалъ имъ построить на собственнѣй свой счетъ сожженные дома жителей ; опредѣлилъ пенсіоны тѣмъ Лѣкарямъ, которые послѣ сраженія взяли подъ свой присмотръ лазареты, и 4000 рейхсшалеровъ на лучшее образованіе Каполической службы въ Енѣ. Императоръ **АЛЕКСАНДРЪ** также оставилъ по Себѣ вѣчный памятникъ въ сердцахъ Енскихъ жителей, объявивъ черезъ Министра Румянцева, что Онъ позволяетъ Курляндцамъ и Лифляндцамъ свободно посѣщать Ену, для обученія своего въ ея Университетѣ. Оба Императора во весь этотъ день были чрезвычайновеселы. Наполеонъ, между прочимъ, привелъ въ ужасъ самаго Герцога Веймарскаго, весьма искуснаго въ верховой ѣздѣ, слетѣвши на конѣ, во весь опоръ, съ крушаго ушеса, находящагося близъ Ены. Послѣ завтрака началась гоньба зайцевъ, и въ этотъ разъ была она весьма удачна : Императоры сдѣлали около 200 выстрѣловъ, и застрѣлили болѣе ста зайцевъ. Охота кончилась весьма благополучно : ни одинъ человекъ не былъ ни ушибенъ, ни раненъ. Въ 3 часа Императоры возвратились въ Веймаръ, откуда немедленно, перемѣнивши только лошадей, отправились въ Эрфуртъ. Увѣряютъ, что послѣдняя и

самая важная конференція кончишся через нѣсколько дней. Да вложишъ Небо мирныя чувства въ сердца Великихъ Монарховъ ! отъ Нихъ единственно зависишъ теперь благоденствіе Европы.

(Съ Нѣмецкаго.)

IX.

И з в ѣ с т і я .

Извѣстїя , получаемыя изъ Испанїи, не вѣрны и вообще противорѣчатъ одъ другимъ — мы знаемъ только то, что еще не было ни одного рѣшительнаго сраженїя между Испанцами и Французами. Армія Французская не перемѣняла своихъ положенїй. Король и Министры его находяшся въ Вишшорїи. Безпрестанно приходятъ новые корпусы изъ Германїи; увѣряютъ, что прежде перваго Ноября будетъ конечно присоединено болѣе 100,000 свѣжаго войска къ Французской арміи. Приготовленїя къ открытію сей кампанїи чрезвычайны ; магазиновъ множество, и всѣ наполнены провіантомъ. Думають однако , что не прежде, какъ по прибытіи Императора, начнушся рѣшительныя, наступательныя дѣйствїя. Главные корпусы Французовъ стоятъ спокойно. Отдѣленїе, находящееся въ Кашалонїи и наименованное *олорымъ корпусомъ* , должно защищать Барцеллону. Въ концѣ Окшября, вѣроятно,

совершаются рѣшительные для Испаніи удары: слѣдовательно мы скоро можемъ ожидать извѣстій важныхъ. Солдаты увѣрены, что Наполеонъ, возвращаясь изъ Германіи, будетъ предводительствовать ими самъ. По крайней мѣрѣ теперь въ Испанской арміи нѣтъ главнаго Шефа. Король Іосифъ имѣетъ въ рукахъ верховную власть; а Маршалъ Журданъ есть Шефъ Генеральнаго-Штаба. Всѣ утверждаютъ, что Наполеонъ, соуправляемый Вице-Конешаблемъ, Герцогомъ Ньюшательскимъ, по открытіи 25 Октября засѣданій Законодательнаго Корпуса, прибудетъ въ Испанію, и тогда вся армія, получивъ имя великой, начнетъ дѣйствовать наступательно. Слухи сіи подтверждаются извѣстіемъ, полученнымъ изъ Парижа, что Гвардіи наслано повелѣніе быть готовою къ походу въ Испанію. Все то, что пишутъ о внутреннемъ положеніи сего Королевства, весьма несогласно одно съ другимъ; нѣкоторыя публичные листы говорятъ о страшныхъ происходящихъ въ немъ безпорядкахъ; Мадридъ, если вѣрить имъ, представляетъ ужасную сцену мятежа и кровопролитія: Валенціанскіе папріоты, разграбивъ его, учредили новое правительство, котораго законы суть приписаніе и сила; знатнѣйшіе люди посажены въ тюрьмы; имѣнія конфискованы; самые верховные Члены духовенства не могли быть спасены священнымъ своимъ

саномъ. Слухи носящяся, что главные Генералы, Куэспа и Палафокс, поссорились, и послѣдній объявилъ себя главою независимой Аррагоніи — всѣ сіи извѣстія легко могутъ быть несправедливы, но онѣ правдоподобны; несчастное безначаліе, въ которое ввергнута теперь Испанія, должно быть еспешвенно сопряжено съ великими и гибельными неуспройствами. Въ нѣкоторыхъ журналахъ, напрочивъ, увѣряютъ, что существуетъ правительствво, котораго глава есть Архіепископъ Толедскій, имѣющій помощникомъ Флорида Бланку, управляющаго внутренними государственнымими дѣлами. Военныя находятся подъ вѣденіемъ Генерала Куэспы; а Генералъ Каспаньосъ наименованъ главнымъ предводителемъ арміи. О положеніи и дѣйствіяхъ напрошовъ ничего достовѣрнаго не пишутъ. Говорятъ, что всѣ ихъ военныя силы соединены будутъ въ окрестностяхъ Мадриша: онѣ состоятъ изъ регулярнаго войска и милиціи, Андалузской, Валенціанской, Ново - Каспильской. Частъ сей арміи подвинулась въ сѣвернымъ предѣламъ новой Каспильи для того, чтобы дѣйствовать наступательно: съ нею должны соединиться Англійскія войска, состоявляющія гарнизонъ Гибралтарскій, и другія, высаженныя на берегъ въ Галлиціи. Пишутъ о нѣкоторыхъ сраженіяхъ, проигранныхъ Испанцами; но эти

извѣстїя , полученныя изъ Франціи , не могутъ быть вѣрны: сами журналисты не знаютъ , который изъ Генераловъ Французскихъ одержалъ сїи побѣды; одни именуютъ Нея , другїе Безье. Надобно ожидать извѣстїей болѣе достоверныхъ — еще одинъ или два мѣсяца , и намъ откроется , какая судьба назначена Провидѣніемъ для храброй Испанской націи. Въ заключенїи сообщаемъ читателю отрывокъ письма изъ Монпелье , въ которомъ описаны главные предводители патриотовъ Испанскихъ. „Первый изъ Генераловъ — говоритъ неизвестный сочинитель сего письма — который сдѣлался извѣстенъ при открытїи возмущенїя въ Испанїи , есть Кастаньосъ. Онъ вооружилъ , какъ я думаю , сначала Андалузїю , и первый наименовалъ себя главою мятежниковъ. Что былъ онъ прежде , не знаю ; по крайней мѣрѣ напрасно искалъ я его имени между именами другихъ военныхъ чиновниковъ Испанїи. Жители Мадриша , неизвестно почему , весьма полагаются на военныя дарованїя Кастаньоса. Кажется , что онъ дѣйствовалъ согласно съ Эзодоромъ Реддингомъ , Фельдмаршаломъ и Губернаторомъ Малаги , который съ полкомъ своимъ — произвольно или непроизвольно , не знаю — взялъ сторону возмущившихся. Кастаньосъ и Реддингъ вмѣстѣ сражались противъ Генерала Дюпона. Неизвестно ,

какъ силенъ былъ корпусъ , находившійся въ то время у нихъ подъ командою ; но вѣрно то , что онъ несравненно былъ превосходнѣе Французскаго , и что послѣдствіемъ одержанной Каспаньосомъ побѣды было внезапное и всеобщее возмущеніе въ Испаніи. — Почти въ одно время съ Каспаньосомъ сдѣлался извѣстенъ Донъ Грегоріо де ла Куэста: эшотъ человекъ 1795 года былъ произведенъ въ Генералъ-Поручики ; но при началѣ 1808 находился въ опсшавкѣ : не знаю навѣрно , когда вошелъ онъ опять въ службу , при Фердинандѣ VII. или послѣ. Онъ не имѣлъ никакихъ успѣховъ до самаго опсшупленія Французской арміи — напротивъ нѣсколько разъ былъ разбитъ Маршаломъ Безье. Корпусъ его , повидимому , состоялъ изъ поселянъ , быстрыхъ въ нападеніи , но потомъ упомляющихся весьма скоро. Театромъ дѣйствія его были окрестности Валенціи , но по опсшупленіи непріятеля къ берегамъ Эбро , войска его разположились , по видимому въ старой Касшилїи. Генералъ , на котораго мнѣ другихъ полагаюся Каспильцы , есть Палафоксъ. Онъ принадлежишь къ знатнѣйшимъ фамиліямъ Аррагонїи , и для него было не шрудно возбудить сію провинцію къ вооруженію. Имя его часто попадаетъ въ военныхъ спискахъ Испанскихъ : въ Мадридѣ называли его молодымъ чело-

вѣкомъ, безъ всякой опытности, и слишкомъ много мечшающимъ о своихъ талантахъ; въ самомъ дѣлѣ, очень скоро распространились слухи о его несогласіяхъ съ другими Генералами, о непризнаніи имъ владычества новоучрежденной Юнпы, и наконецъ о провозглашеніи Аррагоніи республикою. Не хочу ручаться однако за справедливость сихъ извѣстій. Болѣе другихъ уважающъ Испанцы Генерала Наварро, который въ 1793 году произведенъ былъ въ Фельдмаршалы — ничего еще неизвѣстно о дѣйствіяхъ его корпуса. Генералъ Капитанъ Донъ Веншура Каро, весьма ошличившійся въ 1793 году, начальствуетъ корпусомъ Валенціанцевъ: изъ разныхъ извѣстій могу заключить что онъ находится теперь въ Каталоніи. — Испанцы, видя Французовъ расположившихся на берегахъ Эбра, ободряютъ себя тѣмъ, что рѣка сія, бывшая некогда преградою Карлу Великому, можетъ удержатъ и Наполеона въ его печеніи.

28 Октября.

Р. С. Если вѣрить послѣднимъ извѣстіямъ, то между Французами и Испанцами происходило недавно кровопролитное сраженіе, проигранное первыми. Думаютъ, что Ней убитъ и что Безье попался въ плѣнъ. Слухи сіи однако могутъ быть неосновательны и пребудутъ еще подтвержденія.

О новой книгѣ:

Училище бѣдныхъ, сочиненіе Госпожи
ле Пренсѣ де Бомонѣ. Переводъ съ Фран-
цузскаго *Настасьи Плещеевой*. 2 Часши.
Въ типографіи Платона Бекетова.

Издашеть Вѣспника почитаетъ за
долгъ сказать нѣсколько словъ объ этой
книгѣ, по многимъ отношеніямъ весьма
полезной.

Въ Россіи, со времени размноженія
школъ, средства просвѣщенія сдѣлались об-
щими — купцы, ремесленники, даже про-
стые земледѣльцы начинаютъ учиться,
чишаютъ, слѣдовательно образуются.
Просвѣщеніе — что бы ни говорили о немъ
суровые люди, которые судятъ о ве-
щахъ по одному только ихъ злоупотребле-
нію — необходимо для человека во всякомъ
сослояннѣ, и можетъ быть благотвельно въ
самой хижинѣ земледѣльца. Я разумѣю подъ
именемъ просвѣщенія пріобрѣтеніе на-
стоящаго понятія о жизни, знаніе луч-
шихъ и удобнѣйшихъ средствъ ею поль-
зоваться, усовершенствованіе бытія сво-
его, физическаго и моральнаго. Человекъ,
въ какомъ бы шѣсномъ кругу ни заключила
его судьба, имѣетъ умъ, требующій заня-

пїя , удовольствїя , образованїя , слѣдова-
 тельно могушїй бытъ просвѣщеннымъ , бо-
 лѣе или менѣе . Не говоря о тѣхъ массахъ
 людей , которымъ попому имянно необхо-
 димо просвѣщенїе , что они выше другихъ
 состоянїемъ (слѣдовательно должны бытъ
 выше и образованностїю) скажемъ , что лю-
 ди низкїе — ремесленники , земледѣльцы —
 должны бытъ до нѣкоторой степени обра-
 зованы . Мы видимъ ихъ провождающихъ
 дни свои въ шрудѣ и заботахъ : сохранишь
 тѣлесную свою жизнь , не умереть съ го-
 лоду , имѣть уголъ , не бытъ нагимъ — вопѣ
 цѣль , для которой почишаетъ себя со-
 зданнымъ бѣдный рабочникъ . Будемъ ли
 съ нимъ согласны ? Скажемъ ли , что по-
 нятїя благородныя и наслажденїя болѣе
 достойныя человека принадлежатъ толь-
 ко тѣмъ , которыхъ судьба наградила нѣ-
 которыми достаткомъ ? Конечно , реме-
 сленникъ и земледѣлецъ , упомянутые паяж-
 кою работою , имѣютъ мало времени ду-
 машь ; обыкновенно свободныя минуты
 ихъ посвящены или бездѣйствительному оп-
 дыху , или удовольствїю шумному . Но про-
 свѣщенїе простаго ремесленника или земе-
 дѣльца , которыхъ вся дѣятельность огра-
 ничена грубою работою въ тѣсномъ кругу
 ихъ семейства , не должно почищать ни
 многосложнымъ , ни много-объемлющимъ ;
 простыя понятїя чистой морали , весьма

необширныя , но вообще для каждого человека необходимы ; знакомство съ нѣкоторыми пріятными чувствами, которыя, прогая сердце и оставляя на немъ слѣды неизгладимыя, дѣлающъ его добрее и чище; почтѣйшее свѣденіе о тѣхъ вещахъ, которыя принадлежатъ къ особенному званію каждого — напримѣръ для ремесленника о его ремеслѣ, для земледѣльца о земледѣліи — вотъ просвѣщеніе людей, просыхъ и ограниченныхъ. Смоля на грубыя занятія ихъ, на шумныя , часто опврашительныя и вредныя ихъ удовольствія , осмѣлимся ли сказать , что Напура , безприспращная благотворительница всѣхъ тварей своихъ , навсегда опказала имъ въ наслажденіяхъ благородныхъ ? Но развѣ не имѣютъ они собственнаго своего щасія ? спросите вы . Конечно имѣютъ ! но сіи люди , которыя довольствуются щасіемъ грубымъ , уже ли неспособны постигать щасія высшаго ? Ремесленникъ , которой находить удовольствіе свое въ пьянствѣ именно опъ того , что лучшее удовольствіе неизвѣстно ему , уже ли осужденъ навсегда сохранить сіе несчастное , погубельное для него невѣжество ? И можетъ ли бытъ такое состояніе въ обществѣ человеческомъ , въ которомъ бы человекъ , существо умное и способное совершенствоваться , ничемъ инымъ не долженъ былъ

отличаться отъ грубаго скопа, кромѣ образа?

Какого же просвѣщенія пребую для простюдимовъ? Ограниченнаго, приличнаго ихъ скромному жребію просвѣщенія, которое научило бы ихъ наслаждаться жизнью въ томъ самомъ кругу, въ которомъ помѣщены они судьбою, и наслаждаться достойнымъ чловѣчества образомъ! Слѣдовательно не учености! И нужно ли земледѣльцу занимать себя предметами, слишкомъ отъ него отдаленными, украшающими разсудокъ, привлекательными для любопытства, но вообще неприносящими никакой существенной пользы? Излишество для него вредно! Занятія глубокомысленнаго ума пребуютъ свободы и праздноспи: они отвлекли бы его, а можетъ быть и навсегда отврашили бы отъ главныхъ, соединенныхъ съ его званіемъ упражненій; желаю напрошивъ, чтобы онъ, по мѣрѣ разпространенія понятій своихъ, болѣе и болѣе привязывался къ своему жребію, научался понимать его преимущества, ими наслаждаться, или сносить нещастія, необходимо съ нимъ соединенныя: просвѣщеніе должно убѣдить его, что онъ можетъ быть щастливъ, можетъ быть чловѣкомъ во всѣхъ состояніяхъ. Нѣтъ, не желаю для него учености! но знаю, что нѣкоторыя истины, нѣкоторыя чувства для него

не могутъ быть чужды; всякой земледѣлецъ, всякой ремесленникъ можетъ возноситься душою къ Божеству, не такъ какъ умствующій Метафизикъ, но такъ какъ благодарный сынъ Природы, знакомый съ благодареніями своего Создателя, въ простотѣ сердца, неиспорченнаго и мирнаго. Великолѣпіе Натуры закрыто ли для его взоровъ? ему недостаетъ одного вниманія! Хочу, чтобы онъ не лишенъ былъ наслажденій сердца, удовольствій ума; хочу, чтобы не предпочиталъ имъ, или, за недостаткомъ ихъ, не былъ принужденъ искать чувственныхъ забавъ, убійственныхъ для души и умерщвляющихъ самое тѣлесное здоровье. Скажите, такое просвѣщеніе проивно ли состоянію ремесленника земледѣльца и имъ подобныхъ?

Въ Россіи, съ заведеніемъ уѣздныхъ и сельскихъ школъ, открыта къ нему дорога для всякаго просолюдима! Рускіе купцы, мѣщане, ремесленники — не говорю о земледѣльцахъ, которыхъ судьба зависитъ отъ помѣщиковъ — участвуй дѣшею читать и писать. Кругъ воспитанія ихъ самый ограниченный. Спрашиваю однако: какую истинную пользу можетъ имъ принести такое воспитаніе? Много ли напри- мѣръ имѣемъ такихъ книгъ, которыя были бы для нихъ прямо полезны? Вышедъ изъ училища, они принуждены или отказать-

ся отъ чшенія, или обременяшь свою голову понятіями для нихъ ненужными, не рѣдко весьма вредными. Напримѣръ, какую пищу найдешь просполудимъ въ Исторіи, представляющей ему такія произшествія, въ которыхъ ему несвойственно принимашь участія? Романы, привлекательные для свѣтскаго чловѣка, именно пошому, что онъ находить въ нихъ ту самую сцену, на которой и самъ играетъ какую нибудь роль, знакомятъ просполудима съ людьми, отдѣленными отъ него званіемъ, обычаями, образованностію; воображеніе переноситъ его въ такую мѣру, изъ котораго навсегда онъ исключенъ судьбою; невольно дѣлаетъ сравненіе онъ между собою и мечшательными героями романовъ, и можетъ бышь научаешся не уважать самаго себя въ ограниченномъ своемъ состояніи. То же почти можно сказать и о другихъ книгахъ, которыя или писаны языкомъ слишкомъ высокимъ для людей, привыкшихъ выражаться просто, или разсуждающъ о предметахъ имъ чуждыхъ. Словомъ, мы не имѣемъ еще полезныхъ для просполудима книгъ, и вѣроятно, что еще долго не будемъ имѣть ихъ. Много ли найдется писателей, которые захотѣли бы жертвовашь талантомъ своимъ такому кругу людей, которыхъ одобреніе не можетъ бышь удовлетворительно для авторскаго само-

любія? Но бытъ полезнымъ конечно благо-
роднѣе, нежели бытъ славнымъ; и человекъ
св дарованіемъ, который захочетъ посвя-
титъ нѣсколько лѣтъ жизни своей един-
ственно шому; чшобъ языкомъ простымъ
и понятнымъ проповѣдовать щастіе въ
жижинахъ земледѣльца, въ обителѣхъ ни-
щеты и невѣжества; чшобъ разбудитъ въ
простыхъ и грубыхъ сердцахъ благородныя
чувства, и познакомитъ ихъ съ наслаж-
деніями истинными: такой человекъ,
безъ сомнѣнія, не пріобрѣтетъ имени пи-
сателя славнаго, — ибо онъ раждается
только въ кругу образованнаго свѣта —
но онъ найдетъ награду во внутреннемъ
убѣжденіи своего сердца, которое скажетъ
ему: ты былъ полезенъ! ты безкорыст-
ный благошворитель бѣдныхъ! они возда-
дутъ тебѣ не громкими рукоплесканіями,
но собственнымъ своимъ щастіемъ, къ ко-
шорому дорога указана имъ шобою.

Библиотека поселянъ, ремесленниковъ
и имъ подобныхъ, не можетъ бытъ много-
численна. Желаю, чшобы она составлена
была изъ такихъ книгъ, которыя, не отвле-
кая ихъ отъ ограниченнаго ихъ состоянія,
напрощивъ всегда успремляя на него мы-
сли ихъ, открывали имъ способъ находить
въ немъ щастіе, имъ возможное. Самыми
необходимыми почишаю слѣдующія: *Кали-*
жизисъ морали — предложенной просто;

безъ всякаго вишійства, обьясняемой примбрами — но примбрами, взятыми изъ жизни шѣхъ людей, для копорыхъ она предлагаема — и что всего важнѣе, основанной на правилахъ священнаго Христїанскаго ученїя; *Общїя понятїя о Натурѣ, о главныхъ ея законахъ, о нѣкоторыхъ явленїяхъ небесныхъ* — совершенное невѣжество, въ этомъ отношенїи, бываетъ причиною многихъ смѣшныхъ и даже вредныхъ предразсудковъ; *Энциклопедїя ремесленниковъ и земледѣльцевъ* — въ этой книгѣ была бы предложена, ясно и кратко, теорїя земледѣлїя и всѣхъ ремеслъ, по еспь, всѣ главныя и нужныя ремесленнику и земледѣльцу для успѣшнаго исполненїя ихъ обязанностей правила; *Повѣсти и сказки*, копорыхъ герои были бы взяты изъ сосшоянїя низкаго, и представлены на сценѣ, знакомой самымъ чистѣшелямъ: эта книга была бы необходимымъ дополненїемъ къ *Калихизису морали*; *Общїя правила, какъ сохранять свое здоровье*, нужныя для шѣхъ людей, копорымъ здоровье такъ дорого и копорые, потерявъ его однажды, уже не имѣютъ почти никакихъ способовъ возсшановишь его снова; наконецъ *народныя стихотворенїя*, въ копорыхъ воображенїе Поэта украсило бы Природу, непривлекательную для грубыхъ очей просшолюдима; въ душу его

вмѣстѣ съ стихами, вѣрзались бы нѣкошорыя высокія понятія о Божествѣ ; мысли его пріобрѣли бы нѣкошорую живость , а чувства сдѣлались нѣжнѣе. Вотъ книги , которыя желалъ бы я найши во всякой уѣздной и деревенской школѣ ; которыми въ праздное время желалъ бы заняшь ремесленника, земледѣльца и слугу, принужденнаго посвящати всю свою жизнь на исполненіе воли другихъ; вотъ чтеніе, которое могло бы быти истинно для нихъ полезно. Желаю — и, можетъ быти, сіе желаніе не ошанется тщетнымъ — чшобы нѣкошорые избъ соотечественниковъ моихъ, воспламененные челолюбіемъ, соединились для распространенія благодѣтельнаго свѣта въ умахъ бѣдныхъ своихъ согражданъ ; осужденныхъ проводить всѣ дни свой въ шажкомъ трудѣ, и ограничившихъ всю дѣятельность свою сохраненіемъ одной тѣлесной жизни! Мы имѣемъ Академію Наукъ и Художествъ, почему же не можемъ имѣти Академіи для просвѣщенія простолюдиновъ?

Книга, которая подала намъ поводъ къ сему разсужденію — *Училище бѣдныхъ* — можетъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ библіотекѣ простолюдина : она заключаетъ въ себѣ всѣ главныя правила практической морали, сдѣланной искусствомъ Автора привлекательною

дѣлѣ такихъ людей, которые вообще или не любятъ читать, или читаютъ однѣ пустыя сказки. Почтенная Переводчица, которая посвятила общей пользѣ нѣсколькихъ дней своей спароспи, безъ сомнѣнїя заслуживаетъ благодарность отъ всѣхъ, желающихъ добра: человѣчеству. Книга ея не будетъ занимательна для свѣтскихъ людей; но просвѣдущный ремесленникъ съ жадностью прочтетъ ее въ своемъ семействѣ, и въ сердцѣ его дѣшею укоренился чувство правоты и Богопочтенїя; но всякой добрый Господинъ захочетъ имѣть ее въ своемъ домѣ, для того чтобы слуги его научились изъ нее любить порядокъ, покорность, и бытъ довольными скромнымъ своимъ удѣломъ. Переводчица посвятила свой трудъ Императрицѣ ЕЛИСАВЕТЪ АЛЕКСѢЕВНѢ.

„Возврънїе ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА на слабое мое приношенїе — говоритъ она въ заключенїи своего письма — воспламенилъ и другихъ къ сочиненїямъ или переводамъ, полезнымъ для образованїя просвѣдущимъ!“ Желаемъ искренно, чтобы сія надежда добраго сердца была исполнена, и чтобы наконецъ въ Россїи и самыя хижины земледѣльцевъ сдѣлались жилищемъ людей образованныхъ, слѣдовательно щастливыхъ и знающихъ цѣну своего щастїя!

Пис. Тодартъ.

Граф. Алек. Прооровъ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

Н О Я Б Р Ъ , 1808.

№ 22.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А и С М Ъ С Ъ .

I.

Путешествіе Рускаго на Брокенъ ()
въ 1803 году.*

Мы взбирались на улесы, будучи оглушаемы ревомъ водопадовъ, которые со всѣхъ сторонъ стремились въ пропасти по границамъ. Чѣмъ выше всходишь на Брокенъ, тѣмъ чувствительнѣе уменьшаются растенія; чѣмъ болѣе приближаешься къ вершинѣ его, тѣмъ мѣльче и малолиственнѣе деревья, такъ что на самомъ вершугоры нѣтъ уже ни одного кустарника.

Окруженные туманомъ облаковъ, вошли мы наконецъ на Брокенъ; и споявъ на высочайшей горѣ во всей Германіи, и однимъ взоромъ окидывалъ ея обширныя

(*) Высочайшая изъ Гарцовскихъ горъ.

окрестности. Какіе виды! какой живописецъ способенъ изобразить ихъ! —

Вѣшерьъ былъ холодный и сильный; облака клубились подъ ногами моими; я дышалъ свободѣе обыкновеннаго.

Мы вошли въ шракширъ, единствен-
ное убѣжище на Брокенѣ. Здѣсь, не смот-
ря на *монополью* шракширщика, по-
лучаете вы за дешевую цѣну все, чего
только желаетъ можетъ успалый путеше-
шественникъ. Прежде на сей горѣ нахо-
дилась одна бѣдная хижина и пришельцы,
перѣбли совершенный во всемъ недоста-
токъ; но, за пашь лѣшъ передъ симъ,
Графъ Шпольбергъ Вернигероде, ко вла-
дѣніямъ коего принадлежитъ Брокенъ,
построилъ здѣсь каменный, весьма покой-
ный домъ — (однѣ спѣны его полщиною
въ пашь фушовъ) — куда всякой день
доставляюща сѣбѣстные припасы изъ Вер-
нигероде — городка, лежащаго при подошвѣ
Брокена. На верху находишся маленькая
башня. Эшотъ домъ стоить на высо-
чайшемъ мѣстѣ во всей Германіи, такъ
какъ С. Гошарская госпинница на высо-
чайшемъ мѣстѣ во всей Европѣ. Здѣсь, въ
лѣшніе жары, подъ ногами вашими собира-
юща пучи, сверкаешъ молнія, и разда-
юща удары грома.

Когда при подошвѣ Брокена видно еще было заходящее солнце и вершины сосѣдственных горъ позлащены были послѣдними лучами его, тогда на самомъ Брокенѣ царствовала уже ночь, и сіе необозримое сліянїе свѣта и тѣней (clair-obscur) представляло глазамъ нашимъ зрѣлище восхищительное: позлащенные лѣса мало по малу мрачились; слабые лучи солнца блѣднѣли; города, деревни и хижины, разсѣяныя при подошвѣ Брокена въ разныхъ разстояніяхъ, одни за другими исчезали — мы все еще находились на вершинѣ горы, восхищенные величественною картиною вечера, теряясь въ созерцанїи Природы . . . наконецъ мало по малу все покрылось мракомъ, и ночь воцарилась повсюду.

Взошла луна; облака пролетали мимо ея, и наводили тѣни на сѣдую поверхность горы нашей.

Какую почтенную древность, какія неприкосновенныя громады попираешь нога моя! Сїи скалы, копорыхъ огромность приводитъ меня въ изумленїе, конечно ошатки первобытнаго мїра, предъ копорыми благоговѣло самое время; никакая сила не могла ихъ сдвинутьъ съ того мѣста, на которое поставлены онѣ Природою; онѣ свидѣтели минувшихъ тыся-

щелбшій, и оспанушся памяшниками дре-
вняго мїра для временб грядущихб.

На другой день мы вспали вмбстб
сб солнцемб. Оно зошло, и облака шума-
новб разсбялись.

Кто наслаждался восхожденїемб солнца
на высотб Брокена, потб вб совершенств-
вб насладился красошою и величествомб
Природы. Мы зошли на башню — предб
нами распилались Вернигеродскїя, Гал-
бершпадскїя, Ангальшскїя, Тюрингскїя,
Брауншвейгскїя, Люнебургскїя и Гессен-
скїя владбнїя; вдали чернблись Магдебург-
скїя башни. Говоряшб, что сб помощїю
зришельной шрубки можно видбшь опсюда
и Гамбургб; но лежащїе между имб и Бро-
кеномб города, Брауншвейгб, Ганноверб,
Целле и Люнебургб — опб низкаго ли ихб
положенїя, или опб окружающихб опвсюду
ихб лбсовб — не видны.

Желалб бы находїться на вершинб Бро-
кена во время грозы. Громб и молнїя всегда
почши бываюшб сб нею на-равнб; но весьма
рбдко ее превышаюшб. Зрблице восхиши-
тельное, когда мгновенный и яркїй лучь мол-
нїи повременно разсбкаетб мрачностб; когда
онб, быспро извившїсь надб темною глу-
биною пропаши вдругб освбпивши ее из-
чезаетб. Естбли вб шихой долинб громб

производитъ сильное впечатлѣніе на души нашей, но какое должно быть его дѣйствіе здѣсь, такъ сказать, въ собственной его области, гдѣ онъ повсѣръемъ бываетъ безчисленными оглосками дикихъ утесовъ!

Однако на самой высотѣ Брокена громъ не такъ слышенъ, какъ думаютъ; здѣсь воздухъ очень рѣдокъ и громовые звуки, не встрѣчая для себя никакихъ препятствій, не могутъ отражаться и быть передаваемы въ оглоскахъ. Если вы хотите слышать страшный и многозвучный прескъ грома, то спуститесь съ вершины Брокена на такъ называемую Гейнрихову высоту, гдѣ звуки, отражаемые соседственными горами, соединяются, такъ сказать, въ единую почку. Всегда надобно брать съ собою проводника, чтобы не заблудиться здѣсь, такъ какъ весьма часто случается съ путешественниками. Отъ густоты шума, вы ничего не можете видѣть на разстояніи трехъ шаговъ: самые звуки умираютъ прежде, нежели вы успеете услышать сказанное слово. Горный воздухъ, будучи рѣже и сырѣе обыкновеннаго, весьма мало имѣетъ въ себѣ упругости; его сотрясеніе слишкомъ слабо, и звуки передающагося вамъ весьма невнятно.

Всякой, кто только всходилъ на Брокенъ, конечно видѣлъ такъ называемые олшарь и каедру волшебницъ, на которыхъ онѣ, по преданію, отправляли таинственныя торжества свои. Сіи кучи камней, сами по себѣ ни мало непримѣчательныя, прославлены древнимъ суевѣріемъ.

Сколько ученыхъ диссертацій чинила Германія о Брокенскихъ вѣдмахъ, и сколько гоненій претерпѣли за нихъ бѣдныя, обманушыя своимъ невѣжествомъ люди! Не одни простолюдимы увѣрены были въ существованіи сихъ Брокенскихъ чародѣекъ, многіе магистры Философіи, съ важностію ученыхъ, писали о сеймахъ волшебницъ на Брокенѣ. Въ семнадцатомъ столѣтіи, одинъ Лейпцигскій ученый выводилъ этимологически имена всѣхъ Германскихъ народовъ изъ названія тѣхъ живописныхъ, на которыхъ вѣдмы каждаго народа прѣзжали на Брокенѣ, на примѣръ Катпы (или Гессы) на кошкахъ (Katzen) Датчане (Daenen) на пѣтухахъ, (Haehnen) Швабы на лебедяхъ (Schwaenen) и такъ далѣе. И у насъ есмь и были подобные предразсудки; но Руской народъ всегда отличался духомъ терпимости — на примѣръ наши Кіевскія вѣдмы никогда не были гонимы. Въ Германіи, напротивъ, съ какимъ безчеловѣчіемъ соединено было сіе суевѣріе! Ктобъ могъ поду-

мать, чтобы в 17 мѣ сполѣтїи, слѣдственно уже послѣ реформаціи, тогда, когда уже в Германїи процвѣтали Академіи и Университеты, в одной Геннебергской провинціи — в продолженіе 79 лѣтъ сожжено было 197 вѣдьмъ! Я расскажу одинъ только случай: Пасторъ Мекленбургскаго города Гагенова, Поліярїусъ, обвинилъ Марію Дрейеръ, шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, в чародѣйствѣ. По требованію его Марія взята подъ стражу. Ее допрашивали — в чемъ же? *не вѣдьма ли она? не имѣетъ ли сношенія съ злыми духами?* — Она заперлась во всемъ — натурально! Ее подвергли мучительной пышкѣ — она не могла ее вынести, обвинила себя в тѣхъ преступленїяхъ, которыя приписывали ей приспрасные судьи, и 27 Апрѣля 1676 гда, во славу Бога и Ошца (такъ сказано в актахъ) сожжена медленнымъ огнемъ! Самъ Пасторъ Поліярїусъ, съ благочестїемъ священника, приготавливалъ ее къ смерти! Вся вина бѣдной Марїи, вѣроятно, состояла в томъ, что она лучше хотѣла подвергнуться себя мщенію гонителя своего, нежели удовлетворить его сладострастію.

Басня о собранїяхъ вѣдьмъ на Брокенѣ и о паинсшвенныхъ поржествахъ ихъ имѣетъ в основанїи своемъ исто-

рическія произшествія. Она получила свое начало въ тѣ мрачныя времена идолопоклонства, когда еще Саксонцы приносили жертвы главному божеству своему Кродо, котораго Карлъ великій называлъ *великимъ дьяволомъ*. Долго спустя по введеніи Христіанской религіи, послѣдовали Кродо, покоренные мечемъ Карла великаго могуществу Св. Петра или его преемника, искали убѣжища съ своимъ идоломъ на высотахъ Брокена и тамъ поклонялись ему, защищаемые неприступными скалами отъ грозныхъ служителей миролюбивой Христовой Церкви. Въ семъ дикомъ святилищѣ хранили они своихъ Пенатовъ — послѣдній остатокъ ихъ древней свободы. Подобно бѣднымъ Финнамъ (которые охотно отказывались отъ рая по тому единственно, что въ раю вмѣстѣ съ ними были бы и Нѣмцы), Саксонцы не вѣрили тому вѣчному блаженству, которое проповѣдывали имъ съ мечемъ въ рукахъ. Тамъ, куда ни Франкъ съ мечемъ, ни пучный монахъ съ окровавленнымъ крестомъ не могли за ними послѣдовать, приносили они сокровенныя жертвы своей Гершѣ (матери землѣ); ее одну благодарили они за сей Вавилонскій столпъ, который она воздвигла, дабы спасти ихъ отъ наводненія свирѣпыхъ завоевателей и проповѣдниковъ новой религіи. Вѣроятно, что сіи

кучи камней, сіи шань называемые *олтари* и *каведры волшебницъ*, служили имь вмѣсто жершвенниковъ при ихъ священ-ныхъ обрядахъ. Карлъ наконецъ узналъ о шайныхъ сборищахъ Саксонскихъ идоло-поклонниковъ, избравшихъ своими храмами лѣса и крутые утесы Гарца; онъ п. ве-лѣлъ разспавить по всему Брокену Хри-стіянскую спражу, которая заградила всѣ пути на вершину горы и въ средину лѣ-совъ ея. Слабость вооружила себя хитро-стїю. Саксонцы, покрытые страшными масками, пугали робкихъ спражей, кошо-рые разбѣгались и давали имь пропускъ свободный: шаково происхожденіе нелѣ-пыхъ басенъ о Брокенскихъ лешучихъ ог-няхъ и вѣдмахъ. Испуганные мнимыми призраками суевѣры увеличивали въ расска-захъ своихъ видѣнные ими ужасы; преда-ніе сохранило басни сіи для потомства!

Тридцать лѣтъ великій Карлъ покорялъ Саксонцевъ, и тридцать лѣтъ неуспра-шимость ихъ прошивоборшвовала мѡгуще-шву завоевателя. Нѣсколько разъ прини-мали они религію, между ими вводи-мую, и нѣсколько разъ — при первомъ благопрїятномъ случаѣ — оставляли ее снова; наконецъ Карлъ предалъ ихъ во власть угодниковъ Папы, и сіи ненасыт-ные жрецы Тибрскаго Далай-Ламы, воору-

женные мечемъ Петра и буллами его на-
мѣстника, слишкомъ доказали свое усер-
діе въ покореніи новыхъ рабовъ тому, кто
называлъ себя *рабомъ рабовъ Божіихъ!*
Карлъ великій между тѣмъ обнародовалъ
законъ, по которому всякой, отказыва-
ющійся принять религію Христову Сак-
сонецъ, осуждаемъ былъ на смертную казнь!

Какъ различны духомъ наше духо-
венство и Римское! Вездѣ, гдѣ Римскіе
миссіонеры проповѣдывали Христіянское
ученіе, окровавленный мечъ предшество-
валъ кресту! Но Греческіе учили наши
никогда любви ко ближнему не доказыва-
ли гоненіями или насильствомъ, и пред-
ки наши безъ прекословія погрузились во
Днепръ и Почайну. Владиміръ великій не
имѣлъ нужды прибѣгать къ насилію, или
подобно Карлу побѣждать ужасами смер-
ти суевѣріе и упорство. Можетъ быть
и Саксонцы отказывались отъ принятія
новой религіи менѣе изъ привязанности
къ старой, нежели отъ страха потерять
нѣкоторыя удовольствія, неразлучныя съ
обрядами языческаго ихъ богослуженія.
Христіянская религія велитъ искать на-
слажденій духовныхъ, бытъ можетъ не-
привлекательныхъ для дикаго сына при-
роды! И въ самой вещи, кто произвольно
разстаешь съ обычаями отцевъ своихъ,
съ тѣми утѣхами, которыми наслаждал-

ся онъ въ своемъ дѣтствѣ? Спросите старика: не чувствуетъ ли онъ удовольствія, смѣшаннаго съ какою-то пріятною горестію, когда въ душѣ его возобновляется воспоминаніе о щасливыхъ, давно протекшихъ минутахъ младенчества? Онъ, забываясь, играетъ въ воображеніи своемъ тѣми игрушками, которыя забавляли его еще въ колыбели.

Болѣе всего не нравилась древнимъ, сохранившимъ нѣкоторую независимость Саксонцамъ подать, извѣстная и у насъ (при Владиміръ) подъ именемъ десятины, подать, которую они обязаны были платить духовенству. Народы независимые и дикіе съ трудомъ пріучаются къ такимъ учрежденіямъ, которыхъ польза, для нихъ непонятная, можетъ быть оцѣнишельна для одного только класса людей. Идолъ, которому поклонялся грубый Саксонецъ, не требовалъ отъ него *ни яицъ, ни сыру, ни масла*: вдругъ на мѣстѣ его являлся монахъ, который, по какому-то праву, отнимаетъ у земледѣльца десятую долю скудной его промышленности и всѣхъ произведеній земли, воздѣланной имъ въ трудахъ и потѣ лица. вмѣстѣ съ религіею прародителей Саксонцы должны были потерять и свободу, которая для грубаго ихъ понятія конечно была драгоценнѣе всего того, что обѣщали имъ монахи

въ будущей жизни. Для сего - то одинъ изъ любимцевъ Карла великаго, Алкуинъ, Англо - Саксонецъ, учитель Рипорики, Аспрономъ и Аспрологъ, совѣщавалъ ему тогда только ввести между покоренными, едва изъ язычества вышедшими Саксонцами десятинную подать, когда уже Хриспїянская религїя между ими распространилась и озарила умы ихъ нѣкоторымъ свѣтомъ. Но Карлъ великій, не смотря на то, что самъ приписывалъ худые успѣхи Хриспїянства болѣе корысполюбію проповѣдниковъ его, нежели обратенію Саксонцевъ отъ новаго богослуженія, далъ, въ угоду монахамъ, новыя, гораздо жесточайшія законы, по которымъ каждый некрещеный или укрывающійся отъ крещенія Саксонецъ, также какъ и тотъ, который, по обычаю предковъ своихъ, сожигалъ тѣла усопшихъ родственниковъ и *мильхъ* ближнихъ (какъ говаривали наши праотцы), неминуемо подвергалъ себя смертной казни. Одинакій жребій назначенъ былъ и тому, кто позволялъ себѣ во время великаго поста ѣсть мясо. Таковы были законы среднихъ вѣковъ! Родители, которые въ продолженіе одного года не могли окрестить своихъ дѣтей, и вообще всѣ тѣ, которые сохраняли какіе-нибудь языческіе обычаи, должны были плашью де-

нежную пеню; — нищаго, въ шакомъ случаѣ, отдавали въ подданство духовнымъ. Тогда безъ сомнѣнїя не имѣли еще никакого понятїя о Хрисшїанской терпимости. Но всѣ сїи жестокїя мѣры не уничтожили идолопоклонства: слѣды его и по сїе время замѣтны въ Германїи; множество старинныхъ сохранившихся въ ней обычаевъ знакомятъ насъ съ Мифологією древнихъ ея обитателей и объясняютъ нѣкоторыя обряды ихъ богослуженїя. На примѣръ, на Гарцѣ и въ окрестностяхъ его ведется и теперь обыкновенїе, котораго я самъ былъ свидѣтелемъ: ввечеру свѣтлаго Воскресенья зажигаютъ по горамъ огни, вокругъ которыхъ рѣзвые Саксонскїе юноши и дѣвушки цѣлую ночь веселятся. Ихъ называютъ *огнями Остеры* — имя Германской богини, которой праздникъ бывалъ обыкновенно въ Апрѣль мѣсяцѣ, то есть около того времени, въ которое теперь у Хрисшїанъ бываетъ Святая недѣля. Весьма вѣроятно, что и Нѣмецкое слово *Ostere*, означающее Святую недѣлю, происхожденїемъ своимъ обязано сей богинѣ. Мѣсяцъ Апрѣль назывался въстарину *Ostertomat*, *мѣсяцомъ Остеры*. Всего удивительнѣе, что и у насъ въ Россїи находилось точно такое же обыкновенїе, какое и у древнихъ Германцевъ было соединено съ огнемъ богини *Остеры*. Этимъ огонь выширала

веревкою изъ сухаго дерева для того, чтобы предохранить сады и поля отъ вредныхъ насекомыхъ, а скотъ отъ падежа. Я самъ видѣлъ, будучи въ Рязанской Губерніи, въ И — Ъ, какъ мужики въ то время, когда во всѣхъ окрестныхъ деревняхъ начинался скопской падежъ, собрали поутру все свое стадо, и нѣсколько разъ прогнали его между двумя косрами, зажженными *вытертымъ изъ дерева огнемъ*. Отъ чего сіе великое сходство въ Германскихъ обычаяхъ съ нашими? У насъ никто не думалъ указами истреблять сихъ предразсудковъ, и еще менѣе помышляли о нихъ на Соборахъ; — въ Германіи, напрошивъ, сей языческой обычай былъ запрещенъ еще на первомъ Нѣмецкомъ Соборѣ въ Регенсбургѣ, 742 года. —

Гарцовскія горы столь много наполнены памятниками глубочайшей древности, что путешественникъ невольнымъ образомъ переселяется въ область прошедшаго и на нѣсколько минутъ забываетъ о настоящемъ. Но возвратимся снова на Брокенъ, и рассмотримъ его вмѣстѣ съ другими окружающими его горами.

Послѣ Брокена, высочайшими вершинами Гарца почищаются Брухбергъ, Ворисбергъ и Ахперманштеге — всѣ онѣ однако ниже Швейцарскихъ передовыхъ горъ;

а въ сравненіи съ Швейцарскими и Савойскими первобытными горами — пригорки! Самъ Брокенъ вчешверо менѣе сихъ послѣднихъ. Тѣ, кои путешествовали по Швейцарскимъ и Гарцовскимъ горамъ, увѣряющъ, что послѣднія по наружности своей нажутся древнѣе Алпійскихъ; и видно по всему, что онѣ претерпѣли гораздо сильнѣйшіе перевороты. Конечно вода дѣйствовала при образованіи Гарца, и известковый составъ второкласныхъ Гарцовскихъ горъ, произшедшій отъ сгнишїя раковинъ и морскихъ живошныхъ, доказывающъ, что весь Гарцъ составлялъ нѣкогда глубокое дно морской бездны. Самъ Брокенъ, по видимому, есть не иное что, какъ утесъ, который возвышался надъ поверхностію моря и граничною своею крѣпостію отражалъ усилїе волнъ его. Здѣсь можно сказать съ Делилемъ:

Et l'homme, à qui des tems les fastes font ouverts,
Lit jusqu'au haut des monts le voyage des mers.

Между всѣми Гарцовскими горами одинъ только Брокенъ принадлежитъ къ тѣмъ, которыя отъ Геологовъ названы *первобытными*. Другія однимъ уже известнымъ составомъ и окаменѣлостями своими доказываютъ претерпѣнныя ими измѣненїя. *Второкласныя* горы сушь, такъ сказать, *книги бытія*, въ которыя

Нашура сильною рукою вписала исторію земныхъ переворошовъ. Напрошивъ того горы первобышныя, избъ вѣчныхъ границъ образованныя, не шакъ легко измѣняюща, и наблюдашель Нашуры долженъ благоговѣшь предъ ними — ибо онъ знаетъ, что громады сіи древнѣе челоуѣчества, древнѣе всего органическаго шворенія.

Есшьли сравнишь Гарцовскія горы съ Альпами, то конечно и Брокенъ покажешся малолѣшнымъ младенцемъ предъ Сенъ-Готтаромъ и Монбланомъ; но замѣшимъ, что Альпы болѣе уцѣлѣли, нежели Гарць; и самый Брокенъ, сіе первоначальное произведеніе Природы, великъ — въ однѣхъ развалинахъ! Тамъ одна гора заслоняешъ другую и наводишь вѣчныя шѣни на снѣга, покрывающіе вершины: Брокенъ, напрошивъ, не имѣешъ никакой защиты; его разрывающъ сильныя вѣтры, его разбѣдаешъ вода, его разпаляешъ солнце. Тамъ вѣчный сонъ — здѣсь вѣчная борьба стихій. Не смощря на снѣжную высоту Альповъ, видъ ихъ весьма привлекателенъ; видъ Гарца и дикъ и ужасенъ. Первыя были опщизною Геснера, вшорыя могли бы произвести задумчиваго Оссіана; между ими шакое же различіе, какъ и между Геніями сихъ двухъ Поэшовъ.

Самое имя Брокена извясняешъ его исторію: оно происходитъ отъ Нѣмец-

каго слова *brechen, gebrochen* (встарину говорили *breken, gebroken*) *ломать, переломленный*. Безъ сомнѣнiя, гора сiя была нѣкогда гораздо выше, нежели теперь; гранишныя груды, по ея поверхности разбросанныя — сiи олшари и каэдры, о копорыхъ говорили мы выше — суть мѣлнiя части огромнаго цѣлаго. Опломки сiи составляли вѣроятно вершину Брокена, и свержены вѣ низъ внутреннимъ потрясенiемъ — или унесены водою. Последнее вѣроятнѣе. какая сила могла потрясти сiи твердыни? Какая сила развѣяла, подобно песку, сiи громады? Сила : дождевой капли! Не смотря на крѣпость и плотность граниша, вода вбирается вѣ смѣщенный составъ его, чрезъ непримѣтныя скважины, и, мало по малу скопившись, раздираетъ гранишъ, какъ тонкую дощечку. Кто бы подумалъ, чтобы отъ облачной влажности, вѣ воздухѣ разпространенной, или, лучше сказать, отъ дождевой капли, пробирающейся между гранишными зернами, разпадались и самыя первобытныя, несокрушимыя горы! Наблюдатель Философъ, взирая съ одной стороны на сiи утесы, съ другой на сiи разбросанные опломки, постигаетъ вѣ Природѣ двѣ непрерывно прошивуборсшвующiя силы : *зидущую и разрушающую.*

А. Т. . . въ

II.

М Ы Ш Ь.

(Б а с н я .)

Однажды, на зарѣ,
Въ день праздничный — прошивъ Иконы
Сидѣла мышь на олтарѣ,
И видитъ, что народъ творитъ предъ ней по-
клоны.

Смотри, какая честь! надувшись говоритъ:
Народъ поклоны мнѣ шворишь,
И ладономъ меня куришь!
Конечно я равна съ Богами! . .

Но только что она, прельстившись мечтами,
Подумала, что все предъ ней —
И самъ отецъ Іерей —
Не болѣе какъ мошка . . .
Увы! изъ подтишка
Подкралась кошка,
И скушала божка!

*

Носящіе вѣнцы лавровы!
Какъ часто вамъ Судьба подобны строитъ ковы!

Д. Свверинъ.

III.

Портретъ.

Истинное происшествіе.

Я шелъ по прекрасной долинь Луарской; живописныя мѣстоположенія плѣняли меня — солнце садилось; наконецъ настала ночь; я увидѣлъ себя въ уединенномъ и для меня совсѣмъ незнакомомъ мѣстѣ; взошла луна; глазамъ моимъ представилась тропинка — иду и прихожу въ маленькую деревню, расположенную по берегу рѣки, среди сѣвистой березовой рощи. Я чувствовалъ усталость и голодъ, имѣлъ нужду въ покой — вижу въ сторонѣ, почти надъ самою рѣкою, прекрасный и совсѣмъ еще новый домикъ — спущусь у дверей — ихъ отворяющъ — вхожу въ просторную, опрятную, хорошо убранную горницу. Меня встрѣчаетъ милостивая крестьянка, съ веселымъ лицомъ, съ живыми глазами, съ свѣжимъ румянцемъ на щекахъ. Молодой мужчина, двадцати четырехъ или двадцати пяти лѣтъ, сидѣлъ на скамейкѣ, и держалъ на колѣняхъ прекраснаго ребенка, на котораго смотрѣлъ съ пріятною улыбкою щасливаго отца.

Я рассказалъ имъ, что со мною случилось — вминушу явился накрытый столъ и приготовленъ сельскій ужинъ. Я

началъ разговаривать съ молодымъ хозяиномъ, который сидѣлъ подлѣ меня и подавалъ мнѣ съ добродушною привѣпливостію каждое блюдо. Онъ отвѣчалъ на мои вопросы умно и съ простосердечіемъ, нынѣ весьма рѣдкимъ даже и въ деревняхъ. Осматривая комнапу, замѣтила я, къ великому своему удивленію, на стѣнѣ портретъ очень хорошей живописи, изображающій пожилаго человека, въ мундирѣ и съ крестомъ свяшаго Людовика въ петлицѣ. — Признаюсь, сказалъ я молодому крестьянину, этой мебели я не подумалъ бы искасть въ твоемъ домѣ! — „Если говоришь правду, милосливый государь, то ей въ самомъ дѣлѣ здѣсь не мѣсто.“ — Чей этотъ портретъ? — „Господина Моранжа, добраго человека и храбраго солдата. Онъ жилъ въ полумилѣ отъ нашей деревни. Его уже нѣтъ на свѣтѣ! но лучше бы было, когда бы такіе благодѣтельные люди, какъ господинъ Моранжъ, не умирали вѣчно! Кому же и жить на свѣтѣ!“ — По какому случаю достался тебѣ этотъ портретъ? — „Я расскажу вамъ этотъ случай, если прикажете; это можетъ занять васъ во время ужина.“

Я былъ на двенадцатомъ году оставленъ сиротою, безъ куска хлѣба. Отецъ мой, бѣдный столяръ, едва едва кор-

милѣ и себя и меня скудною работою. Дни черезъ два по смерти его, пошелъ я въ замокъ господина Моранжа, просишь милоспшню. Онъ увидѣлъ меня, сжалился надъ моею участію, ошдалъ меня учишься ремеслу моего опца, и самъ плашилъ за меня деньги. Каждое Воскресенье ходилъ я къ господину Моранжу, и никогда не возвращался отъ него съ пустыми руками. Господинъ Моранжъ былъ чрезвычайно ко мнѣ милоспшивъ. Викторъ! говорилъ онъ мнѣ: будь честный человекъ; работай прилжно; я сдѣлаю тебя щаспливымъ!

Сами подумайте можете, милоспшивый государь, что я не пропускалъ эшихъ словъ мимо ушей, и учился очень прилжно. Мнѣ минуло шесшнадцать лѣтъ; въ одинъ день господинъ Моранжъ призывалъ меня къ себѣ, и подавая мнѣ кошелекъ, сказалъ: Викторъ! я доволенъ тобою; всѣ тебя хвалятъ и называютъ честнымъ. Продолжай идти прямою дорогою: она конечно приведетъ тебя къ щаспшю. Вотъ тебѣ нѣсколько денегъ — этого будетъ довольно для пушешествія по Франціи, для тебя необходимаго, еспшли желаешь усовершенствоваться въ своемъ искусствѣ. Прости, мой другъ! возвращись ко мнѣ честнымъ человекомъ; будь увѣренъ, что одни только честные люди могутъ быть щаспливы на этомъ свѣтѣ.

Я взялъ деньги, простился съ моимъ благодѣшелемъ, и на другой же день отпра-вился въ дорогу: чешыре года шатался я по городамъ, работалъ неусыпно, спараясь усовершенствовать себя въ своемъ ремеслѣ. Въ двадцать лѣтъ пришла на меня попка по родинѣ, и я возвратился въ свою де-ревню, столь же почти бѣдный, какъ и прежде, но за то богатый искусствомъ, опытностію, прилѣжаніемъ.

Господинъ Моранжъ взялся доставлять мнѣ работу; я никогда не бывалъ безъ дѣла; жилъ весело, мало заботился о завтраш-немъ днѣ, пользовался настоящимъ — сло-вомъ сказать, участь моя была самая ща-сливая. Но на долголи? Нѣтъ! извѣстно, что въ жизни человѣческой не обойдешься безъ горя — наконецъ и я узналъ, что та-кое крушиться и плакать! говорю это не для того, чтобы жаловаться на Госпо-да Бога — Онъ все располагаетъ къ лучше-му, и самое несчастіе мое послужило мнѣ же къ добру. Я полюбилъ Жанешшу — Жанешшу, мою жену, кошорую видите. Она была прекрасна, какъ день . . . та-кова же почно, какъ и теперь, но по неща-стію отецъ ея имѣлъ много денегъ, а я не имѣлъ ничего; у опца ея были богатые пажии, многочисленное спадо и множе-ство виноградниковъ — у меня была од-

на бѣдная хижина, мое ремесло и прилѣжность — я не думалъ о своей бѣдности, потому что Жанешта любила меня, какъ богачаго; мы видались часто и говорили другъ съ другомъ о нашей взаимной любви — о! въ это время не промѣнялъ бы я своей участи ни на какія золотыя горы! Но вотъ бѣда: однажды Лоранъ, Жанешшинъ отецъ, замѣтилъ, что я поцѣловалъ его дочь. Онъ бросился на меня какъ испуганный. — Что ты дѣлаешь? воскликнулъ онъ, сверкая глазами. — „Цѣлую Жанешшу!“ — Какъ, мошенникъ, ты смѣешь! . . . — „Почему же не смѣешь, когда Жанештъ этого хочетъ?“ — Но кто поселилъ тебѣ въ голову, что я позволю такому шалуну, какъ ты, ласкаться къ моей дочери? — „Почему же не позволишь? Я ласкаюсь къ ней для того, чтобы на ней женился!“ — Женишься? Такъ конечно, для себя и берегущь ее — ты догадливъ! Смоди пожалуй! это въ негодяиществе себѣ невѣсты богачою! Но есть ли у тебя хотя маленькая клочокъ земли, повѣса? — . . . Я хотѣлъ отвѣчать; но Лоранъ замахнулся на меня палкою, я ускользнулъ отъ удара и убѣжалъ домой.

Сидя одинъ въ своей лачугѣ, я началъ размышлять о томъ, что со мною случилось — наконецъ убѣрилъ себя, что напрасно

любилъ Жанешпу и къ ней ласкался — но что же мнѣ было дѣлать? я чувствовалъ свою вину и не имѣлъ силы ее исправить. Любилъ Жанешпу и дышалъ — было для меня одно и то же. Страшная грусть рвала мое сердце; голова моя мушила; я бросилъ работу, и попорѣ и долото валились изъ рукъ моихъ; скоро въ моемъ кошелькѣ не осталось почти ни лѣарда денегъ, а въ жилищѣ моей ни куска хлѣба.

Я былъ въ отчаяннѣи — судите сами. Вдругъ пришло мнѣ на мысль идти къ господину Моранжу и ему открыть свое горе. Онъ такой добрый, онъ шакъ ко мнѣ милосердивъ — онъ мнѣ поможетъ — такъ думалъ я, подходя къ дому моего благошворителя. Мнѣ сказывающъ, что онъ опасно болѣнъ. Вообразите сами, въ какомъ печальномъ состояннѣи пошелъ я назадъ, въ бѣдную мою жилищину — я долго сидѣлъ на дорогѣ, плакалъ и молилъ Бога помиловать благодѣтеля нищихъ; но Богъ не услышалъ моей молитвы: на другой день опять прихожу въ замокъ; мнѣ сказывающъ, что господинъ Моранжъ скончался ночью. Какъ описать вамъ мое отчаяннѣе! съ нимъ лишился я послѣдней своей надежды.

Дней черезъ десять я узнаю, что послѣдники моего благодѣтеля прѣехали въ за-

мокъ , и что всѣ вещи, ему принадлежавшія, будутъ проданы съ публичнаго торгу. Я любопышенъ былъ видѣть эту продажу, побѣжалъ въ замокъ — сердце мое стѣснилось , когда я увидѣлъ , съ какимъ равнодушіемъ родные племянники добраго господина Моранжа отдавали въ чужія руки любимыя вещи своего дяди, который осыпалъ ихъ благодѣянїями , который оставилъ имъ богатое наслѣдство. Все въ домѣ приведено было въ страшный безпорядокъ; онъ казался настоящею площадью : покупщики приходили , уходили , торговались , звенѣли деньгами — ахъ ! можно ли было вообразить , чтобъ въ этомъ домѣ , гдѣ прежде жилъ добрый , богобоязненный человекъ , въ который не лзя было войти не чувствуя въ душѣ почтенїя и любви къ хозяину — шакъ было въ немъ все тихо , опрятно , порядочно — чтобъ въ этомъ домѣ могли происходить такія безчинства !

Я хотѣлъ уже уйти — вдругъ слышу кричатъ: *портретъ! чепъре франна! лять ливровъ!* — Оглядываюсь. — Боже мой! они продаютъ портретъ своего дяди, своего благодѣтеля — слезы полились ручьями изъ глазъ моихъ. Я бѣденъ! говорилъ я самому себѣ, мое послѣднее богатство шесль Франковъ; но этотъ портретъ... портретъ

моего покровителя . . . могу ли видѣть его въ чужихъ рукахъ? . . . — Кричу: *шесть франковъ!* и портретъ мой. Въ восторгѣ снимаю его со стѣны; не могу воздержаться, чтобы не поцѣловать стѣхъ рукъ, которыя такъ часто подавали мнѣ помощь; стѣхъ глазъ, которыхъ милоспивые взоры такъ часто меня ободряли и радовали! Бѣгу домой — дорогою чувствую, что портретъ необыкновенно тяжелъ — хочу повѣсить его на гвоздь — роняю — рама преснула — заднее полошно разорвалось — выскочилъ свершокъ — беру его — что же? Нахожу двадцать пять двойныхъ луидоровъ! Разсмашириваю внимательнѣе портретъ — съзади его напянуто другое полошно, которое приподнимаю — вообразите мое удивленіе! нахожу тысячу луидоровъ въ такихъ же свершкахъ, какъ и первые. . .

Какое щастіе! — восклицалъ я, прыгая отъ радости — я теперь богатъ! Жанешта моя! какое щастіе! . . . Добрый, почтенный господинъ Моранжъ! онъ хочетъ благодѣшествовать бѣднымъ и по смерти. Какъ эшотъ портретъ на него похожъ! Точно онъ! его глаза! его веселое лице . . . Но, Викторъ — подумалъ я — швои ли эшо деньги? Ты купилъ портретъ — правда! но былъ ли бы онъ тебѣ ошданъ за шесть франковъ, когда бы зна-

ли, что въ немъ спряшана тысяча луидоровъ? Нѣтъ! нѣтъ, возвратимъ его наследникамъ господина Моранжа. Бѣдная Жанешша! никогда не бывайшь тебѣ моею женою!

Въ эту минушу вижу на полу бумажку — поднимаю ее — читаю: „Характеръ наследниковъ моихъ мнѣ извѣстенъ — они продадутъ портретъ своего благодѣтеля! они бы продали и самого меня, когда бы это было имъ возможно. Если предсказаніе мое исполнится, то луидоры, спряшанные въ портретъ, должны принадлежать тому, кто его купитъ. Желаю, чтобы они достались въ добрыя руки.“

Лудовикъ де Моранжъ.

Я заплакалъ отъ радости, прочитавши эту записку — Эти деньги мои! Жанешша моя! Боже мой, какъ я щасливъ! — На другой день, ранехонько поутру, бѣгу къ Лорану. — За чемъ пожаловалъ? спросилъ у меня старикъ, нахмурилъ брови и косясь на меня глазами. — „За дѣломъ! хочу сказать тебѣ два слова, ошецъ Лоранъ!“ — Напрасной трудъ! О какомъ дѣлѣ намъ говоришь съ тобою? — „Бездѣлица! У тебя есть маленькая аренда?“ — Маленькая! Что называешь ты маленькою арендою? Бѣднякъ, у котораго

нѣтъ лїарда... — „Ты еще не считаешь моихъ денегъ!“ — Ты и самъ, я думаю, никогда не знаешь ихъ счешу. — „Можетъ бытъ! но это не помѣшаетъ тебѣ продать мнѣ свою аренду; я могу заплатить за нее такъ же какъ и другой!“ — Словами? — „Нѣтъ! чистыми, полновѣсными луйдрами, отецъ Лоранъ!“ — Согласенъ, прошу только не оппираться; я уступлю ее дешево. — „Сколько тебѣ надобно?“ — Бездѣлица: двенадцать тысячъ франковъ! — „По рукамъ!“ — „Не хочешь ли пойти къ Ношарїусу? спросилъ Лоранъ смотря на меня съ насмѣшкою. — „Пойдемъ хошь сїю минушу!“

Спарикъ вздумалось надо мною позабавиться — онъ взялъ меня за руку и пошацилъ къ Ношарїусу нашей деревни. Господинъ Ношарїусъ! сказалъ онъ: представляю вамъ богатаго помѣщика, кощорому угодно купишь у меня аренду и заплатишь за нее чистыми деньгами: напишите пожалуйста купчїю. — Купчая черезъ полчаса написана. Ношарїусъ читаетъ ее въ слухъ; мы подписываемъ — сперва Лоранъ, потомъ я. — Спарикъ смотритъ на меня, какъ изступленный. — Викторъ! говоритъ Ношарїусъ, не довольно того, чшобъ подписать свое имя, надобно заплатишь. — И всю сумму сполна! прибавилъ

Лоранъ , гошовый лопнушь со смѣху. — „Правду сказать , ты взялъ съ меня дорого!“ — Плашишь ! плашишь ! — всю сумму сполна! „Двенадцать тысячъ франковъ вдругъ ! не лзя ли опсрочить на нѣсколько дней?“ — Ни на часъ ; мнѣ нужны чистыя деньги. — „Такъ и бышь ! плачу ! но прежде пребую , чшобы господинъ Ношаріусъ приготошилъ другой , небольшой контрактъ , по кошорому Лоранъ обязался бы выдать за меня Жанешшу , топчасъ по уплатѣ всей суммы.“ Согласенъ ! я не боюсь оспаться въ накладѣ.

Я вынулъ изъ кармана двенадцать тысячъ франковъ , и бросилъ ихъ съ гордымъ видомъ на столъ. Кто же оспавался смѣшнымъ ? Конечно они. Лоранъ и Ношаріусъ смопрѣли на меня во всѣ глаза , не зная , ссятъ ли они , или видятъ на яву луидоры. Я рассказалъ имъ свое приключеніе , и прочелъ въ слухъ з писку господина Моранжа. — Ахъ , любезный Викторъ ! сказалъ мнѣ тогда Ношаріусъ : я вашъ покорный слуга : радуюсь отъ всего сердца вашему щастію ! Вы знаете , что я всегда уважалъ вашего покойнаго батюшку , почшеннаго споляра — . . . Господинъ Викторъ ! воскликнулъ отецъ Лоранъ , вланяясь мнѣ почти въ поясъ : вы имѣете великія до-

споинства! Я всегда думалъ, смотря на васъ: въ этомъ молодомъ человѣкѣ будетъ путь! Не справедливо ли мое предсказаніе? Надѣюсь, что . . . конечно . . . въ самомъ дѣлѣ . . .

Свадебный контрактъ написанъ и подписанъ въ одну минушу, и дней черезъ пять женился я на Жанеттѣ! Скоро во всемъ околдѣ начали говорить о моемъ приключеніи; всѣ искренно поздравляли меня съ неожиданнымъ щастіемъ, пошому что всѣ, не смотря на мою бѣдность, меня любили. Одни наследники господина Моранжа морщили брови: они вздумали-было пойти со мною въ судъ, надѣясь опнять у меня деньги, и ушверждали, что продали мнѣ одинъ только портретъ; но я представилъ судьямъ записку моего благодѣтеля, и выигрышь оспался на моей споронѣ. Племянники ея осуждены были заплащать мнѣ всѣ убытки, и сверхъ того осрамили себя своею неблагодарностію передъ цѣлымъ свѣтомъ. Вотъ уже два года, какъ я женатъ на моей Жанеттѣ; но они показались мнѣ двумя днями. Живемъ весело; всего у насъ много; старикъ Лоранъ нами доволенъ; онъ божится теперь, что опдалъ бы за меня дочь свою и тогда, когда бы я не имѣлъ и франка де-

негѣ ; мы уступили ему аренду , а сами построили для себя эшотѣ домики ; торгуемѣ очень щасшливо ; я сверхѣ того не оставляю и стараго своего ремесла , которое приноситѣ мнѣ теперь очень хорошей доходѣ , пошому что имѣю средство содержать многихѣ работниковѣ.

Я нарочно повѣсилѣ портретѣ господина Моранжа въ эпой горницѣ : хочу , чтобы всякой его видѣлѣ , имѣ любовался , и вмѣстѣ со мною благословлялѣ имя того человека , который цѣлую жизнь полезенѣ былѣ другимѣ и сполько людей оставилѣ по себѣ богомольцами ! Дѣти мои научатся любить и почищать свяшую память нашего благошворителя . Посмотрише на него : не правда ли , что это лице невольно оспается у всякаго въ сердцѣ ? Какой веселый видѣ ! какой свѣплый , милоспивый взглядѣ ! какѣ онѣ на насѣ смотритѣ ! скажешѣ , что онѣ и въ портретѣ радуешѣ нашимѣ щаспьемѣ , или съ удовольствьемѣ принимаешѣ благословенія нашего сердца !

Добрый Викторѣ не въ силахѣ былѣ удержатѣ своего восхищенія — онѣ взлѣзѣ на скамѣйку , снялѣ портретѣ со стѣны , долго его разсматривалѣ , наконецѣ поцѣло-

валъ со слезами : ахъ , милоспивый госу-
дарь! какъ жаль, что эшаго человека нѣтъ
уже на свѣтѣ! Что естли бы вы могли его
видѣть и слышать ! вы полюбили бы его
какъ отца. Боже мой! у меня сердце паяло
отъ удовольствія и любви, когда онъ со мною
говорилъ , когда онъ бралъ меня за руку ,
когда смотрѣлъ на меня своими нѣжными ,
ясными глазами ! Не знаю . . . но я го-
товъ былъ всегда плакать , когда слы-
шалъ пріятный голосъ его, или смотрѣлъ
на его почтенные сѣдые волосы ! Царство
небесное тебѣ , добрый , благодѣтельный
человекъ ! — Викторъ еще разъ поцѣло-
валъ портретъ и повѣсилъ его потомъ
опяшь на стѣну.

IV.

*Призываніе Калліолы на берега
Непрядвы (*).*

Пѣсней сладостныхъ Царица,
 Мать восторга, Калліопа!
 Изъ небеснаго чертога
 Преклонись къ моленью сына!
 Онъ, тобою вдохновенный,
 Принялъ лиру златострунну
 Отъ тебя передъ престоломъ
 Добродѣтели небесной —
 Принялъ съ тѣмъ, чтобы, въ восторгъ,
 Пѣть небесну добродѣтель —
 Ты сама его учила
 Прославлять свѣтлую правду,
 Велѣніе Природы,
 И въ Природѣ чтима Бога.
 Служь ко мнѣ склони, Богиня!
 Иль послѣ мою мнѣ лиру
 На крылахъ послушныхъ вѣтровъ;
 Иль сама ко мнѣ явися,
 На берега сойди Непрядвы!
 Здѣсь цвѣты благоухаютъ;
 Здѣсь желтѣетъ всюду жашва;
 Здѣсь смѣется лугъ зеленый!
 Ждетъ тебя сама Діана;

(*) Рѣка, извѣстная по той побѣдѣ, которою Димитрій Донскій одержалъ на берегахъ ея надъ Мамаемъ.

Уклоаясь подъ сѣнь дубравы ,
 Въ гротѣ сладостной прохлады ,
 На одрѣ роскошной нѣги
 Въ полдень жаркой отдыхаетъ
 Зѣроловная Богиня ;
 Тщательно ждетъ пріятныхъ пѣсней ;
 Нимфы зѣшнія безмолвны
 Ищутъ Фавновъ по дубравамъ ! —
 Кто Прекрасную утѣшитъ ? . . .
 Сиди , сиди Калліопа ! . . .
 Ждутъ тебя Помона , Флора ,
 Ореады , Нереиды ,
 Дщери рѣзвыя , младыя
 Тихоплещущаго Дона.
 Ждутъ тебя . . . приди , Богиня !
 Храмъ оставь твой златоверхій ,
 И явленьемъ благодатнымъ
 Благовонный садъ при-Донскій
 Обрати въ сады Парнасса !
 Наученъ тобой — съ тобою ,
 На твоей волшебной лирѣ
 Буду пѣть поля и роци ,
 Славить прелести Природы ;
 Иль подъ сумракомъ вечернимъ ,
 Пробужденный къ восхищенью
 Шумомъ легкаго зефира ,
 Возпаленъ дѣлами Славныхъ ,
 Воспою . . . и бранны тѣни
 Нашихъ правдѣдовъ - героевъ
 Въ свѣтломъ мѣсяца блистаньи

Тихо спустятся къ Непрядвѣ :
 Зазвенятъ мечи , и стрѣлы
 Засвистятъ подѣ облаками ,
 Вздрогнувшъ гробы побѣжденныхъ ,
 И Димитрій въ сонѣ бранныхъ
 Съ тучи взглянетъ на Непрядву ;
 „Здѣсь — речень — я мстилъ за Россю ;
 „Здѣсь мизринулъ въ адѣ Мамай !“
 Россы , гласъ его услышавъ ,
 Вровь о памяти Героя
 Вновь душой возвеселятся ! . . .
 Такъ я буду пѣть , Богиня ,
 Отъ любви склоняясь къ брани ,
 И отъ брани къ мирнымъ сѣнямъ
 Сельской жизни благодатной .
 Нимфы пѣснь мою услышатъ ,
 И прикинувшъ къ тихой урѣ ,
 Донѣ , вѣнчанный осокою ,
 Легкимъ струй своихъ плесканьемъ
 Будетъ вторить звукамъ лиры .
 И тогда , когда въ туманѣ
 Тѣнь моя носится будетъ
 Надъ моимъ безмолвнымъ гробомъ ,
 И тогда моя здѣсь память
 Громозвучнымъ водопадомъ ,
 Потрясающимъ улесы ,
 Для потомства сохранится ;
 И тогда , къ громамъ Героевъ
 Приобыкшее здѣсь Эхо
 Не забудетъ древнихъ пѣсней

Ихъ воспѣвшаго Поэта!

А теперь моя награда —
Поцѣлуй моей Надины,
И вѣнокъ, ея руками
Для меня вчера сплетенный!

Мрзлквѣ.

V.

Писатель въ обществѣ.

Положеніе Писателя въ обществѣ чрезвычайно запруднительно: онъ долженъ забыть на время свое Авшорство, и быть просто человѣкомъ свѣтскимъ. Не смотря на то, желаютъ, чтобы онъ оправдывалъ Авшорскую славу свою; въ противномъ случаѣ, скромность его представлена будетъ съ худой стороны завистію.

Любопытство мужчинъ и самолюбіе женщинъ не теряютъ его ни на минуточку изъ виду; его преслѣдуютъ съ вопросами, и перебиваютъ вопросъ, какъ скоро начнетъ онъ отвѣчать, или стараются изъяснить невыгоднымъ образомъ его молчаніе. Онъ долженъ принаравливать свои мысли къ людямъ, которые не мыслятъ и говорятъ непонятно, единственно отъ того, что имѣетъ основательный умъ;

его называютъ шупымъ , педантомъ ; его зашмѣваешь всякой молодой вѣтренникъ , который имѣетъ стройную ногу и способность болтать ; который играетъ первую роль въ обществѣ , можетъ быть единственно отъ того , что умѣетъ льстить и самымъ некрасивымъ женщинамъ и самымъ щеславнымъ глупцамъ .

Нѣкоторые люди думаютъ , что спихотворецъ служитъ для разнообразія человеческого рода ! Многимъ извѣстно случившееся за обѣдомъ у одной торговки , которая иногда угощала у себя нѣкоторыхъ остроумцевъ . Она сказала доброму своему мужу : *тебѣ завтра будетъ весело ; у меня обѣдаютъ Авторы . — Развѣ эти люди очень пріятны ? — Безъ сомнѣнія ! они не говорятъ и не дѣлаютъ ничего сходно съ другими . — Очень радъ ! мы позабавимся надъ ними ! — Обѣдъ начался ; мужъ ничего не видя въ чрезвычайнаго ; остроумцы наши не говорятъ ни слова , а ѣдятъ какъ и глупцы . Купецъ , выведенный изъ терпѣнія , дергаетъ за рукавъ жену свою , и спрашиваетъ вслухъ : *душа моя , скоро ли они начнутъ ?**

Ривароль никогда безъ досады не рассказывалъ эшаго анекдота . Онъ говорилъ мнѣ : *ничто не можетъ быть унизитель-*

нѣе, какъ желать отличатся умомъ у этихъ Мидасовъ, которые васъ приглашаютъ на обѣдъ единственно для того, чтобы повеселить своихъ гостей, и показывають васъ, какъ Китайскія тѣни, которыхъ даже разтолковать не умѣють. Онъ опмспилъ, и можетъ быть слишкомъ жестоко, одному Гамбургскому купцу, захотѣвшему приправить обѣдъ свой остроуміемъ того человека, котораго Вольперъ называлъ любезнымъ Французомъ. Ривароль рѣшился не говорить за споломъ ни слова, и шѣмъ обманушъ надежду многочисленнаго собранія; но упомянутый вопросами и похвалами своихъ собесѣдниковъ, онъ наконецъ сдѣлалъ имъ такой глупый отвѣтъ, что всѣ въ одинъ голосъ закричали: Fi, monsieur de Rivarol! Fi! (стыдись, Г. Ривароль) — *Утѣжь, Государи мои!* отвѣчалъ онъ, я только еще одну глупость сказалъ, а вы уже всѣ кричите: грабятъ, грабятъ!

Не скажу, чтобы Ривароль поступилъ благоразумно, оскорбивши тѣхъ людей, которые гостевы были отъ всего сердца удивляясь его остроумію. Этотъ человекъ пользовался палантами своими для однихъ только современниковъ; но онъ могъ бы оставишъ ихъ памятникомъ и для потомства: скажу о немъ то же, что самъ онъ

написалъ о Неккерѣ: *онъ ушелъ отъ Франціи и отъ славы своей!*

Но обратимся къ Писателю, который посѣщаетъ большой свѣтъ для наблюденій своихъ, или для отдыха послѣ трудовъ, — ему весьма трудно покинуть *умъ кабинета* и принять *умъ гостиной*. Военные люди, художники, судьи, употребляющіе обороты и слова, принадлежащія къ ихъ ремеслу; всегда по разговору человека можно угадать, какого онъ званія, и человекъ свѣтской долженъ имѣть великое преимущество передъ ученымъ, именно потому, что онъ единственно свѣтской: онъ въ своемъ владѣніи, онъ знаетъ основательно всѣ связи честолюбія, ненависти, дружбы, и, что еще болѣе, всѣ слабыя стороны тѣхъ людей, съ которыми обращается.

Главное искусство человека свѣтскаго есть знаніе приличностей (*convenances*), потому что *нравиться* есть главная цѣль его. Писатель презираетъ успѣхи въ обществѣ, и не беретъ на себя труда блистать передъ тѣми людьми, которыхъ не признаетъ своими судьями. Будучи наблюдателемъ опаснымъ и кришикомъ спритимъ, онъ досаждаетъ самолюбію, которое свѣтской человекъ, напротивъ, утѣшаетъ;

сладовашельно послѣдній всегда ошастся побѣдителемъ.

Qu'il est aimé celui, qui rend aimable!

Не позабудемъ также, что умъ на письмѣ есть сущая прошивуположность уму въ разговорѣ. Первый пребуешъ плана, разположенія часшей, выбора словъ; вторый нравшся своимъ безпорядкомъ, пріятною нерадивостію, свободными опспупленіями. Сіе несходство было весьма ощушительно для тѣхъ, кошорые хотѣли положить на бумагу повѣсть или анекдотъ, пріятно разсказанные въ обществѣ — вся живость разсказа изчезала въ сухомъ описаніи; разговоръ представляетъ въ дѣйствіи то, что на письмѣ изображается однимъ словомъ — сладовашельно все преимущества принадлежатъ человеку свѣтскому: съ его стороны живость (faillies), веселость, краснорѣчіе взоровъ, тѣлодвиженія и голоса, придающіе особенную прелестъ самымъ обыкновеннымъ вещамъ, и исчезающіе въ описаніяхъ Азпюра.

Славный Николь говорилъ: *я всегда виноватъ въ гослинной; но увѣренъ, что буду правъ, сойдя съ крыльца* Сладовашельно не должно шребовать, чтобы превосходный человекъ спарался блиспать мѣлочами, въ кошорыхъ человекъ свѣт-

свой бываетъ неподражаемъ. Самъ Мармонтель имѣлъ споль мало свѣтской любезности, что говорили: *будемъ чилтать его повѣсти, члобы наградила себя за скуку, нанесенную намъ его разговоромъ.* Не всегда однако можете ожидать отъ свѣта такой справедливости: не рѣдко по разговору Автора осуждаютъ и сочиненіе; обыкновенная разсѣянность Писателей, и откровенность ихъ, прошивная завистливой посредственности, суть главныя препятствія успѣховъ ихъ въ обществѣ.

Заклучимъ, что видѣть свѣтъ прилично только такому Автору, который желаетъ его описывать. Въ 3о лѣтъ не шерпишь свѣтскаго шуму, и шѣхъ людей, которыхъ Госпожа де Ламберъ называетъ: *fugitifs d'eux-mêmes*; людей, которые, пожимая вашу руку, въ то же время ласкаютъ взорами вашего непріятеля. Все это должно быть прошивно человѣку, который чувствуетъ свое достоинство, который увѣренъ, что не бытъ любимцемъ форшуны гораздо лучше, нежели имѣть пороки, происходяющіе отъ форшуны; который въ пріятныхъ занятіяхъ своего кабинета презираетъ праздную ничтожность вельможей. Первое основаніе мудрости состоитъ въ разпространеніи ума своего и въ ограниченіи своего сердца;

одна только дружба должна привлекать къ себѣ любимца Музъ. Мы скажемъ ему вмѣстѣ съ Делилемъ :

Du fond de ta retraite habite l'univers.

Съ Франц. Д. Свѣринъ.

VI.

Нѣсколько словъ о томъ же предметѣ.
(Отъ Издашеля.)

Положеніе Писателя въ большомъ свѣтѣ кажется вамъ зашруднишельнымъ; вы говорите, что онъ не долженъ надѣяться въ немъ успѣха — мнѣніе, слишкомъ неограниченное. Вопреки ему, позволяю себѣ утверждать, что и Писатель, наравнѣ со всѣми, можетъ съ успѣхомъ играть свою роль на сценѣ большаго свѣта.

Прежде всего опредѣлимъ для самихъ себя : что называется обыкновенно *большимъ свѣтомъ*? что значитъ имѣть въ немъ успѣхъ? какими средствами успѣхъ сей пріобрѣщается?

Слово *большой свѣтъ* означаетъ кругъ людей отборныхъ — не скажу лучшихъ — превосходныхъ передъ другими сослояні-

емъ , образованностію , саномъ , происхожденіемъ — это республика , имѣющая особенныя свои законы , покорная собственному , идеальному и всякую минуто произвольно смѣняемому правилу — *Модѣ* , гдѣ существуетъ общее мнѣніе , гдѣ царствуетъ разборчивой вкусъ , гдѣ раздаются всѣ награды , гдѣ происходитъ оцѣнка и добродѣтелей и талантовъ . Вообразите множество людей обоего пола , одаренныхъ или фортуны или избыткомъ , или знаменитостію , соединенныхъ одни съ другими естественною склонностію къ общезжитію , поставляющихъ цѣлю соединенія своего одно удовольствіе , и удовольствіе заключенное въ томъ единственно , чтобы взаимно другъ другу нравились , — и вы получите довольно ясное понятіе о томъ , что называете большимъ свѣтомъ . Слѣдовательно свѣтской человекъ есть тотъ , который имѣетъ сношеніе , всегдашнее и болѣе или менѣе тѣсное , съ людьми , принадлежащими къ большому свѣту , которому обыкновенія и законы сей идеальной республики извѣстны въ точности — и тотъ единственно , кто , пользуясь удовольствіями свѣта , умѣетъ самъ доставлять ихъ ; кто , обладая общими , отъ всѣхъ признанными за дѣйствительныя , способами нравишься , имѣетъ сверхъ того собственныя , одному ему свойствен-

ные и заключающїеся въ особенности его ума, характера и способностей: то въ единственно, говорю, можетъ съ одобренїемъ играть свою роль на сѣмъ обширномъ театрѣ, гдѣ всякой есть въ одно время и дѣйствующій и зритель. Два рода успѣховъ свѣтскихъ. Къ первому надлежитъ причислить сїи мгновенныя торжества, прїобрѣтаемыя блестящими, но мѣлкими средствами. Представьте человѣка, усуремившаго всѣ мысли свои на то единственно, чтобъ нравиться всегда, во всякомъ мѣстѣ и всемъ: наружноспїю, одеждою, краснорѣчїемъ языка, лица, движенїемъ; онъ съ удивительнымъ присущствїемъ духа обращаетъ на пользу свою всякое обстоятельство; умѣетъ въ разговорѣ своемъ быть и забавнымъ и важнымъ; неподражаемъ въ мѣлкихъ вещахъ: въ искусствѣ разсказать привлекательно и быспро анекдотъ или повѣсть, оживить своею изобрѣтательнспїю общеспвенныя забавы, представитъ важное смѣшнымъ, или смѣшное важнымъ, сказать прїятымъ образомъ лестное слово; онъ перелетаетъ изъ одного общества въ другое; одушевляетъ каждое мгновеннымъ своимъ присутствїемъ; исчезаетъ въ одномъ, чтобы явиться въ другомъ, и снова исчезнуть — такого человѣка называютъ *любезнымъ*; ищутъ его для того, что онъ

нуженъ для увеселеній общественныхъ; онъ имѣетъ въ свѣтѣ *успѣхъ*; никто не думаетъ о моральномъ его характерѣ: ему благодарны за то удовольствіе, которое доставляетъ онъ другимъ въ ту минуту, когда онъ съ ними. Другаго рода успѣхъ, болѣе твердый и съ большею трудностію пріобрѣтаемый, основанъ на уваженіи, которое имѣютъ въ обществѣ къ уму и качествамъ моральнымъ. Чтобы заслужить его, необходимо нужно усовершенствоваться своей характеръ, имѣть правила твердыя, разумъ образованный, бытъ дѣятельнымъ для блага общаго; но съ этими важными преимуществами надлежитъ соединять и мѣлкое, но совершенно необходимое для пріобрѣтенія отъ общества благосклонности — искусство обращаться пріятно. Конечно токъ, кто имѣетъ въ виду одну благородную цѣль: заслужить всеобщее уваженіе качествами и поступками превосходными, останется въ нѣкоторыхъ мѣлочахъ отъ человека, употребившаго всѣ дарованія свои на то исключительно, чтобы усовершенствоваться себя въ искусствѣ *быть пріятнымъ*. Конечно нѣкоторые мѣлкіе способы послѣдняго могутъ бытъ или неизвѣстны первому, или оставлены имъ безъ вниманія; но въ томъ же самомъ обществѣ, въ которомъ послѣдній будетъ восхищать другихъ своею любез-

ностію, *тайное предпочтеніе* всегда останется на сторонѣ перваго: къ нему будутъ привязаны чувствомъ постояннымъ, чувствомъ, которое не уменьшится и въ его присутствіи, ибо своимъ обхожденіемъ, простымъ, но пріятнымъ, онъ будетъ соотвѣтствовать своему характеру. Понятіе о человѣкѣ — только *любезномъ*, должно мѣняться съ тѣми обстоятельствомъ, въ которыхъ онъ представляется обществу; объ немъ не имѣютъ *общаго* мнѣнія; привязанность къ нему или уменьшается, или исчезаетъ въ ту самую минуту, въ которую онъ самъ скрывается отъ вашихъ взоровъ; онъ долженъ непременно быть на сценѣ, чтобы могли объ немъ помнить, или ему удивляться.

Теперь спрашиваемъ: почему Писателю невозможно искать въ обществѣ успѣха? и званіе Писателя прошивурчипль ли состоянію человека свѣтскаго? Вы скажете, можетъ быть: всякой Писатель, обыкновенными занятіями своими слишкомъ отдѣленъ отъ жизни свѣтской, шумной, разнообразной и неразлучной съ разсвѣтностью! Согласенъ, если подѣ именемъ свѣтской жизни разумеете вы скучное состояніе праздныхъ, которые посвятили себя однимъ удовольствіямъ общественнымъ, которые безпрестанно живутъ въ себя, не имѣютъ ни занятія собственнаго,

ни должности Государственной; копорыхъ девизъ — *быть пріятными, безъ пользы, а иногда и со вредомъ другихъ*. Но вы видѣли, что успѣхъ въ свѣтѣ — не эфемерный, но истинный и продолжительный — соединенъ необходимо съ дѣятельностью полезною и качествами высокими. Нѣтъ человека, копорый назывался бы просто *свѣтскимъ*; каждый имѣетъ, или долженъ имѣть, особенное занятіе, которое на время отдѣляетъ его отъ свѣта, и пребуетъ уединенія болѣе или менѣе продолжительнаго; многіе подчинены обязанностямъ по службѣ, и всѣ вообще семейственнымъ заботамъ. Обязанность Писателя привязываетъ его къ уединенному кабинету — но разлучаетъ ли она его съ обществомъ, и можетъ ли возпрепятствовать ему быть членомъ большаго свѣта наравнѣ съ другими, имѣющими каждый особенныя свои заботы и должности? Конечно Писатель — также какъ и всѣ, избравшіе какую-нибудь важную цѣль — не можетъ пріобрѣсти сего легкаго, пріятнаго блеска, копорымъ украшены люди, почищающіе, такъ сказать, единственнымъ своимъ ремесломъ искусство жить въ свѣтѣ; но онъ обладаетъ способами нравиться, столь же дѣйствительными, и безъ сомнѣнія благороднѣйшими.

Писатель — пошому единственко, что онъ Писатель — лишенъ ли качествъ чело-вѣка любезнаго? Будучи одаренъ богат-ствомъ мыслей, которыя умѣетъ выра-жать лучше другаго на бумагѣ, долженъ ли онъ, именно пошому, не имѣть способ-ности выражаться съ прїятностію на сло-вахъ? и обращаясь большую часть времени въ своемъ кабинетѣ съ книгами, осужденъ ли необходимо быть спраннымъ и неиску-снымъ въ обращенїи съ людьми? Не ду-маю, чтобы одно было неизбѣжнымъ слѣд-ствїемъ другаго.

Вы утверждаете, что Авторъ, всту-пая въ общество, долженъ быть непременно жершвою коварнаго любопытства мужчинъ и взыскашельнаго самолюбїя женщинъ — мнѣнїе сїе почишаю не совсѣмъ справедли-вымъ. Писатель свѣтскїй чело-вѣкъ, будучи *всегда* въ свѣтѣ, не можетъ возбуждать *особеннаго* вниманїя, именно пошому, что лице его уже *знакомо*, и что онъ играетъ одинакую роль со всѣми: роль собесѣд-ника, примѣняющагося къ другимъ сво-имъ обхожденїемъ, своею наружностію, своимъ пономъ. Въ свѣтѣ не любятъ оп-личїй, не охотно показываютъ удивленїе, и рѣдкою бываетъ въ немъ предметомъ любопытства, которое само по себѣ есть уже знакъ опличїя. Въ свѣтѣ ни ошъ кого

не требують много, можетъ бытьъ потому, что высокія требованія неразлучны съ признаніемъ великаго превосходства; а люди, особенно свѣтскіе, хотя вообще справедливые, не любятъ никогда обнаруживать такого признанія.

Прибавимъ: Писатель имѣетъ въ обществѣ существенное преимущество передъ людьми, болѣе свѣтскими — онъ можетъ порядчнѣе и лучше мыслить. Отъ умственной работы; которой посвящена большая часть его дня, пріучается онъ обдумывать тѣ предметы, которые свѣтскій человекъ только замѣчаетъ; будучи весьма часто одинъ съ собою, онъ имѣетъ гораздо болѣе времени возобновлять воспоминаніемъ то, что видѣлъ глазами; привычка приводитъ въ порядокъ, предлагаетъ въ связи и выражаетъ съ точностію свои мысли, даетъ понятіямъ его особенную ясность, опредѣленность и полноту, которыхъ никогда не могутъ имѣть понятія человека, исключительно занимающагося свѣтомъ: послѣдній, по причинѣ разнообразія предметовъ, мелькающихъ мимо его съ чрезвычайною быстротою, принужденъ ловить ихъ, такъ сказать, на лету и устремлять на нихъ вниманіе свое только мимоходомъ. Уединеніе дѣлаетъ Писателя глубокомысленнымъ —

въ обществѣ пріучается онъ размещлять быстро, и наконецъ заимствуетъ въ немъ искусство украшать легкими и пріятными выраженіями самыя глубокія свои мысли. Конечно всякой Писатель отъ образа своей жизни, болѣе или менѣе ограниченнаго, долженъ бытъ нѣсколько отъ другихъ отличенъ — но развѣ отличие и странность одно и то же? И нѣкоторое несходство съ другими, если оно не разительное, а только что замѣтно, развѣ не имѣетъ своей пріятности? Человѣку естественнo любить разнообразіе. Привыкнувъ мѣшать уединеніе съ свѣтскою жизнью, Писатель удобнѣе другихъ можетъ сохранить *особенность* своей фizioноміи: конечно онъ будетъ имѣть съ другими нѣкоторое несходство, но въ то же время не отдѣлится отъ нихъ рѣзкою (слѣдовательно непріятною) съ ними противоположносцію. Оригинальность, разумѣется натуральная, неподдѣланная, имѣетъ въ себѣ нѣчто любезное. На примѣръ, задумчивая молчаливость — если она впрочемъ соединена съ пріятнымъ умомъ, и не происходитъ ни отъ неловкости, ни отъ педантизма, ни отъ угрюмаго нрава — можетъ понравиться именно потому, что она служитъ легкою противоположносцію веселому и слишкомъ въшреннему многорѣчію людей свѣтскихъ.

Отъ чего же ; спросите вы , большая часть Писателей не имѣютъ никакого усѣха въ свѣтѣ , неловки въ обращеніи , и вообще менѣе уважаемы , нежели ихъ книги ? Отъ трехъ причинъ , изъ которыхъ двѣ — общія Писателю со всѣми : *отъ страстной привязанности къ своему искусству ; отъ самолюбія , отъ ограниченности состоянія .*

Всякая страсть , наполняя человѣческую дѣлу предмѣтомъ , единственно ей любезнымъ , отдѣляетъ ее отъ всего внѣшняго и сему предмѣту чуждаго . На примѣръ , приведите въ общество любовника — онъ молчаливъ , разсѣянъ , на лицѣ его написано задумчивое уныніе , свѣтская принужденность для него мучительна , мысли его тамъ , гдѣ его сердце ; начните съ нимъ говорить — онъ будетъ вамъ ошвѣчать несвязно или безъ смысла ; онъ скученъ , тяжелъ и спранный . Таковъ честолюбивый , преданный паинсвеннымъ своимъ замысламъ ; таковъ и Писатель , исключительно прилѣпленный къ своимъ идеямъ . Онъ не охотно являюща въ общество , и находясь въ немъ , всегда бываетъ отъ него въ отсутствіи : въ шумную толпу людей переноситъ онъ уединеніе своего кабинета . Онъ неспособенъ примѣняться къ другимъ , и часто оскорбляетъ ихъ своимъ разсѣян-

нїемъ, или грубымъ пренебреженїемъ обыкновенныхъ, ему одному неизвѣстныхъ приличностей; не можете говорить прїятно пошому, что неспособенъ внимательно слушать: въ то время, когда вы съ нимъ говорите, онъ, можетъ быть, занятъ разрѣшенїемъ Философическаго вопроса, или описываетъ въ воображенїи спокойный вечеръ, шоску осиротѣвшей любви, очарованный замокъ Альцины. Воображая, что предметы, ему любезные, для всѣхъ одинаково привлекательны, онъ ушомляетъ ими ваше вниманїе, и перестаетъ васъ слушать, когда начинаете говорить ему о томъ, что важно для васъ самихъ. Имѣетъ ли такой человекъ нужду въ обществѣ, которое, можно сказать, для него не существуетъ? Онъ обитаетъ въ особенномъ, ему одному знакомомъ, или имъ самимъ сотворенномъ мїрѣ; существа идеальныя всегдашнїе его собесѣдники; онъ ограниченъ въ самыхъ естественныхъ своихъ потребностяхъ: все то, что ему нужно, находится въ немъ самомъ, въ его идеяхъ, въ мечтахъ его воспламененнаго воображенїя.

Другою причиною неуспѣховъ Писателя въ свѣтѣ полагаю чрезмѣрность самолюбїа, свойственнаго ему со всѣми другими людьми, но вообще въ Писателяхъ

болѣе ослѣпленнаго , примѣшнаго и смѣшнаго. Напримѣръ , взгляните на людей свѣтскихъ ; одинъ , обманувши нѣсколько слабыхъ , или вѣтренныхъ женщинъ , увѣряетъ себя , что уже ни одна изъ нихъ не можетъ быть для него *нелобѣдима* : онъ сраженъ своимъ излишнимъ уваженіемъ къ самому себѣ , своею самолюбивою надежностію на красоту свою и любезность ; другой , сказавши нѣсколько острыхъ словъ , замѣченныхъ въ одномъ обществѣ и повторенныхъ его друзьями въ другомъ и прешьемъ , обманывая себя самолюбіемъ , не открываетъ рта безъ того , чтобы не сказать остроши , ищетъ за каждое произнесенное имъ слово лестнаго одобренія въ глазахъ своихъ слушателей , и вмѣсто того чтобы нравиться , бываетъ осмѣянъ. Таковъ и Писатель — сдѣлавшись славнымъ по нѣкоторымъ превосходнымъ сочиненіямъ , онъ входитъ въ общество *торжествующимъ* ; онъ пребываетъ отъ другихъ удивленія , какъ дани ему приличной ; онъ говоритъ рѣшительно , воображая , что мнѣніе его должно имѣть *перевѣсъ* , что его *ожидаютъ* , что оно не можетъ не быть принято съ уваженіемъ ; гордяся авшорскими успѣхами , онъ смѣшиваетъ ихъ съ успѣхами свѣтскими , и вмѣсто того чтобы примѣняться къ другимъ , воображаетъ напрошивъ , что другіе должны примѣняться къ нему. Вы

смотрите на него пристально — онъ думаетъ, что вы ищете на его лицѣ того великаго ума, который сіяетъ въ его швенреніяхъ. Вы молчаливы при немъ — это отъ робости, чтобы не сказать въ присутствіи великаго человека чего-нибудь глупаго. Вы разговорчивы — какое сомнѣніе? Вы хотите отличиться при немъ краснорѣчіемъ, познаніями, остроуміемъ. Два человека, ему незнакомые, шепчущъ, сидя въ углу; одинъ изъ нихъ, безъ всякаго замѣчанія, на него взглянулъ — довольно! они говорятъ объ немъ, они удивляются и прозѣ его и спижамъ, они въ восторгѣ отъ чрезвычайнаго таланта его. Такой человекъ долженъ натурально казаться передантомъ, смѣшнымъ, тяжлымъ, неловкимъ; онъ вооружаетъ противъ себя самолюбіе, подвергается гоненіямъ зависти, и отдѣляетъ себя отъ толпы для того, чтобы ему удивлялись, сщановишся напрошивъ предметомъ колкихъ насмѣшекъ и наблюдений коварныхъ. Прибавимъ: самолюбіе Автора гораздо замѣшнѣе и смѣшнѣе самолюбія свѣтскихъ прелестниковъ, осряковъ и имъ подобныхъ, тонкаго, искуснаго и болѣе скрытнаго. Они всегда въ свѣтѣ, слѣдовательно и самыя странности ихъ менѣе разительны: ихъ суешная гордость прикрывается маскою простоты; они только изрѣдка себѣ измѣняютъ. Напрошивъ, Писатель,

будучи весьма часто одинъ, и слѣдственно сохранивъ болѣе собственнаго въ своемъ характерѣ и обращеніи, опличнѣе отъ другихъ и въ смѣшномъ и въ странномъ. Свѣтскій человекъ, научившись замѣчать, по многократному замѣчанію за другими, смѣшную сторону собственнаго своего самолюбія, умѣетъ и украшать ее цвѣтами пріятнаго — Писатель, въ этомъ случаѣ, *простодушнѣе*; будучи невнимателенъ къ другимъ и слѣпъ къ самому себѣ, онъ не старается и не умѣетъ скрывать самолюбія своего, слѣдственно обнаруживаетъ его во всей его странности.

Третья причина — *ограниченность состоянія*. Она мѣшаетъ Писателю, наравнѣ съ другими, пользоваться выгодами и удовлетворять требованіямъ свѣтской жизни. Лишенный способовъ играть одинакую роль съ людьми, одаренными избыткомъ, и будучи не въ состояніи доставлять имъ тѣ удовольствія, которыхъ самъ отъ нихъ получаетъ, Писатель — которому вмѣстѣ съ дарованіемъ досталась въ удѣлъ и бѣдность — принужденъ являться въ общество *изрѣдка*, и то не иначе, какъ зритель, неимѣющій никакой тѣсной связи съ дѣйствующими на сценѣ его лицами. Сія необходимость бытъ простымъ зрителемъ, препятствуетъ ему пріобрѣсти

искусство обхожденія, познакомиться съ приличнѣшими, узнать всѣ нужные обряды жизни свѣтской. Онъ не имѣетъ ничего общаго съ людьми, составляющими большую свѣтъ, опчужденъ отъ нихъ своимъ состояніемъ, своими обещательствами, для нихъ неизвѣстными; являясь на глаза ихъ рѣдко, онъ всегда кажется имъ *новымъ* лицомъ, слѣдовательно всегда обращаетъ на себя ихъ вниманіе, но вниманіе производимое не достоинствами личными, а только *новостію* предмета — простое, можетъ быть оскорбительное *любопытство*. Чувствуя свое *одиночество* и свое *неравенство* въ способахъ наслаждаться свѣтскою жизнью даже съ такими людьми, которые во всемъ другомъ его ниже, но поддержаны въ свѣтъ или богатствомъ или знатымъ родомъ, чувствуя свое *невѣжество* въ наукѣ жизни, извѣстной только тому, кто имѣетъ и можетъ имѣть постоянное сношеніе съ большимъ свѣтомъ, онъ дѣлается робокъ, недовѣрчивъ къ самому себѣ, слѣдовательно и мелокъ и страненъ; непріятность играемой имъ въ обществѣ роли привлекаетъ его часъ отъ часу болѣе къ уединенію, часъ отъ часу болѣе опчуждаетъ отъ свѣта, и слѣдовательно дѣлаетъ его часъ отъ часу неспособнѣе имѣть въ немъ какой нибудь успѣхъ.

Но Писатель, который, отъ ограниченности состоянїя своего, не имѣетъ способовъ наслаждаться прїятностями большаго свѣта, уже ли долженъ почищать потерю свою весьма важною? Нѣтъ конечно! Свѣтская жизнь имѣетъ много привлекательнаго, но только для тѣхъ, которымъ даны средства пользоваться *всеми* ея преимуществами безъ исключенїя. Человѣкъ, желающій, не смотря на препятствїя, бѣдностью ему положенныя, оспаривать у сихъ *щастливцевъ* удовольствїя, на которыхы, такъ сказать, сама Фортуна дала имъ полное право, получитъ въ награду одно оскорбительное чувство собственнаго безсилїя. Писатель - съ дарованїемъ истиннымъ щедро вознагражденъ Природою за всѣ обиды пристрастной Фортуны. Имѣя въ виду однѣ благородныя заняшїя мыслящаго, богатаго чувствомъ и любовїю ко всему прекрасному человѣка, онъ будетъ въ шиши-нѣ души довольствоваться скромнымъ своимъ удѣломъ, своею дѣятельностью въ маломъ кругѣ — онъ будетъ довольствоваться *разпространенїемъ своего ума и ограниченїемъ своего сердца.* Утрату разнообразїя въ удовольствїяхъ замѣнитъ онъ продолжительностію ихъ и полнотою. Для него человѣческое общество разделено будетъ на два круга — одинъ обширный, въ который онъ входитъ изрѣдка,

сб твердою рѣшимостію бытъ просто зри-
 телемъ, спокойнымъ, холоднымъ, безъ
 всякихъ честолюбивыхъ требованій и на-
 деждъ, безъ всякаго соперничества съ
 людьми, желающими въ немъ торжество-
 вать, равнодушный къ собственнымъ своимъ
 неуспѣхамъ, желающій единственно прі-
 обрѣтенія нѣкоторыхъ новыхъ понятій,
 нѣкоторой образованности, необходимой
 его таланту — онъ будетъ *не замѣченъ*,
 это вѣрно; за то не будетъ и *страненъ*,
 ибо въ свѣтѣ находятъ страннымъ однѣ
 усилія самолюбивыхъ, бесполезно жела-
 ющихъ оплечить себя передъ другими
 какимъ-нибудь превосходствомъ: тихая
 скромность будетъ его украшеніемъ. Вся
 дѣятельность его въ семъ кругѣ ограни-
 чится единственно тѣмъ вліяніемъ, ко-
 торое онъ можетъ имѣть на него посред-
 ствомъ своего таланта. Другой кругъ —
личныи, есть тотъ, въ которомъ онъ
 щасливъ, любимъ и любитъ; гдѣ онъ
 имѣетъ успѣхъ безъ всякаго усилія, не
 прибѣгая къ утонченному и коварному ис-
 кусству; тамъ его *удивленіе*, гдѣ онъ на-
 слаждается жизнію, въ трудѣ безмятеж-
 номъ и полезномъ, гдѣ онъ бесѣдуетъ съ
 самимъ собою, гдѣ онъ высокими чувствами
 и мыслями совершенствуетъ душу свою,
 гдѣ онъ ввѣряетъ бумагѣ сокровище соб-
 ственныхъ мыслей и чувствъ, для поль-

зы современниковъ , быть можетъ и для пользы потомковъ ; тамъ его друзья , соединенные съ нимъ одинакою дѣятельностью , сходствомъ жребія , склонностей , дарованій ; ихъ строга разборчивость его образуетъ , ихъ благодушное соревнованіе живо творитъ въ немъ творческой пламень , въ ихъ искренней похвалѣ его воздаяніе и слава ; тамъ , наконецъ , его семейство . Для Писателя , болѣе нежели для кого нибудь , необходимы семейственные связи : привязанный къ одному мѣсту своими упражненіями , онъ долженъ около себя находить щѣ удовольствія , которыя Природа сдѣлала необходимыми для души человеческой ; въ уединенномъ жилищѣ своемъ , послѣ продолжительнаго умственного труда , онъ долженъ слышать прогательной голосъ своихъ любезныхъ , онъ долженъ въ кругу ихъ отдыхать , въ кругу ихъ находить новыя силы для новой работы ; не имѣя въ дали ничего достойнаго исканія , онъ долженъ вблизи себя соединить все драгоценнѣйшее для его сердца : вселенная , со всеми ея радостями , должна быть заключена въ той мирной обители , гдѣ онъ мыслитъ и гдѣ онъ любитъ .

Ж.

ПОЛИТИКА.

VII.

Островъ Мадагаскаръ.

(Изъ Annales de Voyages de Matte-Brun.)

Островъ Мадагаскаръ, находящійся на Океанѣ Индійскомъ, лежитъ къ сѣверовостоку отъ мыса Доброй Надежды. Португалецъ *Лаврентій Алмейда* открылъ его въ 1506мъ году; но Португаллія очень скоро пренебрегла сѣе пріобрѣтеніе; обративъ вниманіе на обширныя свои колоніи въ Индіи. — Французы, овладѣвшіе имъ въ царствованіе Генриха IV, около 1592 года (по другимъ писателямъ — въ 1641), основали селеніе въ южной части его, которое назвали Дофиномъ и построили крѣпость, теперь разрушенную; и понынѣ еще видны ея развалины. Французы владѣли симъ островомъ не долѣе Португальцевъ; мужественные островищяне, соединивъ всѣ свои силы, выгнали поселенцовъ и изстребили гарнизонъ крѣпости Дофина.

Островъ Мадагаскаръ обширнѣе старой Франціи — и хотя лежитъ между

шропиками, но имѣетъ климатъ весьма умѣренный; по берегамъ его находится много безопасныхъ гаваней и заливовъ. Сѣверная часть острова есть лучшая по своему мѣстоположенію: она богата лѣсами, источниками и гаванями, привлекающими мореплавателя къ пріятнѣйшему отдохновенію. Мадагаскаръ могъ бы сдѣлаться весьма полезнымъ для нашихъ Индійскихъ владѣній; наши флоты, находясь тамъ въ безопасности, могли бы спорить въ могущество съ Англійскими. Ильде Франсъ, по своей малой обширности, не въ состояніи принять большой эскадры и довольствоваться ее собственными припасами — Мадагаскаръ напрошивъ того, изобильный земными произведеніями и гаванями, соединяетъ въ себѣ всѣ сіи выгоды. По многимъ отношеніямъ онъ могъ бы сдѣлаться столь же важнымъ для насъ, какъ и Сен-Доминго. Близость его къ берегамъ Африканскимъ весьма бы облегчила перевозъ Негровъ. Онъ производитъ множество хлопчатой бумаги, сахарнаго проспнику и индиго; есть провинціи, копорыя даютъ до трехъ милліоновъ фунтовъ пшена. Сей островъ, по торговымъ отношеніямъ, можетъ быть важнѣйшимъ въ цѣломъ свѣтѣ — и отдаленіе колоній ни мало не препятствуетъ его успѣхамъ. Англичане, основавъ Портъ-Яксонъ въ но-

новой Голландіи, имѣли въ виду очень обширный планъ, и едва не сдѣлались опасными Гишпанскимъ колоніямъ въ Перу.

Мадагаскарцы, или Мальгахи, имѣютъ ростъ высокой и очень спашны, выключая обитающихъ въ средней части острова: они оливковаго цвѣту, характера важнаго, предприимчивы, имѣютъ пылкія спрасы, мстительны, необузданны; живы, равно способны къ великимъ добродѣтелямъ, какъ и къ великимъ порокамъ, гостепріимны по должности и по собствѣнному своему чувству. Они оказали уже нѣкоторыя успѣхи въ искусствахъ; наприкладъ; приготавливаютъ для переднихъ женскихъ шкатель превосходное; дѣлаютъ очень хорошо краски, достаютъ и обрабатываютъ желѣзо, и не умѣя писать, дѣлаютъ вычепы свои посредствомъ маленькихъ кусочковъ дерева очень вѣрно.

Островъ Мадагаскаръ раздѣляется на двенадцать провинцій; онъ имѣетъ пять гаваней на восточной сторонѣ, при большія рейды и при глубокихъ залива. Въ немъ пять озеръ — всѣ прекрасны, изобильны рыбою; но, выключая одно только, всѣ наполнены Кайманами (нѣкотораго роду крокодилъ); много рѣкъ судоходныхъ; горы лежатъ въ отдаленіи отъ берега; самая высокая, имѣющія около 1800 ша-

зовъ, находящся въ срединѣ острова; лѣсовъ великое множество — они простираются вдоль береговъ.

Образъ правленія въ каждой области особый. Первая степень власти наследственная. Мадагаскарцы раздѣляются на вольныхъ и на рабовъ: въ классѣ вольныхъ заключаются купцы, земледѣльцы, Агенты, находящїеся на островѣ по дѣламъ и называющїеся *Мармитами*. Рабы принадлежатъ или вольнымъ людямъ, или другимъ рабамъ. — Вообще здѣсь рабство совсемъ не ошягопительно.

Какъ скоро начинается война, по всякой, могущій носить оружіе, дѣлаются солдатами. Ихъ сраженія не кровопролитны; слѣдствіе оныхъ одинаково: побѣдителю посылаютъ условленное количество плодовъ, или невольниковъ.

Законы единообразны: убійство наказуется смертію, но преступникъ можетъ сохранить свою жизнь уступкомъ нѣкотораго числа рабовъ; оправдатель оправляется ядомъ; похищитель возвращаетъ похищенные имъ вещи. Всякой обвиняемой судится въ *Кабарѣ*, передъ собраніемъ всего Кантона, въ которомъ предсѣдаютъ пачальники и сшарцы. При

объявленіи неоспоримыхъ доказательствъ въ пользу или противъ обвиняемаго, старцы бросаютъ маленькіе кусочки дерева въ шпакі; ихъ вынимаютъ, и по числу голосовъ въ пользу и противъ судимаго, произносятъ приговоръ, который *Кабара* подтверждаетъ или отвергаетъ — Когда же дѣло сомнительно и обвиняемсѣ не уличенъ совершенно, тогда прибѣгаютъ къ испытанію посредствомъ *Тангуина*. Тангуинъ есть самое бѣдное, смертоносное растеніе, котораго плодъ очень пріятнаго вида. Обвиняемаго привязываютъ къ дереву. *Емланангуинъ*, или исполнитель приговора, беретъ орехообразный плодъ сего растенія, третъ его о камень, разпускаетъ въ водѣ, потомъ спрашиваетъ у обвиняемаго, признается ли онъ въ томъ преступленіи, которое на него возлагаютъ, или рѣшился доказать свою невинность принятіемъ ядовитаго сока? Дѣйствіе яда показывается чрезъ 10 или 12 минутъ; острые пары поднимаются въ мозгъ, помрачаютъ разумъ; ужасное бѣшенство объемлетъ несчастнаго. Такимъ образомъ часто невинной обвиняетъ себя въ самыхъ несодѣянныхъ преступленіяхъ; всѣ силы его ума разстроиваются, всѣ мускулы въ страшныхъ конвульсіяхъ — и онъ умираетъ по большей части съ неописанными мученіями; шѣло

чрезъ полчаса начинаеть уже гниеть. Тѣ , которые спасаються отъ смерти, влекутъ самую несчастную жизнь , будучи подвержены болѣзнямъ, безпрестанному круженію головы и крайней слабости тѣла. Между тѣмъ всѣ знаютъ , что отъ *Емланангуина* зависитъ назначить силу и недѣлятельность яда, смотря по тому, кою стороною онъ претъ орѣхъ — его — то надобно спараться склонить на свою сторону.

Мадагаскарцы суевѣрны : они вѣряють несчастнымъ или чернымъ днямъ ; дитя , рожденное въ одинъ изъ сихъ дней, кидають въ лѣсу , гдѣ оно умираеть отъ холоду и голоду. Обрѣзаніе здѣсь во всеобщемъ употребленіи и производится со многими странными церемоніями. Прекраснѣйшій обрядъ Мадагаскарцовъ есть *клятва крови*, или торжественный союзъ , въ которомъ двѣ особы клянутся оказывать другъ другу всѣ тѣ взаимныя вспомошествованія , какія только въ ихъ силахъ и какія могутъ бытъ имъ нужны. Старшины деревни дѣлають двумъ человекамъ , согласившимся заключить такой союзъ , небольшія раны подъ грудью; каждой изъ нихъ обмакиваетъ кусочекъ имбирю въ кровь другаго и сѣдаетъ его. Начальствующій при семъ обрядѣ смѣшиваетъ потомъ въ одномъ сосудѣ чистую

ключевую воду, соль, пшено, серебро и пыль, и произносишь самыя страшныя заклинанія. Друзья призывають въ свидѣтели землю, солнце и свѣтъ, пьютъ по немногу эшаго соспава, и просятъ всѣ силы небесныя и земныя, чшобы онѣ преврашили его въ ядъ для того, который не отъ чистшой совѣсти клянется.

Что касается до ихъ домашней архитектуры, то она еще въ младенчествѣ; ихъ дома очень единообразны; обыкновенныя челноки, ими употребляемыя, не что иное, какъ выдолбленныя пни; но шѣ, которые служатъ имъ на войнѣ, обрабшаны съ большимъ шщаніемъ.

Островъ Мадагаскаръ такъ обширенъ, что очень шрудно изчислить всѣ его произведенія. Здѣсь находишся деревня, называемая *Рану - Мафанъ*, что значишь на ихъ языкѣ *деревня теплыхъ водъ*. Сїи горячіе источники почно кипучая вода; они доказываютъ, что островъ содержитъ въ себѣ много огня. Находяшся также и кришпальныя массы, имѣющія до двадцати фушовъ въ окружности. Горы заключаютъ въ себѣ много мешалловъ, какъ-шо: олова, свинцу, желѣза и нѣсколько серебра. Сверхъ того Мадагаскаръ производитъ гранаты и прекрасной черной агашъ. Не-

давно нашли на берегу моря кусокъ янтарю, который всилъ 25 фунтовъ. Тамошнїе звѣри такіе же, какъ и у насъ.

Съ Нѣмецкаго, Теодоръ Бунаковъ.

VIII.

М а й н о л ы .

В Англійскомъ Журналѣ, the monthly repertory of english litterature etc. находится слѣдующее любопытное извѣстїе о *Майнолахъ*, народѣ новой Греціи:

Майнолы населяютъ ту часть *Мореи*, которая образуешь мысъ *Моталанъ*, и называютъ себя потомками древнихъ *Спартанцевъ*. Юноши ихъ; достойные отрасли великихъ предковъ, одинъ передъ другимъ стараются опличиться проворнымъ воровствомъ: съ опмѣннымъ искусствомъ похищаютъ они у сосѣдей своихъ плоды, хлѣбъ и прочїе жизненные припасы, и хвалящя сею промышленностїю, какъ нѣкошорымъ достоинствомъ.

Тѣлесное наказанїе здѣсь не въ обычаѣ; похищителя принуждаютъ заплатить седмичную цѣну кражи, но смертїю никогда не наказываютъ. „Всѣ со-

кровища свѣша, говорятъ *Майнолы*, не спуютъ жизни одного человека.“ Дѣйствительно и краденое никогда не бываетъ великой цѣны — обыкновенно плоды или расшенія. Здѣсь самое сильнѣйшее средство, удержатъ отъ воровства, состоитъ въ томъ, что Священникъ лишаетъ вора Святаго Причастія.

Майнолъ никогда не употребляетъ при воровствахъ своихъ обмана или насилія — это обезчестило бы его на всю жизнь. Малѣйшій обманъ лишаетъ здѣсь навсегда добраго имени. Привыкнувъ съ молодыхъ лѣтъ къ воздержанію и безкорыстію, молодой *Майнолъ* не имѣетъ никакого понятія о пріобрѣтеніи денегъ; только въ уваженіи своихъ согражданъ и въ добродѣтели, единственныхъ сокровищахъ свободныхъ людей, поставляетъ онъ все свое достоинство.

Любимѣйшая добродѣтель *Майноловъ* гостепрїимство. На примѣръ, если какой-нибудь жишель Греціи, прїѣхавшій Турками, ищетъ у нихъ убѣжища и защиты, то принимающіе со всякимъ дружелюбіемъ и доставляютъ ему все нужное: жилище, пищу, одѣяніе. Только отъ боязни, чтобъ не были введены между ими испорченные нравы, бываютъ *Майнолы*.

въ семъ случаѣ нѣсколько строже или неприступнѣе противъ иноземцовъ.

Если *Майнотъ* умираетъ, то смерть его тотчасъ обвѣщается всѣмъ ближнимъ криками и плачемъ. Усопшаго обвивающъ холстомъ, оставивъ открытою одну голову. Ближайшіе родственники стоятъ при немъ съ распущенными волосами, плачущъ и воющъ; оставленная имъ вдова рассказываетъ о всѣхъ добрыхъ качествахъ умершаго своего мужа и поворяетъ сіи слова:

„Поля и города буду я проходить, и нигдѣ болѣе не встрѣчу его! Могу ли пережить моего друга? О дай Богъ, чтобы я скоро послѣдовала за тобою, или обратилась въ пшицу, и могла наполнять пустыни моими вздохами! Никогда не приѣла бы на зеленой вѣшкѣ, никогда не пила бы воды изъ чистаго ключа, подобно горлицѣ, лишенной своей подруги!“

Священники провожаютъ мертвое тѣло; слезы и плачь усиливаются, какъ скоро положатъ усопшаго на носилки; но когда понесутъ его, то все умолкаетъ. Священники съ причетомъ своимъ поющъ, прочіе — мужчины впереди, а женщины за ними — идутъ молча. Когда придутъ на мѣсто погребенія, и Священникъ въ про-

долженіе погребальнаго служенія скажетъ сти слова: „Брашїя и друзи, восплачьте обо мнѣ и моемъ отсутствїи!“ тогда приближающа попарно близкіе родственики къ носилкамъ, становящя лицемъ къ олшарю, кланяющя, прикладывающя съ благоговїніемъ къ лежащему на груди покойнаго кресту, и попомъ цѣлуютъ въ лобъ усопшаго. По окончанїи погребенїя всѣ идутъ въ домъ умершаго, поминаютъ его и разходятся.

Можно сказаць, что Майнопскїя женщины получили въ наслѣдство и духъ и мужество Лакедемонскихъ. Въ продолженїе войны съ Турками мужчины никогда не оставяютъ своего мѣста: жены приносятъ имъ не только всѣ военные и жизненные припасы, но раздѣляютъ съ ними и самую опасность. Если жена увидитъ своего мужа смертельно раненаго, то беретъ его оружіе и старается за него опмститъ. *Ожари*, въ послѣднюю войну, увидя сына своего павшаго у ногъ ея, взяла его ножъ и закричала: „спи, мой сынъ! я на твоемъ мѣстѣ.“ Онъ также отличаящя великою твердоспїю духа и презрѣніемъ смерти. *Ирина*, пулею въ лядвею раненая, оборотясь къ непрїятелю, закричала гордымъ голосомъ: „Теперь не могу дѣйствовать сама, но воспитаю дѣшей, которыя опмстятъ за меня!“ *Елена*, недавно вышед-

шая за мужъ, нашла своего мужа, раменаго въ лѣвую руку; пуля оспалась въ шѣлю; *Елена* сама вынула пулю изъ раны и, отдавая ее мужу, сказала: „Возьми и пошли ее обратно непріятелю!“ — Примѣрамъ матерей слѣдуютъ дочери. Молодая *Стамата* принесла своему брату порохъ и пули въ ту самую минушу, когда онъ обнажалъ свою саблю для нападенія на двухъ Турокъ: она схватила его ружье, заспрѣлила одного изъ непріятелей, между шѣмъ братья управился съ другимъ, изрубивъ его саблею.

Въ народѣ, безпрестанно подъ ружьемъ находящемся, рѣдко встрѣчающа прусы; а естли и найдется между ими такой, по женщины первыя на него доносятъ, хотябъ то было послѣ его смерти. Майноша, убитого непріятелемъ, оставляютъ на мѣстѣ до самаго окончанія сраженія, потомъ погребаютъ, а его плашье возвращаютъ семейству, которое по слѣдамъ крови, на матеріи оставшимся, узнаетъ, гдѣ раненъ былъ убитый, спереди или сзади: въ первомъ случаѣ оплакиваютъ пошерю его, какъ несчастіе; въ послѣднемъ сожигаютъ плашье, и ни одинъ человекъ, кто бы онъ ни былъ, не смѣетъ послѣ напоминать объ немъ.

А. Б.

Вязьма.

IX.

И з в ѣ с т і я .

Испанская и Французская арміи спо-
 инѣ неподвижно одна противъ другой.
 Между отдѣльными корпусами происходили
 нѣкошорыя частныя сшибки, но вѣрна-
 го обѣ нихъ еще ничего не извѣстно. Испан-
 цы пылающѣ мужествомъ, Французы не-
 терпѣливо ожидаютъ знана къ сраженію;
 все приготовлено къ дѣйсвіямъ ужас-
 нымъ, и съ прибытіемъ Наполеона на Пи-
 риней откроется нашимъ глазамъ зрѣлище
 чрезвычайное: борьба цѣлой націи, вос-
 пламененной мщеніемъ и фанатизмомъ,
 съ сильными ополченіями великаго Воена-
 чальника. Ожидаемъ съ любопытствомъ
 сей важной, рѣшительной для Испанскаго
 народа минушы. Кто побѣдитъ? Кто
 останеться побѣжденнымъ? Увѣряютъ —
 но это одни частныя слухи, которымъ
 не лзя совершенно повѣришь — что
 армія Французская отступила уже на
 всѣхъ пунктахъ къ Пиринейскимъ горамъ,
 и что Король Іосифъ захваченъ въ плѣнъ
 опрядомъ Испанцевъ. Государственная
 Юнша, недавно образованная, въ слѣд-
 ствіе полученнаго ею извѣстія о сильной
 Наполеоновой арміи, обнародовала указъ о
 всеобщемъ вооруженіи, и вдругъ явилось
 подъ ружьемъ 500,000 Испанцевъ, къ ко-
 шорымъ должна присоединишья 80,000 ая

армія Англичанъ. Сила чрезвычайная! и ешьли она управляема будетъ предводителями искусными, то Императоръ Наполеонъ съ трудомъ преодолѣетъ ее своими многочисленными легіонами. Конечно, перешняя армія Испанцевъ составлена по большей части изъ одной необразованной милиціи; полководцы ея далеко опспали ошъ Французскихъ въ опытности, а можешъ бышь и въ знаніяхъ; но можно замѣшшь, что ихъ воспаменяетъ одинакое мужество, одинакое чувство патриотизма и мщенія. Какъ въ цѣломъ народѣ, такъ и въ частныхъ людяхъ замѣшно благородное честолюбіе раздѣлять опасности своихъ соотечественниковъ; на примѣрѣ, одинъ Французскій Священникъ, родомъ Испанецъ, гаходившійся въ одной приморской деревенькѣ, услышавъ о всеобщемъ вооруженіи своихъ единосемцевъ, вдругъ скрылся: онъ бросился на Англійскій корабль и поплылъ въ Испанію. Не трудно было бы представить и еще нѣсколькo подобныхъ примѣровъ. Однимъ словомъ, Императоръ Французовъ нашель въ Испанцахъ враговъ смѣлыхъ и способныхъ ему противуборствовать. Съ симъ дѣяшельнымъ мужествомъ съ сими многочисленными пособіями, которыми поддерживаема армія, находящаяся въ собшвенной землѣ, и съ симъ рѣшительнымъ содѣйствіемъ

Англичанъ , которые , кажется , разположены помогать Испанцамъ , какъ истинные союзники , Испанскіе патриоты могутъ быть ужасными противниками солдатамъ Французскимъ. Весьма вѣроятно , что послѣдніе останутся побѣдителями , но думаемъ , что они должны оспаривать долго и купишь дорогою цѣною свою побѣду. Въ ожиданіи дословѣрныхъ извѣстій не скажемъ ничего о нѣкоторыхъ неважныхъ сраженіяхъ , происходившихъ между отрядами обоихъ войскъ , и описанныхъ въ разныхъ газетахъ. Замѣтимъ однако , что Французскіе Журналисты слишкомъ рѣшительно говорятъ о слѣдствіяхъ сей войны ; еще никому неизвѣстныхъ. Пускай происшествія покажутъ , на чьей сторонѣ останется перевѣсъ. Не удивишься ли , на примѣръ , читая въ одномъ Французскомъ Журналѣ — теперь , когда еще ничто не рѣшилось : *побѣды , которыми увѣнчается наша армія въ Испаніи , прославятъ на минуту имена Испанскихъ военачальниковъ , теперь неизвѣстныхъ , прославятъ единственно для того , чтобы они были потомъ забыты и на вѣки — или : Французскіе солдаты боятся одного — чтобы непріятель бѣгствомъ своимъ не лишилъ ихъ славной побѣды !*

*

Наполеонъ, 14 Октябрю, пробѣжалъ черезъ Гошу. — Не выходя изъ кареты, онъ перемѣнилъ въ семь городѣ лошадей и поскакалъ далѣе, въ провожаніи 20 поспильоновъ и конвоя гусаръ; очень скоро за нимъ пробѣжали и Герцогъ Беневентскій съ Министромъ Шампаньи. 20 Октябрю сію пушечныхъ выстрѣловъ возвысили Парижскимъ жителямъ о прибытіи Монарха ихъ въ городъ; въ пошѣ же имъ допустилъ онъ въ С. Клудскомъ дворцѣ къ аудіенціи своей Сенатъ, Государственной Совѣтъ и нѣкоторыхъ другихъ Чиновниковъ; а 25, въ провожаніи многочисленной свиты, прибылъ во дворецъ Законодательнаго Корпуса, котораго засѣданія открылъ слѣдующею рѣчью: „Господа Депутаты Департаментовъ въ Законодательномъ корпусѣ! Составленные вами книги законовъ, служащихъ основаніемъ собственности и свободы гражданъ, пріобрѣли одобреніе всей Европы; народы мои на опытъ убѣждены въ ихъ благотворительной мудрости. Послѣдніе ваши законы положили основаніе системѣ финансовъ — она такова, что нынѣ, при самомъ всеобщемъ вооруженіи на насъ Европы, одного годоваго дохода было бы достаточно для всѣхъ необязательныхъ, могущихъ быть намъ потребными издержекъ; мы никогда не будемъ обязаны прибѣгать къ несчастному

пособію бумажныхъ денегъ, или займа. Въ теченіи нынѣшняго года я обвѣздилъ болѣе тысячи миль во внутренности моей Имперіи: родившіеся въ головѣ моей планы, касательно благоустройства ея, будущъ поспѣшно произведены въ дѣйствіе; зрѣлище сего великаго семейства, которое весьма недавно возмущаемо было одними несогласіями во мнѣніяхъ и гибельными междуусобіями, которое теперь спокойно, согласно, щасливо, пронули меня до глубины сердца (*); я сильно почувствовалъ, что мнѣ, для собственнаго моего щастія, необходимо бытъ увѣреннымъ въ щастіи моей Франціи.

„Презбургскій и Тильзитскій мирные трактаты, нападеніе на Копенгагенъ, за-

(*) Зрѣлище опустошенныхъ окрестностей Іенскихъ, и горестная нищета поселянъ сѣверной Германіи, конечно не менѣе были разительны для Наполеона. Взвѣсивъ народы, онъ вѣрно говорилъ самому себѣ: народы, мнѣ предоставлено возвратить вамъ вмѣстѣ съ миромъ погибшее ваше щастіе! Монархъ, котораго одно слово имѣетъ вліяніе столь обширное, почиаетъ и чужіе народы своимъ семействомъ; онъ мыслитъ, что жребій пославилъ Его хришчеламъ ихъ благоденствіа! Ж.

говоръ Англичанъ прошиву всѣхъ торгующихъ народовъ, возмущенія въ Константинополѣ, происшествія въ Португалліи и Испаніи, различнымъ образомъ дѣйствовали на политическія обстоятельства міра. Имперія Россійская и Данія мои союзницы прошивъ Англичанъ. Американскія Соединенныя Области предпочли ограниченность торговли своей малодушному покорству тиранамъ морей. Часть моего войска идетъ сражаться съ толпами Испанскихъ мятежниковъ, вооруженныхъ и покровительствуемыхъ Англичанами: не должно ли почитать благодѣяніемъ Промысла сію слѣпошу Британскихъ правительствъ, которые, отвративъ на время свое вниманіе отъ Океана, имъ покорнаго, наконецъ дерзнули послать на твердую землю свои неопытныя арміи?

„Черезъ нѣсколько дней оставлю столицу мою, чтобы самому начальствовать войсками въ Испаніи; чтобы самому, съ помощію сильнаго Бога, надѣть корону на брата моего въ Мадридѣ и водрузить знамена свои на башняхъ Лиссабона! Я доволенъ расположеніемъ Князей Рейнскаго союза; Швейцарія спокойно наслаждается выгодами своей конституціи; народы Италіи мирны и щасливы.“

„Я имѣлъ свиданіе въ Эрфуртѣ съ Императоромъ Россійскимъ. Первая мысль Наша была — всеобщій миръ. Мы даже согласились нѣкошорыми пожертвованіями ускорить благоденствіе ста милліоновъ, въ Нашемъ лицѣ представленныхъ, возвративъ имъ великія выгоды морской торговли. АЛЕКСАНДРЪ и я мыслимъ согласію. Мы неизмѣнные союзники какъ въ мирѣ, такъ и въ войнѣ.

„Господа Депутаты Департаментовъ въ Законодательномъ Корпусѣ! я приказалъ моему Министру финансовъ и моему Государственному Казначейу представить вамъ щещы доходовъ и расходовъ нынѣшняго года. Вы увидите изъ нихъ съ удовольствіемъ, что мнѣ не нужно возвышать тарифа таксъ, и что народы мои не будутъ подвержены ошягощенію новыхъ налоговъ.“

Отвѣздъ Императора въ Байонну назначенъ былъ 30 Октября. Императрица ему сопутствуетъ; она будетъ жить въ замкѣ Марракъ. И Маршалу Массенѣ поручено начальство надъ нѣкошорою частію Испанской арміи.

*

Генералы Дальримпль и Буррардъ вызваны изъ Португалліи, для опданія опш-

чеша вѣ своихъ поступкахъ. Жители города Лондона подали черезъ Лорда - Мера Королю адресъ, вѣ которомъ просятъ Его Величество разыскать причины, побудившія Генераловъ Англійскихъ подписать вѣ Португаліи капитуляцію, посрамительную для славы ихъ опечесства. Замѣчательно, что вѣ самую ту мину, вѣ которую Лордъ - Меръ подавалъ Королю адресъ, Сиръ Артуръ Волеслей вошелъ вѣ залу аудіенціи. Его Величество принялъ его благосклонно и разговаривалъ сѣ нимъ очень долго. — Экспедиція Генерала Берда, который 15 Сентября отправился изъ Корка сѣ 7000 солдатъ, назначена, какъ увѣряютъ, вѣ Испалію, куда переведены будутъ и войска изъ Гибральшара и изъ Сициліи.

*

Вѣ Швейцаріи — сказано вѣ Ниренбергскихъ Вѣдомостяхъ — говорятъ очень много о важныхъ перемѣнахъ, произошедши вѣ ней готовыхъ. Думаютъ, что всѣ Кантоны примутъ одинакую форму правленія, и будутъ подчинены власши одного славнаго Военачальника.

14 Ноября.

На рисунокъ , находящемся при концѣ сей книжки, изображена *Федра*, обвиняющая *Иллолита* передъ *Тгзеемъ*. Оригиналъ есть превосходное произведеніе славнаго живописца *Гереня*.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ДЕКАБРЬ, 1808.

№ 23.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

*Письмо молодой жены о старомъ
ея мужѣ.*

Мужъ мой жалуется всему свѣшу на мою вѣпренность, на мою беспечность, на мою привязанность къ удовольствіямъ общества — и Богъ знаетъ еще на что. До сихъ поръ на всѣ его обвиненія отвѣчала я почтительнымъ молчаніемъ, помня слова Апостола: *жена да боится своего мужа*; я утѣшала себя спокойствіемъ и непорочною моею совѣсти; наконецъ перяю терпѣніе: несправедливость любезнаго моего супруга превосходитъ всякое вѣрояніе; хочу говорить, хочу оправдывать себя въ глазахъ предубѣжденнаго прошивъ меня свѣша. Будьте моимъ заступникомъ, господинъ Журналистъ! напечатывайте это письмо въ вашемъ Вѣстникѣ.

Желаю, чтобы молодая женщина прочли его со вниманіемъ, и наконецъ вѣрились, что нѣтъ для нихъ ужаснѣшаго несчастія, какъ быть Аврорами какихънибудь обвешшалыхъ Тишоновъ.

Я молода, я за мужемъ, люди говорятъ, что я прекрасна лицомъ. Мужъ мой очень богатъ и очень старъ, но это еще не самая большая вина его передо мною. Будучи молодъ, женился онъ на сиротѣ; состарѣвшись, разсудилъ жениться на мнѣ; а мнѣ еще нѣтъ и семнадцати лѣтъ! Не странно ли? Я первая смѣялась бы о мнѣ всего сердца такому чуду, когдабы сама была въ сторонѣ; но по несчастію, играю первую роль въ этой смѣшной комедіи, которая доставляетъ удовольствіе однимъ только зрителямъ.

Первая жена моего мужа, которая прельстила его богатствомъ, и которая искренно вѣрила, что ея червотцы могутъ замѣнить и молодость и красоту, была чрезвычайно въ скарпель и самовластна въ своихъ пріобораніяхъ. Ошъ ревности она сдѣлалась суровымъ и неоптупнымъ Аргусомъ: короче, молодой супругъ узналъ все выгоды своего супружества только тогда, когда онъ овдовѣлъ. Послупки любезной его половины казались ему смѣшными; они кажутся ему такими

и теперь; но что же бы вы думали, государь мой? Сдѣлавшись сшарымъ мужемъ, онъ обращается со мною точно такъ, какъ съ нимъ обращались въ то время, когда онъ былъ молодымъ мужемъ: ему не нравились ни моя наружность, ни моя одежда, ни мои разговоры, ни самый слѣб мой: онъ вздумалъ ко мнѣ ревновать; онъ жалуется на меня роднымъ; называетъ меня сумасбродною въпреницею, и родные мои слѣпо вѣрятъ его словамъ, воображая, можетъ быть, что опытный, разсудительный старецъ не можетъ уже ни въ чемъ ошибаться — на примѣръ, они всегда говорятъ мнѣ: развѣ ты не знала, что онъ старикъ, когда согласилась выдти за него замужъ? Смѣшные люди! Но развѣ онъ не зналъ, что я молода, когда рѣшился на мнѣ жениться?

Выслушайте меня, господинъ Журналистъ — не будучи ни родственникомъ моимъ, ни мужемъ, вы именно поэтому будете ко мнѣ справедливы — согласившись выдти за моего Тишона, я знала почти наизусть испорію перваго его супружества; онъ самъ разсказывалъ ее мнѣ развѣ десять; по расчесу своему я надѣялась найти въ немъ человека, исправленнаго собственнымъ опытомъ; я думала, что онъ, смѣявшись спольно развѣ вмѣстѣ со мною

надъ странностями, которыхъ былъ жертвою, не можешь подвергнуться имъ самъ — но какъ же я обманулась! Онъ точно такой же ревнивецъ со мною, какова покойная супруга его была съ нимъ: думаешь, что онъ повторяетъ старые уроки, которые училъ со слезами; на примѣръ, онъ хочетъ, чтобы я восхищалась прошедшимъ, котораго совсѣмъ не знаю, и вмѣстѣ съ нимъ бранила настоящее, которое мнѣ пріятно. Всѣ нынѣшнія Московскія общества кажутся ему скучными; онъ врагъ *бослона* и обожаетъ *три и три*; нынѣшняя уборка головы, кошорой украшенія состоятъ въ однихъ волосахъ, просто подвешенъ, ему прошивна; онъ желалъ бы, чтобы его жена имѣла прическу, похожую на Вавилонскій столбъ, какъ то бывало въ старину; чтобы она задыхалась таская огромныя фижмы, или, заключивъ себя въ желѣзную шнуровку, не могла свободно владѣть ни руками, ни ногами; по словамъ его, молодая женщина должна опказаться отъ баловъ, совсѣмъ не заглядывать на Кузнецкій мостъ, креститься, когда услышишь имя госпожи *Шальме*, или госпожи *Марлень*; никогда не вертѣться въ вальсѣ, а тихо и богобоязненно вышагиваться въ минуэтъ, и вмѣсто того, чтобы играть съ молодыми женщинами и мужчинами въ вопросы и *омонимы*, сидѣть съ старина-

ми, и скромнымъ образомъ зѣвашь, когда они спорятъ о полишикѣ или о хозяйствѣ. Согласись, милоспивый Государь, что требованія любезнаго моего супруга ужасны. Онъ богатъ, это правда; но развѣ богатство даетъ намъ право быть сумасбродными? Не слишкомъ ли дорого продаетъ онъ мнѣ свои деньги? — Ты очень жива: будь степеннѣе! швердишь онъ мнѣ всякую минушу. Смѣшной чудакъ! Что бы онъ опвѣчалъ мнѣ, когда бы я ему сказала: будь моложе?

Пишу къ вамъ, милоспивый Государь, имѣя въ виду общую пользу. Въ Россіи прудятся надъ составленіемъ гражданскихъ законовъ. Желаю, чтобы *Коммисія* обратила особенное вниманіе на тѣхъ супруговъ, которые не равны лѣтами, и чтобы въ Главу о супружествѣ включили спашью, по кошорой опредѣлено бы было въ почность, какихъ пожертвованій долженъ требовать старой мужъ отъ молодой жены, или старая жена отъ молодаго мужа, и какого снизхожденія имѣютъ право ожидать молодые мужъ и жена отъ старыхъ жены и мужа!

Скажете искренно, господинъ Журналистъ: женщину, способную имѣть такія полезныя для общества идеи, можно ли по справедливости называть въпреною?

И не смѣшонъ ли мой мужъ, который по-
тому имянно почищаетъ себя разсудитель-
нымъ, что все его лице въ морщинахъ, и
что недавно поперялъ онъ свои послѣднѣе
два зуба!

Вѣтра.

II.

Клессаморъ.

(Отрывокъ изъ Оссіана.)

Древни подвиги воскресните,
Оживи песь въ лирномъ пѣніи!
Лора, струй твоихъ журчаніе
Говоришь мнѣ о минувшихъ дняхъ!
Слухъ мой шумомъ услаждается,
Гармалларъ, густыхъ лѣсовъ твоихъ!
О Мальвина! зришь ли тамъ скалу,
Обнвенную кустарникомъ?
Со главы ея кудрявыя
Три сосны склонились зыбкія;
Передъ ней долина тѣсная;
На долину зришь терчовой кустъ,
Вѣтерками помаваемый,
Серна робкая приближись
Не дерзашь къ мѣсу страшному;
Тѣнь съдѣя сп-режетъ его;
Камни мшистые, надгробные,

Въ землю вросшіе памѣ видимы !
Въ сей долинь спятъ два вишязя !
Древни подвиги воскреснише ,
Оживипись въ лирномъ пѣніи !

Кто грядетъ изъ чуждыхъ далнихъ
странъ ,
Окруженной сильныхъ рзнію ?
Знамя *Сельмское* несутъ предъ нимъ ;
Вѣтеръ шумишь въ густыхъ власахъ его ,
На челѣ идитъ спокойствіе —
Кто ? Фингалъ могущихъ славный вождь !
На родные холмы злачные
Онъ возводишь в.оръ веселія.
Бардовѣ ликъ гремишь побѣдну пѣснь :

Странъ далекихъ чада робкія ,
Вы побѣгли на поляхъ своихъ !
Сильный Царь услышалъ страшну вѣсть :
Засверкали очи гнѣвные ;
Онъ хватаешъ мечъ отцовъ своихъ !
Странѣ далекихъ чада робкія ,
Вы побѣгли на поляхъ своихъ !

Такъ гремѣли Барды древніе
При всшучлчїи въ *Фингаловъ* домъ !
Слѣбны *Сельмы* озагалися
Свѣшомъ шысяци свѣшильниковъ ,
Чуждыхъ странъ драгой корыстїю !
Раздалися гласы пиршеснза ,
Въ шумномъ ночь прошла веселія.

Гдѣ сопутникѣ славныхъ подвиговѣ,
Клессаморѣ, *Комгаловѣ* древній дугѣ?
Возгласилъ *Фингалъ* возвышенный:
Се! съ холма, я зрю, онѣ шествуетѣ,
Какѣ въ луга на паствы тучныя
Рѣзвый конь, съ веселымъ ржаніемъ,
Потрясающа свѣтлой гривой.

Клессаморѣ его привѣтствуетъ:
Царь *Морвена!* ты со славою
Съ поля брани къ намъ пришекъ опять:
Такѣ *Комгалъ* въ молодые дни свои
Возвращался въ домъ родительскій!
Часто вмѣстѣ переходили съ нимъ
Мы потовъ *Каруна* быстраго;
Часто кровію противниковъ
Обагрался нашъ ужасный мечъ!
О! почто воспоминаніе
О прошедшихъ битвахъ юности?
Въ сѣдинахъ уже глава моя!
Руки слабыя отвыкнули
Напрягать мой лукъ погибельной,
Обращать копье тяжелое.
Нѣтъ, ужъ болѣе не чувствовать
Мнѣ той радости, какѣ въ первый разъ
Я узрѣлъ *Моину* юную,
Красну дочь иноплеменниковъ!

Ты повѣдай намъ — речетъ *Фингалъ* —
Бытія твоихъ протекшихъ дней!
На челѣ твоемъ, о древній мужъ,
Вѣчно дума и уныніе!

У потока Лоры шумныя
Ты проводишь дни послѣдніе,
Мрачный, скорбный, непріязненный
Клессаморъ! повѣдай витязямъ
Прѣжнихъ лѣтъ своихъ событія!
О Фингалъ! во время прѣжнее —
Такъ отвѣтствовалъ Комгаловъ вождь —
Преппывая море быстрое,
Вѣтра бурнаго стремленіемъ
Я въ Балклушу, отдаленный градъ,
Занесенъ былъ съ кораблемъ моимъ.
Рютамиръ, любезный странникамъ,
Три дни въ градъ угощалъ меня.
Сколь прелестна мнѣ явилася
Дщерь его, *Моина* тихая!
Чаша пиршесшва ходила вокругъ:
Рютамиръ вручилъ мнѣ дочь-свою.
Дѣвы кудри врановъ крылія
Превышали красотой своей;
Грудь, какъ пѣна волнъ клекочущихъ,
Сердце ясное, какъ вешній день:
Сколь я пламенно любилъ ее!
Сколь я щастливъ былъ любовію!
Вдругъ приходитъ витязь чуждыхъ странъ,
Дщерь любившій *Рютамирову*.
Горды были всѣ слова его;
Часто дерзкой онъ десницею
Извлекалъ до половины мечь:
Клессаморъ! даволь такъ дерзостенъ?
Такъ воскликнулъ онъ въ надменности,
Иль *Комгалъ*, въ бояхъ прославленный,

Со шмочисленною рашію
Ко стѣнамъ *Балклулы* шествуетъ? —
Нѣтъ! во брани я безпрелетенъ!
Такъ я гордому отъбиспозовалъ.
Клессамора зря единого,
Ты дерзашъ порицашъ его!
Но давно мой мечъ съ погибелью
На тебя готовъ изринуться!
Клулы сыні! Комгашъ не равенъ намъ:
Перестанъ о немъ бесѣдовать!

Возгорѣла гордость *Витязя*.
О ѣ поверженъ копіемъ моимъ,
И *Балклулы* брегъ излучистый
Возремѣлъ его паденіемъ.
Вдругъ мечей сверкающіа тысячи,
Копій лѣсъ блестящій окрестъ меня.
Я сражаюсь — но шмочисленнѣ врагъ —
Въ волны *Клулскія* низринувшиа,
На корабль мой укрывается!
Въ ширѣ надулъ шумящія парусы,
И корабль мой скачетъ по морю.

Со слезами, съ воплемъ горестнымъ;
Распустивъ власы прекрасныа,
Рюшамирова приходитъ дщеръ
Къ берегу моря возвышенному!
Зритъ корабль мой въ отдаленіи,
По волнамъ зыбучимъ рѣкщій;
Движетъ грудь ея стenanіе!
Обратишь я свой корабль хотѣлъ;

Но полночный вѣтръ умчалъ его !
 Съ той поры ужь не встрѣчалъ нигдѣ
Клессаморъ своей возлюбленной !
 Рано жизнь ея угаснула !
 Я на Лорѣ видѣлъ тѣнь ея.
 О Мойна ! я узналъ тебя :
 Ты въ туманномъ мракѣ полночи
 Мнѣ явилась легкимъ призракомъ ,
 Лику мѣсяца подобная ,
 Какъ надъ лѣсомъ и долиною
 Онъ сіяетъ въ сонѣ снѣжныхъ тучъ ,
 И по рощамъ снѣгъ разносится
 Тихо падая съ высотъ небесъ !

Пѣснопѣвцы ! — возгласилъ Фингалъ , —
 Дщерь прославыте *Рютамирову* ;
 Къ намъ на холмы сладкой пѣсню
 Приманите вы печальной тѣнь !
 Да съ красами спранъ *Морвеновыхъ* ,
 Давнихъ Витязей утѣхою ,
 И свѣтилаи прошедшихъ дней ,
 Обищаетъ въ нашихъ облакахъ !

Я *Балклулы* зрѣлъ развалины ,
 Дома зрѣлъ полусожженные ;
 Гласъ не слышенъ человѣческій
 Въ сихъ обителяхъ унынія !
Клулы быстрое печеніе
 Совратили сѣбѣны падшія ;
 Груда камней , мхомъ покрытая
 И полынію шумящею —

Вотъ Балклуша , Славныхъ родина !
Вѣтеръ вѣетъ по развалинамъ ,
И лисицы укрываются
Межь опломками въ терновникѣ.
О *Моина* ! домъ отцевъ твоихъ
Мраченъ , пустьъ , обитель сумрака !
Въ немъ владычество безмолвія !
Оживите Барды звуки струнъ ,
И воспойте пѣснь унынія
О судьбѣ иноплеменниковъ ,
Отъ лица земли изглаженныхъ !
Ахъ ! и мы подобно имъ падемъ !
Для чего жь чертоги пышныя
Зиждешь , смертный , жертва времени ?
Нынѣ съ терема високаго
Ты взираешь въ даль шуманную ;
Но завтра въ пышной теремъ твой
Прилешитъ шумѣть пустынный вѣтръ ;
Надъ щитомъ твоимъ оставленнымъ
Будетъ онъ свистать повременно.
Но пускай придетъ пустынный вѣтръ ,
Мы пребудемъ вѣчно Славными !
И Фингаловыхъ великихъ дѣлъ
Слѣдъ вовѣки не изгладится:
Имя Барды сохранятъ мое.
Возбряцайте пѣснь веселія !
Да наполнимъ чашу пиршества ;
Да въ чертогахъ радость царствуетъ ! —
Дня свѣтило ! естли нѣкогда
Твой затмится блескъ отъ времени ;
Естли ты падешь подобно намъ ,

Блеска пламенныхъ лучей твоихъ
Наша слава долговѣчнѣе! —

Такъ воспѣлъ во дни торжественны
Царь Морвена. Барды слушали
Пѣснь владыки со вниманіемъ.
Звукамъ арфы гласъ подобился,
Приносимымъ въ слухъ дыханіемъ
Вѣтровъ, вѣющихъ прохлагою.
О родишель! для чего съ твоей
Силой духа не сравняюсь я? —
Но Царю Морвена сильному
Кто изъ смертныхъ уподобится?

Н. Граммалтинъ.

III.

О с е н ь .

*П о с л а н і е къ * * * .*

Осенній вѣтръ, шумя, дубравы обнажаетъ;
Уныніе и мракъ на рощахъ, на лугахъ;
Прелестный видъ полей въ туманѣ исчезаетъ,
И зелень лѣтняя поблекла на холмахъ;
Валится желтый листь и спелется въ до-
линѣ;
Не слышно пѣнія пернатыхъ по лѣсамъ.
Гдѣ прежде все цвѣло — тамъ будно какъ
въ пустынѣ
Унылость мрачная является очамъ. —

*

Взойдемъ на этотъ холмъ — долина предо мною ,

Въ шуманъ шемный лѣсъ , деревня , Божій храмъ .

Гдѣ время , милой другъ , какъ лѣтомъ , какъ весною

Гуляли мы по симъ и роцамъ и лугамъ ?

Прошедшую весну мы здѣсь съ побой встрѣчали ,

Какъ солнце первыхъ насъ встрѣчало на холмахъ ;

Съ весной цѣвцы весны насъ первыхъ поздравляли ,

Віясъ станицами , шерясь въ облакахъ !

Мы видѣли , какъ здѣсь Природа обновлялась ,
Какъ Майскій вѣтерокъ въ долину сей порхалъ ,

Какъ юная весна на землю низускалась —

И я , и я тогда съ ней вмѣстѣ оживалъ !

*

Сокрылася весна — и нивы озлапились ,

И серпъ въ рукахъ жнецовъ поющихъ заблесталъ ;

Богатствами поля Ц-рерины покрылись —

Работы сельскія намъ лугъ сей представлялъ .

Мы лѣто вмѣстѣ здѣсь съ побой провождали ,

Какъ въ вѣкѣ Золотомъ — безъ скуки и заботъ .

Не рѣдко на холмъ здѣсь утро упреждали ,

И пѣли съ вѣщами свѣтила дня востодъ .

Въ полдневные жары , подъ тѣнію сей роши ,

Любили иногда прохлады мы искашь ,

Сюдажь спѣшили мы, во мракѣ тихой ноши,
Улыль шумѣ лѣсовѣ въ безмолви вниманьѣ.
Подъ сими ивами — съ задумчивой Луною,
Сквозь вѣтви частыя бросавшей лучь на насъ —
Сидѣли въ тишинѣ надъ свѣтлою рѣкою,
Которая въ волнахъ подъ рощюю вилась;
Здѣсь замки строили, о будущемъ мечтали,
Хотѣли вѣкъ съ тобою Аспреинѣ возвратить,
И милья мечты съ волнами упекали —
Но всѣ несчастныя хотѣли мечтами жить!...

*

Не рѣдко ввечеру съ сѣдыми стариками
Судили о трудахъ и щастьѣ жизни ихъ;
Иль забавлялися прошлыми сельскими играми,
И . . . забывали мы о горестяхъ своихъ! . . .
Въ семъ храмѣ мы съ тобою вселивши му
молились,
Смотрѣли съ чувствіемъ на добрыхъ и селѣанъ:
Какъ слѣзы тихія по лицамъ ихъ капались
За даръ, который имъ въ удѣлъ ошѣ Неба
данъ!

*

Свидѣтели моихъ дней тихихъ и блаженныхъ,
Мѣсяца прекрасны! къ вамъ простившись при-
хожу;
Угрюмой осенью пріятностей лишенныхъ,
Покрытыхъ сумракомъ уже васъ нахожу. —
И самый другъ полей приходитъ къ вамъ еѣ
спраданьемъ (*)

(*) Это относится къ болѣзни Автора, къ которой написаны сіи стихи. — Издатель,

О дняхъ , веселыхъ дняхъ минувшаго вздох-
нуть —

Ахъ! добрыя сердца живутъ воспоминаньемъ!
О прошломъ щастіи пріятно вспомнать! . .

*

Не долго! и съ весной здѣсь радость вновь
настанетъ ,

И другъ мой на сіи поля опять придетъ .

Но можешь быть — какъ знаешь! — меня
ужь не застанетъ ,

И томный взоръ его на гробъ мой упадетъ!

Приди любезный N* * * , ты съ новою весной

На прахъ мой первую фіалку положишь!

Скажи съ сердечною прискорбія слезою :

Здѣсь добрый юноша безвременно сокрытъ!

Онъ жилъ на сихъ поляхъ, отъ свѣта уда-
ленный ;

Былъ другъ чувствительный, добро всегда
любилъ ;

И здѣсь , средь юныхъ лѣтъ , судьбой своей
сраженный ,

Простясь съ Природою , унылый взоръ за-
крылъ! . . .

1808 , Октябр.

Иванъ Аристовъ.

Село И — е.

искренно желая ему успѣховъ въ стихо-
творствѣ , надѣеся , что онъ и впередъ
будетъ украшать Журналъ его своими
пріятными стихами.

IV.

Маленькіе философскіе разговоры.

*

А. Мы поссорились съ Клименою.

Б. За что?

А. Я говорилъ объ ней дурно.

Б. Что ты объ ней говорилъ?

А. Что она кокетка.

Б. Берусь помирить васъ!

А. Что она дурна!

Б. Ошказываюсь.

*

А. Женщина, которую за меня сватаюшъ, бѣдна.

Б. Но ты богатъ.

А. Хочу имѣть и жену богатую: не должно ли наблюдать приличія?

*

А. Ты знаешь Графа N. . . ? Любви ли онъ?

Б. Нѣтъ! онъ добрый, чувствительный, умный, великодушный, знающій человекъ — болѣе ничего.

*

А. Мнѣ кажется, что ты разлюбилъ женщинъ и теперь совершенно къ нимъ равнодушенъ.

Б. Правда: могу свободно сказать тебѣ свое объ нихъ мнѣніе. —

А. Скажи.

Б. Послѣ. Подождемъ еще нѣсколько лѣтъ. Я не люблю поспѣшности.

*

А. Еще поперяно пятнадцать дней, мой другъ, пора намъ жить обстоятельнѣе. —

Б. Начнемъ съ будущаго понедѣльника.

А. Ахъ, это слишкомъ скоро!

*

Госпожа Р. Кто эта женщина?

Госпожа М. Это Графиня Б.

Госпожа Р. Ты ее знаешь?

Госпожа М. Какъ! развѣ ты забыла, что мы вчера цѣлый вечеръ ее бранили?

*

Швейцарь. Куда вы, Государь мой?

Даламберъ. Къ Господину Н. —

Швейцарь. Для чего же вы не сказали мнѣ ни слова?

Даламберъ. Мой другъ! съ тобою говорить только тогда, когда желаюшъ узнать, дома ли твой Господинъ.

Швейцарь. Чтожь вамъ помѣшало у меня объ этомъ спросить?

Даламберъ. Я знаю, что Господинъ Н дома; онъ обѣщалъ меня дожидаться.

Швейцарь. Все равно, милосшивый Государь; скажешь одно слово не важность! Если со мною не говоряшъ, то я ничшо.

*

А. Онъ занимаетъ мѣсто почтенно.

Б. Скажи прибыточное.

А. Прибыточное и почтенное, одно и то же.

V.

Фелленбергъ и Песталоцци.

(Отрывокъ письма изъ Швейцаріи.)

Наконецъ, я путешествую по Швейцаріи. На первый случай буду говорить вамъ о двухъ челоѳнахъ, замѣчательныхъ по своему характеру и по своей дѣятельности, полезной для общества — о Фелленбергѣ и Песталоцци.

Прѣѳхавъ въ Гофвиль, сію классическую для всѣхъ любителей землешества землю, я встрѣченъ былъ господиномъ Фелленбергомъ ласково и просто. Онъ приказалъ одному изъ своихъ *Уичероніевъ* показатъ мнѣ всѣ заведенія Гофвиля, а самъ расстался со мною, чшобы приняться за обыкновенныя свои дневныя работы.

Подробное описаніе Гофвильскаго землешества оставляю до другаго времени; теперь познакомлю васъ съ самимъ Фелленбер-

гома, съ его семействомъ, съ его домашними. Домъ его имѣетъ наружность очень пріятную: простая, величественная архитектура. Онъ совершенно отдѣленъ отъ всѣхъ другихъ строеній, и имѣетъ четыре фасады, изъ которыхъ двѣ главныя на востокъ и западъ. На южной сторонѣ находится прекрасная роща, или лучше сказать лабиринтъ; а на сѣверо-западѣ старый домъ хозяина, въ которомъ теперь живутъ воспитанники. Въ нижнемъ этажѣ его находятся прачешная, сырня и пекарня.

На сѣверѣ, въ двухъ шагахъ отъ сихъ обоихъ зданій, вы видите большое строеніе съ двумя огромными, отдѣленными отъ него флигелями. Въ главномъ корпусѣ находятся стойла для быковъ, лошадей и проч; сѣверная половина западнаго флигеля отведена для работниковъ; въ южной находятся коровы и пр; въ восточномъ живутъ и работаютъ кузнецы, слѣсаря, столяры, колесники и пр., и хранятся земледѣльческія орудія. Подъ главнымъ корпусомъ и обоими флигелями подѣланы огромные погреба и камеры со сводами; одни изъ послѣднихъ назначены для сбереженія зеренъ, которыя предохраняются въ нихъ отъ всякаго сообщенія съ наружнымъ воздухомъ; а въ другихъ, въ которыхъ всегда содержится одинакая теплота атмосферы посред-

спвомѣ кипящей воды, пригошовляють ма-сло, сырѣ и пр. На верху сихъ спроеній находяшся риги и шоки. Фуры, нагруженныя хлѣбомѣ, могутъ весьма свободно вѣзжашъ на нихъ по оплогому вѣзѣду.

Господинѣ Фелленбергѣ имѣетъ не болѣе шридцати чешырехъ лѣтѣ отъ роду; Госпожа Фелленбергѣ щитаешъ себѣ двадцашъ восемь: я бы эшому не повѣрилѣ — она кормитъ осьмага робенка. Одинѣ изъ нихъ умерѣ; къ оставшимся семерымѣ надобно причешъ дѣвицу Форстерѣ, дочъ славнаго и ученаго Форспера, копорая, какъ другѣ, помогаешъ ей во всѣхъ ея материнскихъ заботахъ. Господинѣ и госпожа Фелленбергѣ ведутъ шакую мирную, Папріархальную жизнь, что всѣ находящіяся въ домѣ ихъ почиашутся принадлежащими къ одному семейштву. Его составляютъ: управительница, повариха, дѣвка, прибирающая горницы и служащая за сшоломѣ, смопришельница за дѣшми, швея, двѣ повариши для работниковѣ, одна дѣвка (лѣпомѣ) для работъ садовыхъ, слѣсарѣ, кузнецѣ, два колесника, ключникѣ, два главныхъ смопришеля за работниками, два коровника, одинѣ пашухѣ, одинѣ маслобой, двое слугѣ, одинѣ комисіонерѣ и одинѣ смопришель за ослами.

Обыкновенно бываетъ въ домѣ три стола: одинъ господскій, за который садятся господинъ и госпожа Фелленбергъ, ихъ дѣти, дѣвица Форшперъ, управительница, воспитанники числомъ двенадцать и главные смотрители за работниками: заслуживъ благосклонность господъ своимъ порядочнымъ поведеніемъ, сіи послѣдніе переведены были изъ-за стола работниковъ сначала за столъ домашнихъ служителей, потомъ за столъ господскій. Обыкновенный обѣдъ составляютъ два блюда мяснаго кушанья, два блюда зелени и вареный каршофель. За ужиномъ подаютъ: супъ, жареное, салатъ и еще одно какое-нибудь легкое блюдо. Домашніе служители, то есть, повариха, всѣ дѣвки, исключая двухъ, которые служатъ работникамъ, слѣсарь и ключникъ, ѣдятъ то же, что и господа. Работники обѣдаютъ за особеннымъ столомъ, на южной половинѣ западнаго флигеля. На нихъ строятъ двѣ работницы; три раза въ недѣлю подаютъ имъ свѣжее мясо (по осьми унціямъ на человека) съ зеленью, и четыре раза солонину, также съ зеленью, сверхъ того молоко, сыръ и масло.

Въ четыре часа поутру звонитъ колоколъ. Господинъ Фелленбергъ вспаетъ и съ нимъ всѣ домашніе. Онъ идетъ прямо

въ большую горницу, находящуюся на той половинѣ западнаго флигеля, на которой живутъ работники. Здѣсь собираются его семейство, его служители и работники. Онъ читаетъ вслухъ молитву, въ которой проситъ Бога благословить работы начинающагося дня, бытъ помощникомъ трудолюбивыхъ, освящать желанія и мысли; потомъ назначаетъ каждому его дневную должность. Дѣятельность сего человека невѣроятна; онъ видитъ все и самъ присутствуетъ повсюду. На кровлѣ его дома сдѣлана осмѣугольная башня, съ беледера которой можно окинуть однимъ взглядомъ всѣ владѣнія Гофвиля. Отсюда господинъ Фелленбергъ наблюдаетъ за всѣми движеніями своихъ работниковъ, и часпо слышится слуховая труба его, въ которую онъ говоритъ: *такой - то*, ты лѣнишься, или ты дѣлаешь не то. И шакъ и въ самыя немногія минуты, въ которые эшотъ неушомимый человекъ бываетъ ими невидимъ, они воображаютъ себя въ его присутствіи: онъ кажется имъ Провидѣніемъ, всезнающимъ, хотя сокрытымъ. Колоколь возвѣщаетъ обѣдъ, начало, перемѣну и прекращеніе работъ. По окончаніи ихъ господинъ Фелленбергъ опять идетъ въ ту горницу, въ которой поутру читалъ молитву; всѣ опять собираются въ ней, садясь на скамейки, за длинный

столъ, въ концѣ котораго занимаетъ свое мѣсто господинъ Фелленбергъ, а позади его Секретарь съ огромною книгою. Господинъ Фелленбергъ требуетъ у каждаго опчета въ дневныхъ его упражненіяхъ, каждаго спрашиваетъ поочередно: что онъ дѣлалъ, что думаетъ о той или о другой работѣ; одному объясняетъ непонятное, другаго одобряетъ за прилѣжность, третьему дѣлаетъ выговоръ: „ты нынѣшній день „велъ себя дурно — ты былъ для меня „безполезенъ и повредилъ самому себѣ, не „выполнивъ своего долга: исправься! огор- „чивъ нынѣ и меня и товарищей своихъ „дурнымъ поведеніемъ, ты завтра мо- „жешь, за хорошіе поступки, быть имъ „представленъ въ примѣръ, а опъ меня „получишь искреннее одобреніе!“ — Секретарь ведетъ всему подробную записку. По окончаніи суда, господинъ Фелленбергъ вспаетъ, читаетъ, шакже какъ и поупру, молитву, въ которой, возблагодаривъ Бога за всѣ ниспосланныя Имъ благодѣянія, проситъ Его утвердить однихъ въ добромъ разположеніи, другихъ исправить, и быть милосердымъ ко всѣмъ; послѣ удаляется, и всѣ уходятъ.

Я сказалъ вамъ одно только слово о госпожѣ Фелленбергѣ. Вы видѣли ее на минушу съ груднымъ младенцемъ. А зна

необыкновенная женщина могла бы служить примѣромъ для всѣхъ матерей семейства: она съ такою же дѣятельностію печется о внутреннемъ порядкѣ дома, съ какою супругъ ея наблюдаетъ за всѣми работами земледѣлія. Она встрѣчается вашимъ глазамъ вездѣ; но вы не должны показывать, что ее замѣчаете: безъ этого условія, при безпрестанномъ приливѣ любопытныхъ, посѣщающихъ Гофвилъ, госпожа Фелленбергъ очень скоро сдѣлалась бы жертвою пустыхъ обрядовъ учтивости; и самъ почтенный супругъ ея не избѣжалъ бы такого же мученія, когда бы не имѣлъ *Чичероніевъ*, взявшихъ имъ изъ числа воспитанниковъ. Они съ удивительною снисходительностію показываютъ посѣщателямъ все достойное замѣчанія въ Гофвилѣ, выслушиваютъ ихъ вопросы, разрѣшаютъ всѣ ихъ сомнѣнія.

Господинъ Фелленбергъ не любитъ похвалъ, но онъ охотно принимаетъ совѣты, и радуется всякому возраженію, надеясь узнать что-нибудь новое и для него полезное.

Я долго бы прожилъ въ Гофвилѣ, когда бы могъ слѣдовать одному желанію своего сердца; но общоштельская принудила меня проситься съ Феллен-

бергомъ — я полетѣлъ на берега Невшапельскаго озера, въ Ивердонъ, горя неперпнїемъ видѣть славнаго Песшалоцци и его училище.

Я не засталъ его дома; онъ напался въ шлюбѣ по озеру вмѣстѣ съ учениками своими, и возвратился не прежде, какъ ввечеру. Время было прекрасное, полная луна сіяла во всемъ своемъ блескѣ, поверхность озера была спокойна и чиста какъ зеркало. Я увидѣлъ восхитительное зрѣлище: огромное судно, на которомъ Песшалоцци, съ двумя спами воспитанниковъ, медленно плыль по Ивердонскому каналу, украшено было цвѣтами; всѣ жишели Ивердона и сосѣднихъ деревень стояли на берегу. Воспитанники пѣли гимны, нарочно для сего случая сочиненныя. Тихіе, прїятные голоса ихъ, спокойствїе озера, озареннаго зркою луною, множство зрителей, веселыхъ, разпроганныхъ гармоническимъ пнїемъ юношей — все вмѣстѣ производило какое-то очарованїе, котораго не могу вамъ выразить словами — я воображалъ себя въ древней Греціи, видѣлъ священныя шоржества Олимпійскїя.

На другой день я посѣтилъ почтеннаго Песшалоцци, который очень худо выговари-

ваешъ и Французскія и Нѣмецкія слова, но выражается весьма понятно. Чувствительная душа его безпрестанно занята счастьемъ дѣшей: одна мысль о наказаніяхъ, которыми терзаютъ сихъ нѣжныхъ пленцовъ, подъ ложнымъ предлогомъ ихъ пользы, приводитъ его въ трепетъ. Ученіе — говоритъ онъ — сія жизнь души, можетъ входить въ нее, такъ сказать, черезъ всѣ поры; тѣло питается пищею пріятною, душа требуетъ сладостнаго меда любви наставляющей. Песталоцци водилъ меня по всѣмъ классамъ, начиная съ самыхъ нижнихъ. Я задавалъ учащимся затруднительные вопросы; видѣлъ ихъ во время ученія, за столомъ, въ минуту отдыха; видѣлъ ихъ игры, ни мало почти не отличныя отъ ихъ уроковъ. Пища ихъ изобильная и здоровая, игры ихъ невинны и полны добросердечія. Я совсѣмъ не замѣтилъ въ ихъ поступкахъ (что надобно отнести къ совершенству метода ихъ воспитанія) — той черношы, которой примѣры такъ часто огорчаютъ васъ въ другихъ училищахъ; напрошивъ, между сими невинными питомцами добраго Песталоцци вы не найдете ни злобы, ни соперничества, ни зависти, которая такъ часто вливаетъ отраву свою въ сіи младенческія души. И могутъ ли они что нибудь ненавидѣть? способны ли чувствовать зависть? Они

щасшливы, никто, никогда ихъ не мучить! Ихъ не принуждаютъ учить по нѣскольку страницъ наизусть; отъ нихъ не требуютъ знанія; хотятъ, чтобы они узнавали все *сами собою*. На примѣръ, въ Ариѳметикѣ не учатъ ихъ ни сложенію, ни вычитанію, и пр.: правиламъ, которыя не иное что, какъ слѣдствіе долгаго размышленія объ отношеніяхъ чиселъ, но имъ показываютъ отношенія 1 къ 1, 1 къ 2, 2 ко 2 и пр.; имъ даютъ способъ находить собственнымъ разсудкомъ нужныя правила. Я замѣтилъ одного изъ воспитанниковъ, находящагося въ Институтѣ не болѣе четирыхъ лѣтъ: онъ рисовалъ прекрасно и былъ очень силенъ въ Математическихъ наукахъ — я спросилъ у него (сообразуясь съ старою методою нашихъ училищъ), какого Лапчинскаго Автора онъ началъ извѣснять? — *Онъ не извѣсняетъ ни одного Автора, но знаетъ языкъ*, отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ молодыхъ учителей, котораго я прежде не отличилъ отъ учениковъ. Кажется, доказано опытомъ, что прежнія методы воспитанія были совершенно прошивны нашурѣ: слава доброду Песталоцци! открывши намъ истинный путь, онъ избавилъ дѣтей отъ онаго тяжкаго и вреднаго принужденія, которому прежде подвержены были юные умы ихъ.

Фелленбергъ и Песталоцци, будучи оба изобрѣшателями, необходимо должны встрѣчашь множество препятствъ со стороны предразсудковъ и суешной гордости ; и шотъ и другой стараются побѣдить ихъ , услаждая себя надеждою , что будущее приведетъ къ совершенству тѣ важные планы , копорымъ положили они основаніе въ настоящемъ ; и шотъ и другой ожидающъ общей пользы для чловѣчества отъ разпространенія своихъ правилъ и отъ успѣха методовъ , ими изобрѣшенныхъ . Разница между ими та , что Песталоцци имѣетъ болѣе способовъ наслаждаться плодами трудовъ своихъ въ настоящемъ ; онъ видитъ пощасіе , копорое самъ доставляетъ начинающемуся поколѣнію , щасіе , копорое вмѣстѣ съ симъ поколѣніемъ разпространится и на все чловѣчество ; напрошивъ Фелленбергъ чрезвычайно быспрошою дѣшельностью своей доказываетъ намъ , что онъ боится упустить время , копорое отъ него улетаетъ , копораго недостаетъ ему и для положенія первыхъ основаній изобрѣшенной имъ системы удобренія ; онъ видитъ въ отдаленности будущаго шу пользу , копорая должна бышь слѣдствіемъ его дѣшельности : но ищетъ и наслажденій своихъ и награды не здѣсь , а въ ономъ таинственномъ мѣрѣ , копорому здѣшній служишь единымъ преддверіемъ .

Мысли сіи напечатлѣны яркими чертами на лицѣ Фелленберга, ясною, спокойною, величественною и веселою.

.

Я видѣлъ Ферней, прикасался къ постелѣ и ко всѣмъ мебелямъ, служившимъ некогда Вольперу. Успѣхи роскоши удивительны: богатые украшенія Фернейскаго замка покажутся вамъ теперь слишкомъ посредственными — а Вольперъ имѣлъ 200,000 ливровъ годоваго дохода.

Въ бывшей его спальнѣ висятъ портреты людей ему любезныхъ: Даламбера, Далия, Гельвеція, Мармонтеля и другихъ. Посрединѣ его находишься у стѣны, прошивъ окна; въ ногахъ виситъ портретъ госпожи дю Шатле, а въ головахъ иланый портретъ Императрицы ЕКАТЕРИНЫ. Я замѣтилъ еще три: одинъ Короля Прусскаго, другой самаго Вольпера, писанный съ него въ то время, когда ему минуло пятьдесятъ лѣтъ; а третій Лекеня, представленнаго въ лавровомъ вѣнкѣ. Вы видите, что все оставлено здѣсь по прежнему. Я долго разговаривалъ съ старымъ приходскимъ Священникомъ, который поселился въ Ферней за девять лѣтъ до Вольперовой смерти: по словамъ его замѣчаю, что онъ забылъ о тѣхъ благодѣянїяхъ, которыми осыпалъ его сей великій человекъ. Но Фер-

нейскіе жители не забыли о нихъ: старики говорящъ со слезами о добромъ своемъ Господинѣ, а молодые люди съ чувствомъ повторають анекдоты, слышанные ими о немъ отъ отцевъ или дѣдовъ.

(Съ Французскаго.)

VI.

Три пояса.

(Русская сказка)

В царствованіе Великаго Князя Владимира, не подалеку отъ Кіева, на берегу быспраго Днѣпра, въ уединенной жилищѣ жили при молодья двѣ девушки, сиротки, очень дружныя между собою; одна называлась Пересвѣтою, другая Мирославою, а прешья Людьюилою. Пересвѣта и Мирослава были прекрасны какъ Майской день, сосѣди называли ихъ алыми розами: отъ чего онѣ сдѣлались нѣсколько самолюбивы. Людьюила была не красавица, никто ее не хвалилъ, и подруги ея, которыхъ она любила всѣмъ сердцемъ, швердили ей каждый Божій день: Людьюила, бѣдная Людьюила! ты никогда не выйдешь за мужъ! кто тебя полюбитъ! ты не красавица, и не богата! — Добрая Людьюила вѣрила имъ въ прошомъ сердца и не печал-

лилась; онъ говоряшъ правду: я никогда не выйду за мужъ! чшо жъ нужды? я буду любить Пересвѣту и Мирославу болѣе всего на свѣтѣ, буду ими любима: какого счастья желать мнѣ болѣе! Такъ думала протосердечная Людмила, и чистая душа ея была спокойна. Ей минуло пятнадцать лѣтъ, но еще никакое смущенное желаніе не волновало невиннаго ея сердца: любить своихъ подругъ, ходить за цвѣтами, разпѣвать пѣсни, какъ нѣжная малиновка — таковы были всѣ удовольствія доброй Людмилы.

Въ одинъ день всѣ три подруги гуляли по берегу ручья, обнесеннаго соснами и березами. Пересвѣта и Мирослава рвали цвѣты для украшенія головы своей; и Людмила также рвала ихъ — для Пересвѣты и Мирославы: она воображала, что ей не прилично думать объ украшеніи. Вдругъ видяшъ онъ, на берегу ручья, старушку, которая спала глубокимъ сномъ; солнечные лучи падали прямо на ея голову, сбрую и почти лишенную волосъ. Пересвѣта и Мирослава засмѣялись. — Сестрица, сказала одна, какова понажется тебѣ эта красавица? — Лучше тебя, Мирослава! — И тебя, Пересвѣта! — Шафранъ едва ли превзойдетъ желтиною эти прекрасныя щеки, покрышыя

пріятними морщинами. — А эштоб носб,
 Пересвѣша, не правда ли, что онб очень
 скромно пригнулся кб подбородку? —
 Сказашь правду, и подбородонб отвѣчаетб
 своею фигурою красивому носу. — Они
 срослись, сесщрица! — Вб продолженіи
 разговора и ша и другая безпрестанно
 смѣялись. — Ахб, сестрицы! сказала
 пихая Людмила, вамб неприспало
 смѣяться надб эшою старушкою! Чшо
 она вамб сдѣлала? Она спара — ея ли эшо
 вина? И вы соспарѣтесь вб свою очередь:
 для чего же смѣяться надб тѣмб недоспаш-
 комб, который непременно будеше имбшѣ
 сами? Смѣяться надб старыми значитб
 прежде времени смѣяться надб собою. Будеше
 разсудительны; снажу лучше, будеше жа-
 лосшливы! Посмотреше, какб солнце палишб
 голову эшой бѣдной женьщины! Налом-
 маемб березовыхб вѣтконб, сплешемб во-
 кругб нее маленькой шалашб, чшобб сонб
 ея могб бышб и спокоенб и безопасенб.
 Проснувшись, она благословишб насб, бу-
 дешб за насб молишся; а Небо всегда
 исполняешб молишвы спариковб и нищихб,
 такб говорила мнѣ понойная машушка. —
 Пересвѣша и Мирослава почувсшвовали ви-
 ну свою; онб наломали вмѣстѣ сб Люд-
 милою березовыхб вѣтконб, сплели шалашб
 и прикрыли имб голову спящей. Она ско-
 ро проснулась, увидѣла надб собою тѣнь,

удивилась, начала осматриваться — передъ нею стояли Пересвѣта, Мирослава и Людмила. Благодарю васъ, милыя незнакомки, сказала она; приблизьтесь: хочу оставить вамъ памятникъ моей благодарности. Вотъ при пояса — каждая изъ васъ можете выбрать для себя шотъ, которой покажется ей лучше и болѣе къ лицу. Старушка кладетъ на праву при пояса: два изъ нихъ были чрезвычайно богатые, изъ крупнаго жемчугу и алмазовъ; третій былъ простая, необыкновенной бѣлизны ленша, украшенная фіалками. Пересвѣта и Мирослава бросились на жемчугъ и алмазы; Людмилѣ досталась бѣлая ленша. — Благодарю тебя, сказала она старушкѣ, эшотъ простой уборъ мнѣ приличнѣе. Пересвѣта и Мирослава прекрасны лицомъ: имъ должно имѣть и одежду прекрасную, а для меня довольно простой и самой скромной. — Ты говоришь правду, мой другъ, сказала старушка Людмилѣ, надѣвая на нее поясъ; никогда, ни за какія сокровища въ свѣтъ не снимай съ себя этой леншы; не вѣрь людямъ, которые будутъ говорить, что онъ тебѣ не къ лицу; остерегайся обольщенія гордости: потерявъ эшотъ поясъ, ты потеряешь и щастіе, съ нимъ неразлучное. — Людмила поцѣловала старушку и дала ей слово не отдавать никому подарка.

Спарушка исчезла. Пересвѣша и Мирослава не могли вслушаться въ ея слова; онѣ съ восхищеніемъ разсматривали свои жемчуги и алмазы, и едва успѣли сказать, что онѣ очень ей благодарны.

Пересвѣша и Мирослава взялись за руки и побѣжали въ свою хижину. Людмила, замѣтивъ, что онѣ имѣли между собою тайну, шла за ними издали. Не правда ли — сказала наконецъ Мирослава, оборотясь къ Людмилѣ — что эта смѣшная спарушка сдѣлала тебѣ чрезвычайно богатымъ подаркомъ? — Не богатый, но очень для меня пріятный! я не люблю пышности. — Но для чего бы ей не сравнять тебя съ нами? — Я объ этомъ не подумала. То, что мнѣ даютъ, пріятнѣе для меня того, въ чемъ мнѣ отказываютъ. — Посмотри какъ наши алмазы блистаютъ! — Посмотри на мою ленту, какъ она бѣла! — И тебѣ не завидно? — Можно ли завидовать тѣмъ, кого любишь? я довольна, если вы щасливы. — Ты добрая дѣвушка, Людмила. Оставайся дома, а мы пойдѣмъ въ Кіевъ покупать новыя плашья: наши слишкомъ бѣдны для такихъ поясовъ, которые украшены алмазами и жемчугомъ. За одну жемчужину можемъ купить десять паръ самаго богатаго плашья. — Пересвѣша и Мирослава пошли въ Кіевъ; Людмила

осшалась дома поливашь цвѣты и кормишь своихъ пшичекъ.

Ввечеру Мирослава и Пересвѣта возвратились въ хижину съ великимъ запасомъ богатыхъ уборовъ. Важная новость, сестрица! — сказала Пересвѣта Людмила — молодой Князь Святославъ, Владиміровъ сынъ, прекрасный какъ весенній день, и храбрый какъ богатырь Добрыня, хочешъ выбирашь себѣ невѣсту, Множество красавиць, боярскихъ дочерей и даже простыхъ поселянокъ, собираются въ Кіевъ изъ дальнихъ Рускихъ городовъ, изъ деревень и хижинъ. Кшожь запрешишь и намъ искашь руки прекраснаго Князя Святослава? Богъ далъ намъ красоту, а добрая спарушка наградила насъ богатствомъ. Мирослава и я хошимъ переселимся въ Кіевъ: каждая изъ насъ, благодаря своему драгоценному поясу, можешъ съ честію и опличіемъ показаться въ люди. Мы рѣшились, и завтра отпраовляемся въ Кіевъ. И ты, добродушная Людмила, можешъ за нами послѣдовать — ты будешъ смотрѣшь за нашимъ домомъ, а наконецъ увидишь и церемонію выбора, копорая должна бышь чрезвычайно великолѣпна. — Охотно исполню ваше желаніе, сестрицы, оявѣчала съ веселою улыбкою Людмила; буду служишь вамъ отъ всего сердца: ваше удовольствіе состав-

вляешъ мое щастіе! Спарайшесь плѣнить прекраснаго Князя, а я буду молишь Бога, чтобы Онъ склонилъ къ вамъ его сердце.

Что сказано, то и сдѣлано. Подруги на другой день, рано поутру, отправились въ Кіевъ. Мирослава и Пересвѣта объявили себя дочерьми богатыхъ Новгородскихъ Посадниковъ: одинъ изъ Боярв Владиміровыхъ записалъ имена ихъ въ число желающихъ представить себя на выборъ Князю Свяшославу. Людмила не показала ни кому; она молилась Богу о щастіи своихъ подругв, шила имъ плашья, низала для нихъ ожерелья, выкладывала золотымъ галуномъ и алмазами ихъ сарафаны — забывая самое себя, она жила для однихъ милыхъ подругв своихъ.

Наконецъ наступилъ торжественный день выбора. Вечеру Дворецъ Великаго Князя Владиміра освѣтился тысячами свѣщильниковъ; палата, назначенная для торжества, обита была малиновымъ бархатомъ; скамейки, на которыхъ надлежало сидѣть красавицамъ, иногороднымъ и Кіевскимъ, были покрыты шелковыми коврами съ золотою бахрамою; а для Великаго Князя Владиміра и Князя Свяшослава приготовили возвышенное мѣсто, на которомъ стояли два кресла изъ слоновой кости съ золотою насѣчкою. На улицѣ, ведущей къ Княжескому двору, шѣснилось множество

народа, и горбли огни разноцвѣтныя. Наконецъ зазвучали бубны — представилось зрѣлище восхищительное: сто красавицъ, цвѣтущихъ какъ весенняя роза, идущъ попарно, среди восхищенной толпы Кіевлянъ, во Дворцу Великаго Князя; каждая изъ нихъ имѣетъ при себѣ прислужницу: Людмила сопутствуетъ Пересвѣтѣ и Мирославѣ. Людмила одѣта была въ бѣлое платье, и опоясана своимъ поясомъ; русые волосы ея, заплетенные косю, были перевишны просшою леншою: она приблизилась съ сильнымъ трепетомъ сердца къ палатѣ Князя Владиміра, съла позади своихъ подругъ, и съ шайнымъ, робкимъ предчувствіемъ смотрѣла на дверь, въ которую должны были войти Великій Князь Владиміръ и сынъ его Святославъ прекрасный. Долго царствовала глубокая тишина въ Княжеской палатѣ. Вдругъ заиграла военная музыка; двери разшворились съ шумомъ; входящъ попарно Бояре и Богатыри, одни въ богатыхъ парчевыхъ платьяхъ, другіе въ великолѣпныхъ военныхъ доспѣхахъ, въ золотыхъ кольчугахъ, въ блестящихъ шлемахъ, осыпанныхъ бѣлыми перьями. Они раздѣляются, и спановаясь по обѣимъ сторонамъ Княжескаго прона. — Ушижаетъ бранная музыка — играютъ нѣжныя флейшы — всѣ глаза обращены на отверстыя двери — вдругъ

является Князь Владимірѣ въ богатомѣ
 Княжескомѣ уборѣ; онѣ ведетѣ за руку
 молодаго Святослава, одѣшаго просто, съ
 открышою головою, съ разбросанными по
 плечамѣ свѣтлорусыми кудрями, прелестна-
 го, цвѣтущаго молодостію: на щекахѣ
 его игралѣ румянецѣ, свѣжій какѣ весен-
 няя роза; въ глазахѣ большихѣ, черныхѣ
 и отбненныхѣ густыми рѣсницами, сіяло
 нѣжнсе пламя; спанѣ его былѣ гибокѣ и
 спроенѣ, походка величественная, всѣ дви-
 женія пріятныя. Ахѣ, Людмила, бѣдная
 Людмила! что сдѣлалось съ твоимѣ серд-
 цемѣ при первомѣ взглядѣ на прекраснаго
 юношу? Для чего я не красавица, для чего
 я не богата? подумала она, вздохнула, опу-
 сшила глаза на грудь свою, которая вол-
 новалась сильнѣе прежняго, но скоро опяшь,
 прошивѣ воли, устремила ихѣ на прелест-
 наго Князя, который стоялѣ одинѣ, посре-
 ди обширной палаты, прелестный какѣ
 Ангелѣ въ видѣ человека... Но что же она
 почувствовала?... вся душа ея пришла въ
 волненіе... глаза ея встрѣтились съ гла-
 зами прекраснаго Святослава! О Небо! онѣ
 подходитѣ къ ней... Мирослава и Пере-
 свѣша встаютѣ, думая, что выборѣ дол-
 женѣ пасть на одну изѣ нихѣ... Свято-
 славѣ подаетѣ руку Людмилѣ. „Вотѣ она,
 говоритѣ онѣ, вотѣ та, которая пред-
 ставлялась душѣ моей и наяву и въ ме-

чпахъ свидѣнїя ! Ей опдаю и руку и сердце.“ Людмила едва не лишилась памяти ; она не вѣрила своимъ ушамъ, прешала, блѣднѣла, краснѣла . . . Свяшославъ подводилъ нареченную свою невѣсту къ Великому Князю Владиміру, попомъ сажаетъ ее подлѣ него на кресла изъ слоновой кости съ золошою насѣчкою. Въ палатѣ слышался ропотъ, „Какой выборъ!“ шептали оскорбленныя красавицы, смотря на скромную Людмилу, одѣтую просто и совсемъ неимѣющую красоты блестящей. Переша и Мирослава были внѣ себя отъ досады и зависти. Кто бы это подумалъ — говорили онѣ одна другой — намъ предпочесть Людмилу ! какое ослѣпленіе ! — Мужчины также смотрѣли на Людмилу, но чувства ихъ были другаго рода. Какъ она прелестна ! — восклицали и старики и молодые — какая привлекательная скромность ! какой невинный взглядъ ! какая нѣжная, милая душа изображается на лицѣ ея, прїятномъ, какъ душистая *маткина - душка* ! Людмила сама не понимала того нѣжнаго чувства, которымъ наполнено было ея сердце ; она не смѣла взглянуть на прекраснаго Князя Свяшослава, и еще болѣе украшала себя милымъ своимъ смященіемъ. Свяшославъ пожималъ ея руку и ободрялъ ее пламеннымъ своимъ взглядомъ.

Но Великій Князь Владиміръ началъ говорить, и все утихло. Сынъ мой — сказалъ онъ прекрасному Святославу — швой выборъ пріятенъ моему родительскому сердцу: но красота не одно достоинство супруги; хочу, чтобы она соединена была съ качествами и дарованіями болѣе надежными. Избранная тобою невѣста превосходишь всѣхъ другихъ — прелестями лица: посмотри, сравниюся ли онъ съ нею дарованіями и умомъ. — Людмила поблѣднѣла, услышавъ слова Великаго Князя Владиміра. „Ахъ! воскликнула она — я ничему не училась: это минувшее торжество послужишь только къ тому, чтобы доказатьъ всему свѣту мое невѣжество. Оппусти меня, Великій Князь Владиміръ! я пришла сюда не для того, чтобы оспаривать у другихъ, болѣе достойныхъ, то щастіе, для котораго я не рождена судьбою; я пришла наслаждаться щастіемъ милыхъ подружекъ моихъ. Оппусти меня! мой жребій скрывается въ бѣдной хижинѣ, ходишь за цвѣтами, довольствоваться удѣломъ низкимъ, и никогда не мечтать о пышномъ шронѣ!“ — Князь Владиміръ посмотрѣлъ съ улыбкою благоволенія на скромную Людмилу, и приказалъ ей остаться на своемъ мѣстѣ. Приносятся стройныя гусли. Всѣ красавицы, каждая въ свою очередь, пѣли пѣсни въ похвалу храбрыхъ витязей, или въ похва-

лу нѣжной любви; каждая изображала то чувство, которое влекло ея душу къ прекрасному Князю Свяшославу. Пришла очередь Людмилы: она блѣднѣетъ, шрепещетъ; вдругъ что-то, невидимый, шепчетъ ей на ухо: Людмила ободрись! хранишь ли мои взоры надъ тобою. Спой шу пѣсню, которую научила тебя своя мать: ты еще не знаешь, какими дарованіями наградила тебя Природа. Людмила узнаетъ голосъ благодѣтельной волшебницы — той старушки, которая подарила ей поясъ. Она идетъ въ гусли, садится — о чудо! пальцы ея съ легкостью въшерка лешають по струнамъ; голосъ ея имѣетъ чистоту и звонкость соловьиного: онъ льется въ душу; онъ возбуждаетъ въ ней сладкое восхищеніе; погружаетъ ее въ задумчивость, производитъ въ ней помную мечтательность. Людмила поетъ шу пѣсню, которую нѣжная мать пѣвала, качая ее въ колыбели:

Роза, весенній цвѣтъ,
 Скройся подъ тѣнь.
 Роши развѣсистой!
 Бойся лучей
 Солнца палящаго,
 Нѣжный цвѣтокъ!
 Такъ мошылѣкъ златой
 Розѣ шепталъ.

*

Розѣ не вяшенѣ былѣ
Скромный совѣтъ !
Роза плѣняется
Блескомѣ однимѣ !
„Солнце блестящее
„Любитѣ меня !
„Мыѣ ли красавицѣ
„Тѣни искашь!“

Гордость безумная !
Бѣдный цвѣтокѣ !
Солнце рассыпало
Гибельный лучѣ :
Роза поникнула
Пышной главой ,
Листья поблекнули ,
Запахѣ исчезѣ.

Дѣвица красная ,
Нѣжный цвѣтокѣ !
Розы надменные
Помни примѣрѣ.
Маткиной - душкою
Скромно цвѣти ,
Сѣ мирчой невинностью
Цвѣтомѣ души.

Данный судьбиною
Скромный удѣлъ ,
Дѣвица красная ,
Щастье швое !

Въ рощѣ скрываяся,
 Ясный ручей,
 Бури не вѣдая,
 Мирно журчитъ!

Людмила замолчала; но голосъ ея отдавался еще въ сердцахъ слушателей. Молодой Князь, въ неописанномъ восхищеніи, прижимаетъ ее къ сердцу: нѣтъ, ты не можешь быть смертная! ты Ангелъ, слезѣвшій съ неба для того, чтобы сдѣлать щастливымъ Святослава!“ — „Ахъ, я бѣдная Людмила! сама не постигаю того, что дѣлается со мною; какое нибудь очарованіе ослѣпило ваши взоры. Вы думаете, что я красавица, это обманъ! я никогда не бывала прекрасною. Святославъ, ты хочешь возвести меня на тронъ; но я рождена поселянкою, рождена для бѣдной и неизвѣстной хижины.“

Опять заиграла музыка и началась пляска. Соперницы Людмилы очаровали зрителей своими пріятными движеніями, своею легкостію, своею быспрошою; но Людмила, снова ободренная голосомъ волшебницы, зашмила искусство прелестію простоты: во всѣхъ ея движеніяхъ было что-то очаровательное — скромность соединенная съ милою веселостію. Она являла глазамъ невинность, играющую съ удо-

вольсшвіемъ; зришели не могли довольно на нее насмотрѣться; сердца лешбли за нею въ слѣдѣ . . . но музыка замолчала. . . Людмила, съ пошупленными глазами, съ разгорѣвшимся румянцемъ на щекахъ, съла на свое мѣсто, не смѣла радоваться, не смѣла взглянуть на Свяшослава прекраснаго.

Давно уже прошла половина ночи. Великій Князь берешъ Свяшослава за руку, и они выходятъ изъ палаты съ Боярами и Богашырями; красавицы удалились — но еще испаніе не кончилось: оно должно было продолжаться при дни сряду. Людмилу ошвели въ дворцовой перемъ, убранный великолѣпно; приславили къ ней множество прислужницъ — она оспалась одна, погруженная въ задумчивость, съ новыми, доселѣ незнакомыми ей чувшвами, и съ милымъ образомъ прелестнаго Свяшослава въ душѣ своей.

И мы, оспавя на время Людмилу, вспомнимъ о двухъ подругахъ ея, Пересвѣпѣ и Мирославѣ. Могли ли мы эшо вообразить! — сказала Мирослава Пересвѣпѣ, возвратившись съ нею домой. — Намъ предпочешъ Людмилу! Конечно они слѣпы! — не лзя, чшобы эшо было естешвенно! — Какъ ты думаешь, Пересвѣпа? не скрывается ли какой-нибудь шалисманъ въ помѣ поясѣ, кошорый подарила ей старая волшебница?

Будучи къ намъ споль щедрою, могла ли она позабыть Людмилу? Конечно проспой ея поясъ драгоцѣннѣе нашихъ, осыпанныхъ жемчугомъ и алмазами! Замѣшила ли ты, какъ онъ блиспалъ на ней вчера ввечеру? — Такъ, Мирослава, ты говоришь правду: Людмила имѣетъ талисманъ, которому сама не знаетъ цѣны — должно его похишить! Тогда увидимъ, помрачитъ ли она и себя и меня своими дарованіями, своею красошою.

На другой день, рано поушру, Пересвѣта и Мирослава идуть въ шеремъ Людмилы: она бросается къ нимъ въ объятія, цѣлуешь ихъ съ восторгомъ и крикнешъ внимаая неискреннимъ ихъ поздравленіямъ. Милыя подруги! говоришь имъ скромная Людмила сама спыжусь твоихъ почестей, которыми вчера была я осыпана; сама не понимаю, какъ могли предпочестъ меня, бѣдную, некрасивую Людмилу, вамъ, прекраснымъ, богатымъ dospильнымъ всякаго предпочтенія! — Добрая Людмила, опвѣчала Мирослава, странное для себя кажешся для насъ весьма естешвеннымъ: мы не завидуемъ, но искренно радуемса швоему щасшю. Время открьшь тебѣ глаза: переспань почипашъ себя некрасавицею. Богъ наградилъ тебя лицомъ прелестнымъ; изъ любви къ тебѣ, называли мы

тебя дурною — похвалы могли бы испор-
 тишь свое невинное сердце. Теперь при-
 шворство бесполезно, и тебѣ наконецъ
 должно узнать, милая Людмила, что
 ты превосходишь всѣхъ другихъ женщинъ
 красою, любезностію, дарованіями. —
 Сестрицы! не смѣетесь ли вы надо мной? —
 Ахъ, мой другъ! какъ можешь это объ
 насъ подумать? Мы говоримъ истинную
 правду. Но позволь намъ сдѣлать тебѣ одно
 дружеское замѣчаніе: ты имѣешь два недо-
 статка, весьма важныхъ и препятствую-
 щихъ тебѣ воспользоваться дарами При-
 роды — ты слишкомъ застенчива и слиш-
 комъ небрежна въ своей одеждѣ. Нынче ве-
 черу опять будемъ представлены Великому
 Князю Владиміру и сыну его Святославу
 прекрасному; говорящъ, что въ Кіевѣ прі-
 ѣхала какая-то Псковская, Ангелъ
 красою и чрезвычайно искусная въ оде-
 ждѣ: бойся, чтобы она не похитила у
 тебя любви прекраснаго Святослава; наря-
 дись какъ можно лучше. Красотѣ своей
 прилична и одежда пышная: мы принесли
 тебѣ на выборъ нѣсколько платьевъ. На-
 дѣнь то, которое покажется тебѣ въ ли-
 цу — а мы будемъ радоваться своей побѣдѣ!

Мирослава и Пересвѣша разспилаютъ
 передъ глазами Людмилы нѣсколько вели-
 колѣпныхъ уборовъ. Новое чувство роди-
 лось въ душѣ невинной дѣвушки; она во-

образила себя первою красавицею во всей Русской землѣ, и покраснѣла, взглянувши на простой и бѣдной уборъ свой. Она примѣрнула принесенныя плащья, одно за другимъ — выбрала самое великолѣпное — хопѣла надѣть богатой поясъ сверхѣ бѣлой леншы, кошпоруу получила въ подарокъ отъ старушки; но по нещаснїю поясъ былъ слишкомъ малъ — Пересвѣша и Мирослава уговаривающъ ее пожертвовать бѣдною леншою пышному жемчужному поясу — Людмила колеблется — наконецъ уступаетъ ихъ требованїямъ — отдающъ Пересвѣшъ бѣлую леншу и надѣваешъ жемчужный поясъ. Какой стройный, прелестный станъ! — восклицающъ обѣ подруги Эша Псковишянка явилась въ Кїевъ только для того, чтобъ сдѣлать еще славнѣе торжество нашей Людмилы. Проси, милая подруга! Вечеру увидимся во Дворцѣ Князя Владимїра. Онѣ разлучились. Людмила, въ восхищенїи отъ новаго богатаго убора, любитъ на самое себя въ зеркало, примѣриваетъ жемчужный поясъ, и бѣлая ленша совсѣмъ забыта. Ахъ, Людмила! и ты занимаешься красотою своею какъ суешная, надменная прелестница! и ты смотришь въ зеркало — а прежде и въ свѣплый ручей смотрѣла ты только для того, чтобы любоваться его чистотою, легкими струйками,

и блестящими камушками, на днѣ его разсыпанными.

Наконецъ наступила желанная минута. Красавицы, Бояре и Богатыри спекаются въ палату Великаго Князя Владиміра — Святославъ прекрасный съ волненіемъ сердца сморгивъ на дверь, въ которую должна войти Людмила — раздаются пріятные звуки флейфы — входитъ Людмила, покрытая бѣлымъ покрываломъ и окруженная множествомъ прислужницъ, богато одѣтыхъ. — Святославъ лепитъ къ ней на встрѣчу, неперпѣливою рукою срываетъ съ головы ея бѣлый покровъ... Боже! какая перемена! Онъ не узнаетъ Людмилы. „Что вижу! восклицаетъ изумленный Святославъ. Кто ты, незнакомка? И гдѣ моя Людмила?“ — „Я Людмила! уже ли ты не узналъ меня, Святославъ прекрасный?“ — Ты? Людмила? Не можешь быть! это обманъ! — Ропотъ негодованія слышался въ Княжеской палатѣ — никто не узнаетъ Людмилы — Святославъ удался — онъ ищетъ смятенными взорами въ толпѣ красавицъ прекрасной дѣвицы, плѣнившей его душу — но Князь Владиміръ подымаетъ руку, и все опять умолкло. Ты называешь себя Людмилою — говоришь онъ Людмилѣ, препенущей и печальной — вѣрю твоимъ словамъ; вѣрю, что

красота твоя могла измѣниться въ теченіе одного дня, но дарованія твои должны бышь неизмѣнны. Подайте гусли, садись и спой намъ ту самую пѣсню, которую ты пѣла вчера. Людмила, нѣсколько ободренная, подходитъ къ гуслиамъ — о чудо! пальцы ея неподвижны, голосъ дикъ и непріятенъ. Князь Владиміръ въ великомъ гнѣвѣ встаетъ съ престола, приказываетъ Людмилѣ удалиться — испытаніе опложено до слѣдующаго вечера.

Что сдѣлалось съ тобою, несчастная, добросердечная Людмила? Ты плачешь, ты мучишься опчаяніемъ, ты спраждешь безнадежною любовію! Гдѣ твое прежнее спокойствіе? Гдѣ прежняя безпечность невинной души твоей? — Сиротка, заливаясь слезами, оставляетъ Кіевъ и спѣшитъ укрыться въ бѣдную свою хижину, на берегъ свѣтлаго источника, подъ сѣнь развѣсистыхъ березъ, въ которыхъ провела она цвѣтущую свою молодость. За чемъ, за чемъ я оставляла тебя, спокойная моя хижина! такъ думала бѣдная Людмила, идя черезъ рощу, по знакомой, излучистой пропинѣ. Приближается къ хижинѣ и видитъ, что въ ней горитъ огонь — испугалась — не знаетъ, войти ли въ нее или нѣтъ — наконецъ рѣшилась — отвергаетъ дверь: что же? Въ хи-

жинѣ сидитѣ старушка волшебница, ея знакомка. Людмила осполбенѣла отъ удивленія, нѣсколько минути не говорила ни слова, наконецъ пришла въ себя и залилась горькими слезами. Ахъ! сказала она старушкѣ, ты одна причиною моего несчастія! Для чего погибельнымъ своимъ очарованіемъ возвела ты меня вчера на тронъ, котораго я не искала, о которомъ никогда не могла думать? И для чего шепель, когда плѣнительная надежда ослѣпила мою душу, когда любовь, произведенная побою въ моемъ сердцѣ, сдѣлалась для меня драгоценнѣе и самыхъ почестей трона, я вдругъ лишена всего, покрыта стыдомъ — и отъ кого же? Отъ тебя, которой я не сдѣлала никакого зла, которой напротивъ хотѣла сдѣлать добро, не ожидая никакой за то награды! Ахъ, для чего обольстила ты глаза прекраснаго Свяшослава? Для чего вложила мнѣ въ душу безнадежную любовь? Что ты будешь теперь, бѣдная Людмила, въ своей уединенной хижинѣ? Прекрасныя мѣста, въ которыхъ я родилась и провела мою молодость, теперь вы для меня темница! Душа моя въ стѣнахъ пышнаго града Кіева! Никогда не забуду о томъ, чего я лишилась, чѣмъ обладала одну минушу. Какое земное щастіе можешь служить замѣною того милаго взора, который устремилъ на

меня Святославъ прекрасный, который въ возпламенилось мое сердце, прежде спокойное; прежде веселое! Ахъ! душистые мои цвѣты, вы увянете — кто будетъ васъ поливать; кто будетъ за вами смотрѣть? Милыя, голосистыя ппички, вы перестанете слетаться къ моей хижинѣ — кто будетъ приносить вамъ зерна и впорисывъ вамъ своею веселою пѣсенкою? Буду сидѣть на большой дорогѣ, смотрѣть на отдаленный Кіевъ градъ и посылать въ него свою душу! Что сдѣлала я тебѣ, волшебница? Чемъ навлекла на себя свое гоненіе? — Выслушай меня, добросердечная Людмила, отвѣчала волшебница; мнѣ легко передъ тобою оправдаться! Я полюбила тебя съ перваго взгляду и, въ знакъ благодарности, подарила тебѣ очарованной поясъ, который имѣетъ силу украшать всякую женщину. Дѣвушка, обладающая имъ, торжествуетъ надъ всѣми своими соперницами, имѣетъ всѣ пріятности, всѣ дарованія; но безъ него и пріятности и дарованія сіи теряютъ всю свою силу: имъ удивляющся, но перестаютъ ихъ любить. Для чего же, Людмила, не сберегла ты даннаго мною тебѣ сокровища? Для чего *поясъ скромности* промѣнила на *поясъ суетности*? Лишась талисмана, которому ты была обязана своимъ торжествомъ, ты потеряла и прелести, съ нимъ

воединенные; самые взоры своего любовника не могли узнать тебя в новом твоём наряде. — Ах! воскликнула Людмила, бедная жалкая моя участь! я сама всему причиною! сама лишила себя своего счастья! Никогда! уже никогда не увидать меня прежнего времени! Улетело веселье души моей, умчались вы, прежние мои радости; никогда не переспавать меня обливаться слезами; другая овладеет теперь душою Свяшослава прекрасного! — Людмила закрыла обими руками лицо свое и плакала горько. — Утешься, мой друг! сказала волшебница, взяв ее за руку с необходимой улыбкою; тебя обманули твоя непопышность и хитрость завистливых твоих подругов, Мирославы и Пересвѣты; но ты невинна в сердце. Возвращаю тебе потерянный пояс. Я следовала невидимо за Пересвѣтою и Мирославою, когда они пошли от тебя с своею добычею. Между ими начался ужасный спор: каждая хотела иметь пояс, но он не достался ни одной, ибо я унесла его, и теперь возвращаю той, которая одна достойна обладать им по своему добросердечию и своей скромности. — Людмила бросилась целовать руки благодѣтельной волшебницы, которая обтерла ей слезы, поцеловала ее в розывые щеки и опоясала своею очарованною лентою.

Вдругъ, по слову волшебницы, кровля визенькой хижины разсупилась; глазамъ изумленной Людмилы предстала великолѣпная колесница, въ которую запряжены были два оленя съ серебряною шерстїю, съ золотыми рогами и крыльями. На мѣстѣ безобразной старушки явилась молодая женщина, восхищительной красоты, одѣтая въ очарованную одежду, изъ розовыхъ лучей сопканную, и опоясанная бѣлымъ поясомъ, на которомъ блиспали золотые знаки Зодїана. Добрада — такъ называлась волшебница — посадила Людмилу въ колесницу; зашорогїе олени разпустили свои золотыя крылья, и менѣе чѣмъ въ мигъ, колесница очутилась передъ стѣнами великолѣпнаго града Кїева. Волшебница привела Людмилу въ уединенный теремъ, запретила ей выходить изъ него до наступленїя вечера, благословила ее, и скрылась.

Наступилъ вечеръ. Людмила, одѣтая очень просто, опоясанная бѣлою лентою, вошла въ палату Великаго Князя Владимїра и сѣла на прежнее свое мѣсто, позади Пересвѣты и Мирославы. Онѣ ее не примѣтили; онѣ смѣялись между собою надъ глупою ея легковѣрностїю, и говорили другъ другу о гордыхъ своихъ надеждахъ. Но Людмила забывала о нихъ; взо-

ры ея видѣли одного Святослава. Онъ сидѣлъ подлѣ Великаго Князя Владиміра, на креслахъ изъ слоновой кости съ золотою насѣчкою, задумавшись, склонивши на руку свою голову, не удостоивая ни однимъ взглядомъ окружавшихъ его красавицъ: душа его пребывала одной Людмилы, одинъ очаровательный образъ Людмилы носился передъ нимъ, какъ милый, пленительный призракъ поперянаго блаженства! Вдругъ — о радость! — онъ видитъ ее на томъ же самомъ мѣстѣ, на которомъ увидѣлъ въ первой разѣ, въ той же простой одеждѣ, видитъ ее, съ сердечною, нѣжною любовію устремившую на него свои взоры. О Людмила! восклицаетъ онъ и бросается передъ нею на колѣни. — Да здравствуетъ прелесная Людмила! возкликнули единогласно Бояре, Боярыни и Вишязи. Святославъ, вѣвъ себя отъ восхищенія, прижимаетъ къ сердцу милую свою невѣсту, которая съ своимъ поупленнымъ взоромъ, съ пылающими щеками своими, казалась Ангеломъ красоты и непорочности, подводитъ ее къ престолу Великаго Князя Владиміра и сажаетъ по правую руку его на кресла изъ слоновой кости съ золотою насѣчкою. Пересвѣта и Мирослава поблѣднѣли отъ зависти и досады. Заиграла музыка, и всѣ опяшь должны были уступитъ Людмилѣ

въ искусствѣ пляски и пѣнїя. Опять за-
 щмила она своихъ соперницъ, которыя всѣ
 единодушно, выключая однѣхъ Пересвѣшы
 и Мирославы, согласились признашь ее побѣ-
 дительницею, и даже радовались ея побѣдѣ;
 сполна сильно очарованїя скромной красо-
 ты, добродушїя, непорочности! Вдругъ раз-
 дается въ палатѣ пронзительный вопль —
 что такое? Спращныя змѣи, съ оп-
 версною насшїю, съ острыми жаломъ, съ
 горящими глазами обвивались вокругъ Пе-
 ресвѣшы и Мирославы, вмѣсто жемчужныхъ
 поясовъ; Людмила бросается къ нимъ
 на помощь, желаетъ спасти ихъ отъ
 угрызенїя сихъ спращныхъ чудовищъ — ея
 усилїя напрасны. Зрители цѣпенбуютъ
 отъ ужаса. Вдругъ послышалось тихое
 пѣнїе, соединенное съ звуками магическихъ
 струнъ; въ воздухѣ разпространился
 прїятный запахъ розъ и полевыхъ фїа-
 локъ — предспала волшебница Добрада,
 окруженная крошкимъ розовымъ сїянїемъ.
 Людмила бросилась передъ нею на колѣна.
 Спаси Пересвѣшу и Мирославу! воскли-
 нула она, проспирая къ ней руки. Добрая
 Людмила, опвѣчала волшебница, согла-
 шаюсь проспирь имъ изъ любви къ тебѣ.
 Змѣи, которыми онѣ обвишы, суть ядовитыя
 змѣи *самолюбїя и зависти*. Привоснисъ
 къ нимъ своею бѣлою леншою, и онѣ из-
 чезнушъ. Людмила исполнила приказанїе

Добрады, и змѣи исчезли. Пересвѣта и Мирослава кинулись въ объятія своей добросердечной подруги; онѣ поклялись питать къ ней искреннюю дружбу; онѣ полюбили ту, копорую за минушу ненавидѣли, копорую желали ввергнутьъ въ погибель.

Великій Князь Владиміръ благословилъ своего сына и Людмилу. О Святославѣ! — сказала прелестная невѣста прелестному жениху своему, показывая на волшебницу Добраду — вотъ моя благодѣтельница, вотъ та, копорой обязана я своимъ сердцемъ. Ахъ! за три дни передъ симъ была я не иное что, какъ бѣдная Людмила, просшая поселанка; но теперь? . . . Нѣтъ! никогда не была бы я замѣчена взорами Святослава прекраснаго, когда бы могущество благодѣтельной Добрады не украсило меня тѣми пріятностями, тѣми дарованіями, въ копорыхъ мнѣ отказала Природа! Такъ, Святославъ, въ этомъ очарованномъ поясѣ заключены и красота моя и всѣ мои таланты.

Скромное сіе признаніе украсило еще болѣе въ глазахъ Святослава его прелестную Людмилу. Другъ мой! — сказала Добрада — храни этотъ поясъ, драгоцѣн-

ный даръ моей дружбы! ничто не можетъ лучше его украсить женщину, гдѣ бы она ни была, въ бѣдной ли хижинѣ, въ чертогахъ ли Княжескихъ: нося его, ты будешь обожаема своимъ супругомъ, своими друзьями и подданными, обожаема до послѣдней минуты жизни.

Добрада исчезла. Нужно ли сказывать о томъ, что случилось послѣ? И можно ли вообразить, чтобы Святославъ не былъ щастливъ, обладая Людмилою?

N. N.

VII.

Къ Н и н ѣ,

О Нина, о Нина — сей пламень любви
Уже ли съ послѣднимъ дыханьемъ угаснетъ?
Душа, ослепая въ незнаемый край,
Ужели во прахъ то чувство покинетъ,
Которымъ равнялась Богамъ на землѣ?
Уже ли, въ минуту боренья съ кончиной,
Когда ужь не буду горящей рукой,
Въ слезахъ упоенья, къ трепещущей груди,
Восторженный, руку твою прижимать,
Когда прекратятся — и сердца волненье,
И пламень ланиный — измѣна любви,
И таинья страсти во взорахъ сіянье,

И тихіе вздохи , и сладкая скорьба ,
И груди безвѣстнымъ желаньемъ стѣсненье ,
Уже ли, о Нина! всѣмъ чувствамъ конецъ?
Уже ли ни тѣни земнаго блаженства
Съ собою въ сбитель небесъ не возмемъ?
Ахъ! съ чѣмъ же предстанемъ ко трочу Любви?
И то, что хранило въ насъ пламень души,
Что было въ семъ мірѣ предчувствіемъ неба,
Уже ли то бездна могилы пожретъ?
Ахъ! самое небо мнѣ будетъ изгнаньемъ ,
Коль должно любовью безсмертье купить!
И въ области райской я буду печально
О прежнемъ, погибшемъ блаженствѣ мечтать!
Я съ завистью буду — какъ бѣдный затворникъ,
Во мракъ темницы о нѣжной семьѣ ,
О прежнихъ весельяхъ родительской сѣни ,
Прискорбный, тоскуетъ, на цѣни склонясь —
Смотрѣшь, унывая, на милую землю!
Что въ вѣчности будетъ замѣной любви?
О первая встрѣчи небесная сладость ,
Какъ тайныя, сердца созданье, мечты,
Въ единый облекшись плѣнительный образъ ,
Являюся смутной весельемъ душѣ;
Унынія прелесть, волненье надежды ,
И радость и шепетъ при встрѣчѣ очей ,
Ласкающій голосъ — души восхищенье,
Могущество тихихъ, таинственныхъ словъ,
Присутствія сладость, томленье разлуки ,
Ужель невозвратно васъ съ жизнью терять?
Уже ли, приближась къ безмолвному гробу ,
Гдѣ хладный, навѣки безчувственный прахъ

Горбвшаго прежде любовію сердца,
 Мы будемъ напрасно, и скорбью очей
 И прежде всеильнымъ любви призываньемъ
 Въ безчувственномъ прахѣ любовь оживляшь?
 Ужель изъ-за гроба отвѣта не будетъ?
 Ужель *пережившій* одинъ сохранишь
 То чувство, которымъ столь сладко дѣлился,
 А прежній спутникъ, кѣмъ въ мірѣ онъ жилъ,
 Съ которымъ сливался тоской и блаженствомъ,
 Изчезнетъ за гробомъ — какъ утренній паръ,
 Съ лучемъ, озлапившимъ его, исчезаетъ,
 Развѣянный легкимъ зефира крыломъ?
 О Нина! я внемлю таинственный голосъ:
 „Нѣтъ смерти — вѣщаешь — для нѣжной любви!
 „Возлюбленный образъ, сліянный съ душою,
 „И въ вѣчность за нею изъ міра летитъ,
 „Ей спутникъ до сладкой минуты свиданья!“
 О Нина! бытъ можетъ, торжественный часъ,
 Посланникъ разлуки, уже надо мною!
 Ахъ! скоро, бытъ можетъ, погаснетъ мой взоръ,
 Къ тебѣ устремляясь съ послѣднимъ бли-
 станьемъ,
 Съ послѣднею лаской утихнетъ мой гласъ,
 И сердце забудетъ свой сладостный трепетъ...
 Не спиуй, и вѣрой себя усладдай,
 Что чувства нешлѣбны, что духъ мой съ тобою!
 О сладость — о смертный, блаженнѣйшій часъ!
 Съ твоею, о Нина! тѣснѣйшимъ союзомъ
 Онъ страстную душу мою сопряжетъ!
 Спокойся, другъ милой, и въ самой разлукѣ
 Я буду хранищель невидимый твой,

Невидимый взору, но видимый сердцу!
 Въ часы испытанья и мрачной тоски
 Я въ образѣ пихой, небесной надежды,
 Весѣдую втайнѣ съ твоею душой;
 Въ прискорбную буду вливать утѣшенье!
 Подъ сумракомъ ночи, когда понесешь
 Опраду въ обитель недуга и скорби,
 Я буду твой спутникъ; я буду съ тобою
 Дѣлиться священнымъ добра наслажденьемъ!
 И въ тихій, священный моленія часъ,
 Когда, на колѣняхъ, съ блистающимъ взоромъ,
 Ты будешь свой пламень къ Творцу возсылать;
 Быть можешь, тоскуя о другѣ погибшемъ,
 Я буду молитвы невинной души
 Носить въ умиленьи къ небесному прону.
 О другъ незабвенный! тебя окруживъ
 Невидимой тѣнью, всѣмъ тайнымъ движеньямъ
 Души твоей буду я втайнѣ внимать!
 Когда ты, плѣвившись попока журчаньемъ,
 Иль блескомъ послѣднимъ угасшаго дня —
 Какъ холмы обвѣметъ задумчивый сумракъ,
 И съ блѣднымъ вечернимъ мерцаньемъ въ душѣ
 О радостяхъ прежнихъ мечта воскресаетъ —
 Иль сладостнымъ пѣньемъ вдали соловья,
 Иль вѣющимъ съ луга душистымъ зефиромъ,
 Несущимъ свирѣли далекія звѣкъ,
 Иль стройнымъ бряцаньемъ полуночной арфы,
 Нѣжнѣйшую томность въ груди ощутишь,
 Наполнишься тихимъ, унылымъ мечтаньемъ,
 И въ міръ сокровенный душою стремишься,

Присутствіе Бога , безсмертія тайну ,
И съ милымъ свиданье въ безвѣстной странѣ
Яснѣе постигнешь , съ живѣйшею вѣрой,
Съ живѣйшей надеждой изъ сердца вздохнешь —
Знай, Нина, что друга ты голосъ внимаешь;
Что онъ, и въ надеждѣ и въ тихой тоскѣ ,
Съ твоею душою сливается тайно !
Мой другъ , не страшися минуты конца !
Посланникомъ мира , съ лучемъ утѣшенья ,
Ко смертной постелѣ приникнувъ твоей ,
Я буду игрою небесныхъ арфы
Послѣднюю муку твою улаждать !
Не вопли услышишь грозящія смерти ,
Не бездну могилы узришь предъ собой ;
Но гласъ восхищенный , поющій свободу ,
Но свѣтлый , ведущій къ веселію путь ,
И прежняго друга , въ восторгѣ свиданья ,
Манящаго ясной улыбкой тебя !
О Нина , о Нина ! безсмертье нашъ жребій !

Ж.

VIII.

Письмо къ Издателю.

Цишая Вѣстникъ Европы, я съ удовольствіемъ находилъ въ немъ извѣстія о нѣкоторыхъ великодушныхъ дѣяніяхъ нашихъ соотечественниковъ: это побудило

и меня доставить вамъ слѣдующій анекдотъ, достойный быть извѣстнымъ читателямъ вашего Журнала.

Углицкаго мушкетерскаго полку Маіоръ Жирявичь, молодой человекъ 27 лѣтъ, былъ убитъ на сраженіи противъ Французовъ. Послѣ него остались жена и двое малолѣтнихъ дѣтей въ великой бѣдности. Шефъ помянутаго полку, Генералъ-Маіоръ Карлъ Максимовичь Баронъ Герцдорфъ, бывъ очевиднымъ свидѣтелемъ неуспрашимости и смерти Маіора Жирявича, всеподданнѣйше донесъ о бѣдности семейства его ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, на что и воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе: вдовѣ убишаго производить въ пансіонъ полное жалованье мужа ея; а дѣтей его опредѣлишь, по желанію матери, въ казенное училище, для воспитанія. Но великодушный Баронъ Герцдорфъ не удовольствовался изпрошеніемъ у ГОСУДАРЯ милости для бѣдной вдовы прежняго своего подчиненнаго; онъ самъ хотѣлъ быть благодѣтелемъ ему и по смерти, опредѣливъ оставшемуся его семейству изъ собственнаго своего имущества пять сотъ рублей ежегоднаго жалованья. — Будучи близкимъ родственникомъ покойному, и движимъ чувствомъ живѣйшей благодарности къ его добродѣ-

шельному покровителю, поставляю за долгъ передъ лицомъ всѣхъ добрыхъ людей, умѣющихъ чувствовашь цѣну поступковъ благородныхъ, изъяснить благодарность свою почтенному Генералу Герздорфу. — Прошу васъ, милоспивый Государь, оставить безъ замѣчанія погрѣшности прошивъ слога, который найдущя въ моемъ письмѣ; оно могло бы бышь гораздо краснорѣчивѣе, когда бы писано было человекомъ пріобывшимъ къ перу, а не такимъ, который почти родился среди оружія, и занимаясь имъ, благодарность свою не изъясняшь, а чувствовашь умѣешь. — Съ истиннымъ почтеніемъ къ вамъ пребываю и пр.

Ж. . . .

Задонскъ.

П О Л И Т И К А.

ІХ.

*О пребываніи двухъ Императоровъ
въ Эрфуртѣ.*

(Записки очевидца)

Эрфуртѣ , 27 Сентября.

Наконецъ Великіе Участники Эрфуртскаго Конгресса прибыли въ сей городъ , въ которомъ можетъ быть , со времени Ганзы, ни разу не было такого сгущенія народа. 26 Сентября, для встрѣчи Наполеона, приготовлены были на самой Эрфуртской границѣ пріумфальныя ворота съ простою надписью : *Побѣдителю* ; но Императоръ не захотѣлъ принять такой почести, и ворота были сломаны. Въ Воскресенье, 25 Сентября, наканунѣ того дня, въ который ожидали навѣрное прибытія Наполеонова, 5000 человекъ пѣхопы и конницы вступили параднымъ маршемъ въ городъ — заняли назначенныя для нихъ квартиры. На другой день въ понедѣльникъ, 26 Сентября и рано поутру, всѣ сіи войска вышлянулись

фруншомъ отъ Губернапорскаго дома до Циріальбурга; на самой границѣ, разсѣяли вѣстовыя пушки; всѣ Чиновники и значнѣйшіе городскіе жители вышли на большую дорогу, по которой надлежало ѣхать Императору, ожидаемому къ полдню. По обѣимъ сторонамъ дороги толпилось безчисленное множество зрителей — но ожиданіе ихъ осталось тщетно. Въ десяти часовъ приказалъ курьеръ, который объявилъ, что Императоръ прибудетъ не прежде какъ на другой день поутру. Всѣ разошлись, для того чтобы на другой день собраться на то же мѣсто и въ томъ же порядкѣ. Съ наступленіемъ утра дорога опять покрылась безчисленною толпою народа, и въ 9 часовъ утра выстрѣлила первая вѣстовая пушка, на которую отвѣчали пальбою со всѣхъ городскихъ бастіоновъ и звономъ колоколовъ на всѣхъ колокольняхъ. Чиновники не успѣли привѣтствовать Императора на границѣ: карета его промчалась мимо ихъ какъ молнія — за нею скакала конная гражданская гвардія. У городскихъ воротъ спояли Депутаты Эрфурта, которые поднесли Императору городскіе ключи и печатный привѣтственный листъ, а въ Губернапорскомъ домѣ встрѣтилъ его и Саксонскій Король, съ нѣкоторыми Принцами и Вельможами, при шумныхъ восклицаніяхъ толпы народной. Конная и пѣшая гвардія, окружавшая домъ,

скрыла отъ глазъ нашихъ Наполеона. Въ 12 часовъ увидѣли у крыльца его осѣдланную лошадь; скоро явился онъ самъ, и въ провожаніи своего Мамелюка Руспана, одинъ, окруженный безчисленнымъ множествомъ народа, съ открытою головою, поѣхалъ по главнымъ улицамъ города въ домъ Короля Саксонскаго.

Всѣ войска пошли изъ города къ Веймару для встрѣчи Императора АЛЕКСАНДРА; за ними послѣдовалъ *Наполеонъ*, окруженный многочисленною Свипою — онъ прошелъ пѣшкомъ ко фрунзу полковъ, разставленныхъ по дорогѣ; потомъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ на встрѣчу къ Россійскому Императору. АЛЕКСАНДРЪ, увидя Наполеона, вышелъ изъ кареты, а Наполеонъ сошелъ съ лошади — Они приблизились другъ къ другу и обнялись; потомъ поѣхали верхами къ Эрфуршу, при громѣ пушекъ, при возклиданіяхъ народа, окруженные Чиновниками и предшесвуемые полками Гвардіи. Наполеонъ проводилъ АЛЕКСАНДРА въ назначенный для Него домъ: сошедши съ коней, оба Императора обнялись оиашь, и черезъ полчаса поѣхали вмѣстѣ, верхами, въ сопровожденіи Великаго Князя КОНСТАНТИНА и многихъ Чиновниковъ, въ жилище Императора Наполеона.

30 Сентября.

Вы видите, сколько предметов, достойных любопытства, имелъ я случай замѣтить въ продолженіе одного дня. По щасію, въ самой ужасной пѣснопѣ народа, мнѣ удавалось всегда находить такое мѣсто, съ котораго я могъ все видѣть безъ всякаго помѣшательства. Карета Наполеонова, въ день его прибытія, промчалась мимо меня какъ очарованная колесница Оберона: едва успѣлъ я замѣтить, что въ ней находился вмѣстѣ съ Императоромъ Г. Коленкуръ. Прежде нежели я оглянулся, карета была уже далеко, и мимо меня неслась наподобіе вихря кавалерія, провожавшая Императора. Противъ воли, пѣснимъ народною толпою, побѣжалъ я къ Наполеонову Дворцу; но скоро однако оставилъ такое мѣсто, гдѣ безпрестанно былъ подверженъ опасности попасть подъ карету, или подъ ноги лошадамъ, и задохнуться отъ страшнаго стѣсненія любопытныхъ. Къ тому же, на этомъ мѣстѣ ничего не было видно: Императоръ занятъ былъ первыми предсавленіями, и находился во внутренности Дворца. Я пошелъ бродить по улицамъ: площадь представляла великолѣпное зрѣлище; она уставлена была войсками, конницею и пѣхошою; вездѣ блистало оружіе, все было оживлено и шу-

мѣло. Никто не зналъ, для чего сіи войска были собраны; солдаты думали, что будетъ парадъ, и народъ, повѣря сему слуху, бросился на площадь; но я, увидѣвши осѣдланную лошадь Императора, и узнавъ отъ одного изъ Жандармовъ, что онъ побѣдетъ къ Саксонскому Королю, остался ожидать его на улицѣ, по близости Губернаторскаго дома. Въ самомъ дѣлѣ мнѣ удалось vybrать самое лучшее мѣсто: улица была совершенно пуста; я прохаживался по ней назадъ и впередъ; вдругъ слышу громозвучное *vivat!* и вижу самаго Императора, медленно ѣдущаго верхомъ прямо ко мнѣ. Впереди ѣхалъ Шталмейстеръ, за нимъ самъ Императоръ, и по бокамъ его два пѣшіе Жандарма съ обнаженными саблями, а позади всѣ Чиновники, между которыми замѣтилъ я Бергье и Дюрока. Императоръ ѣхалъ такъ тихо, что я, идучи по шпороу съ нимъ рядомъ, могъ очень свободно разсматривать его лице: на немъ царствовало глубокое, непроницаемое спокойствіе; онъ опличался отъ всѣхъ Генераловъ своихъ роскошною одеждою; и кто бы, смотря на него, подумалъ, что видишь передъ собой того человека, который приводитъ въ движеніе цѣлый Свѣтъ, и потрясая отдаленный Югъ, въ то же время соединяется тѣснѣйшимъ дружественнымъ союзомъ съ могущимъ

Владыкою Сбвера! Иногда разговаривалъ онъ съ Жандармами; а иногда, отдѣлясь отъ своихъ провожатыхъ, бжалъ спороною улицы, и кланялся дружески тѣмъ, которые съ почтеніемъ снимали передъ нимъ шляпу.

Послѣ обѣда удалось мнѣ опять найти выгодное мѣсто, съ котораго я могъ видѣть обоихъ Императоровъ, при вѣздѣ Ихъ въ Эрфуртъ. Наполеонъ имѣлъ на себѣ Орденъ Андрея Первозваннаго, а Императоръ АЛЕКСАНДРЪ знаки Почетнаго Легиона; оба разговаривали дружески. АЛЕКСАНДРЪ былъ очень веселъ; Онъ съ улыбкою смотрѣлъ на толпу шбсняящагося передъ нимъ народа; кланялся Дамамъ, сидѣвшимъ передъ открытыми окнами, и казалось болѣе принималъ участія въ томъ, что происходило передъ глазами Его, нежели Наполеонъ, который не перемѣнялъ важнаго своего спокойствія, и былъ какъ будто недосягаемъ для всѣхъ впечатлѣнній внѣшнихъ.

Вечеру весь городъ былъ иллюминированъ. Домъ Франъ-Масонской Ложи отличался всѣми наружными украшеніями. На многихъ домахъ сіяли надписи; одна изъ нихъ замѣчательна по многимъ отношеніямъ: (*A Napoleon faite d'argent nous faisons de nos coeurs presant* - (не имѣя денегъ, даримъ Наполеону сердца). —

Я живу теперь въ совершенномъ вихрѣ; брожу по улицамъ, и почти на каж-

домъ шагу встрѣчаю какое - нибудь замѣчательное для меня зрѣлище. Вмѣстѣ съ зарею начинается на всѣхъ улицахъ стукъ каретъ. Вчера, въ восемь часовъ поутру, видѣлъ я всѣми любимаго Саксонскаго Короля; онъ ѣхалъ къ обѣднѣ, которую всякой день, въ одно время, слушаетъ въ церкви Святаго Лавреншїя. Ему сопутствовали Графъ Марколинъ и нѣсколько Каммергерговъ. Кто можетъ не уважать сего добраго Монарха, сего благороднаго характеромъ человека? Онъ имѣетъ сердце исполненное всѣхъ истинно высокихъ чувствъ: набожность его непришворная; каждый день со слезами истиннаго умиленїя молился онъ передъ олтаремъ Бога, и призываетъ Его къ себѣ и къ своимъ подданнымъ на помощь. Оба Императора показываютъ ему отличные знаки уваженїя; онъ всегда обѣдаетъ за Ихъ столомъ, вмѣстѣ съ Герцогомъ и Наслѣднымъ Принцемъ Веймарскими.

Вы желаете знать что - нибудь о самомъ Конгрессѣ? Но, любезный другъ, кто можетъ приподнять сей таинственный покровъ? Будемъ желать и надѣяться лучшаго.

На слѣдующей почтѣ напишу болѣе. Кареты ѣдутъ въ театръ: спѣшу видѣть Расинова Бришанника.

Х.

И з в ѣ с т і я .

Сообщаемъ Читателямъ Вѣстника прекрасную Рѣчь Графа Фоншана, говоренную имъ предъ прономъ Наполеона, въ присутствіи Чиновъ Французской Имперіи, отъ лица всѣхъ Членовъ Законодательнаго Корпуса, котораго онъ Предсѣдатель. Въ прошедшемъ Номерѣ нашего Журнала была напечатана Рѣчь самаго Императора, на которую слѣдующая служитъ отвѣтомъ:

„Законодательный Корпусъ приноситъ къ стопамъ Вашего Величества благодарность свою, которую раздѣляетъ съ нимъ весь народъ Французскій.

„И такъ величайшій изъ Полководцевъ находить предметъ болѣе высокій, болѣе достойный его, нежели самая побѣда. Государь! мы слышали изъ устъ Вашихъ великое слово: Что есть могущество, болѣе сильное, болѣе продолжительное, нежели самое могущество меча и брани — могущество закона и Государственныхъ учрежденій! Успавы, данныя мудростію Вашего Величества, простираются далѣе, нежели Ваши побѣды: двадцать народовъ, Вами благошворимыхъ, покоряющихся имъ безъ роптанія, ибо находятъ въ нихъ свою защиту, свою независимость, свое благоденствіе.

„Законодательный Корпусъ съ особливимъ чувствомъ долженъ торжесшвовати сїи мирныя побѣды, за которыми всегда слѣдуютъ благословенїя народовъ: законодательство и учрежденїе доходовъ Государственныхъ суть два предмета, ограничивающїе нашу дѣятельность; мы избраны Вашимъ Императорскимъ Величествомъ для воспановленїя общесшвеннаго порядка на развалинахъ обширной Имперїи, для сохраненїя богатствъ Государственныхъ среди опустошенїй войны кровопролитной. Вы были шворцемъ новой системы доходовъ, простой, швердой, и неподдерживаемой сими ложными средствами, имѣющими все непостоянство мѣнїи и произшесшвїи. Система сїя спольже неизшощима, какъ и самыя безчисленныя сокровища Вашей Имперїи. Естьли иногда обстоятельсшва затруднительныя могутъ сдѣлати необходимыми новыя налоги; шо въ слѣдсшвїи новоизобрѣшенной системы налоги сїи будутъ соопѣшшвенны нуждамъ, и прекратяшся вмѣстѣ съ ними. Будущее не будетъ пожираемо настоящимъ; за нѣсколькими годами блеска и славы не послѣдуетъ совершенное изнеможенїе Государсшва подъ бременемъ долговъ; и съ ушратою богатсшва народнаго, рождающаго революцїи, не будетъ опящъ разшворена ша ужасная бездна, въ которой гибнутъ и шроны и цѣ:

сшіе цѣлыхъ народовъ, и самыя народы. Сіи бѣдствія далеки отъ насъ: благо Французовъ хранился въ душѣ великаго Наполеона. Она воспламенилась при видѣ обширнаго семейства — такъ называете Вы, Государь, свою Имперію. Будучи увѣрены, что всѣ Ваши народы готовы ополчиться при одномъ Вашемъ мановеніи, Вы предлагаете миръ въ ту самую минушу, когда предводительствуете миліономъ воиновъ неустрашимыхъ. Съ симъ великодушнымъ намѣреніемъ искали Вы свиданія съ Императоромъ АЛЕКСАНДРОМЪ. Прежде, когда могущественныя Монархи сближались съ обоихъ концовъ Европы для бесѣды тайной, всѣ сосѣдственныя Державы приходили въ смятеніе: грозныя и гибельныя предвѣщанія были спутниками сихъ великихъ свиданій. Теперь — эпоха незабвенная вѣки! — два первые Монарха во Вселенной соединяютъ знамена Свои не для того, чтобы низринуть ее въ рабство, но для того, чтобы возвратить ей утраченное благоденствіе мира.

„В. И. В. произнесли слово: *пожертвованіе* — дерзаемъ сказать, что это слово довершаетъ всѣ Ваши торжества. Такъ! конечно, народы Франціи согласны съ Вами принять жертвованія, проливныя ихъ славѣ, на которой основана и Ваша; но, Государь, естьли есть средство

что-нибудь прибавить къ величію Вашему, то безъ сомнѣнія оно заключаеи-ся въ умѣренности его употребленія. Въ Васѣ видѣли мы силу, все покоряющую; и Вы же хотише представити намъ зрѣ-лище, болѣе восхитительное: силу, по-коряющую самое себя!

„Народъ, враждующій со всею Европою, желаетъ на время опдалити отъ Васѣ эпоху сей великой побѣды: внимая голосу мятежа и раздора, онъ выступилъ на берега твердой земли — но Вы ополчи-лись и готовы успремиться къ нему на встрѣчу, и Франція снова должна поше-рять своего Монарха, котораго присут-ствіемъ насладилась такъ мало въ послѣд-ніе годы. Вы оставяете насъ, Государь — и какая-то робость, внушаемая любовію, умѣряемая надеждою, обѣмлетъ сердца на-ши — мы знаемъ однако, что всюду сопут-ствуютъ Наполеону и щастіе и побѣда! Опечество посылаетъ свои благословенія за Вами въ слѣдъ; оно ввѣряетъ Васѣ вѣр-нымъ сынамъ своимъ, составляющимъ грозные Ваши легіоны! Такъ конечно! молитвы его будутъ исполнены! Уже не-устрашимые Ваши воины клянутся на об-наженныхъ мечахъ хранить сію драго-цѣнную главу, которая озарена такою славою, въ которой скрываются тайны всеправящаго жребія. Государь! Вы скоро

возвратишесь къ намъ съ торжествомъ! Рука, ведущая Васъ путемъ чудесъ на высоту человѣческой славы, не престанетъ сохранять Францію, споль долго еще имѣющую въ Васъ нужду!“ — Императоръ отвѣчалъ Президенту въ нѣсколькихъ словахъ: „И должность и собственное желаніе мое побуждаютъ меня предводительствовать моими войсками. Я нуженъ храбрымъ моимъ солдатамъ; но скоро возвращусь въ мою столицу. Благодарю Законодательный Корпусъ за тѣ чувства, которыя вы отъ лица его мнѣ представили.“

✱

Императоръ Наполеонъ оставилъ Парижъ; но прежде отвѣзда долго разговаривалъ въ своемъ Кабинетѣ съ Россійскимъ Министромъ Румянцовымъ, въ присутствіи Герцога Беневентскаго и Графа Шампаньи — вѣроятно, что сіи разсужденія относились къ переговорамъ съ Англіею, которые, по увѣренію Парижскихъ Журналовъ, должны въ скоромъ времени быть открыты. 29 Октябрия Наполеонъ выѣхалъ изъ Парижа; за нимъ послѣдовали Маршалы Сульшъ и Морисъ въ качествѣ Генераловъ Гвардіи. Слѣдующее путешествие съ чрезвычайною быстротою. 2го Ноября, въ 9 часовъ утра, прибылъ онъ на берега Дордонны, вышелъ изъ кареты, сѣлъ въ лодку, которая поспѣшно

перезезла его на другой берегъ, и не желая пошеряшь ни минушы времени въ ожиданіи своей кареты, вскочилъ на простую артиллерійскую лошадь, случившуюся на берегу, и менѣе нежели въ полчаса, не смотря на страшную грязь, причиненную проливными дождями, проскакалъ шесть миль до береговъ Гаронны, черезъ копорую, при громѣ пушекъ и звонѣ колоколовъ, переправился къ городской яхтѣ. Вышедъ на берегъ, онъ сѣлъ въ карету Бурдосскаго Префекта и поѣхалъ въ Императорскій Дворецъ, гдѣ отдохнулъ около часа, и между тѣмъ разговаривалъ съ Префектомъ: въ это же время допущены были къ нему Архіепископъ, бригадный Генералъ Бойонъ, и городской Меръ съ Адъюнктами. Послѣ завтрака Императоръ сѣлъ опять на лошадь, и выѣхалъ изъ города въ провожаніи великаго Дворцоваго Маршала, Адъютанта Бертрама и Бурдосской почетной Гвардіи. 3го Ноября, въ чешыре часа поутру, прибылъ онъ въ Байонну: пушечная пальба возвѣстила о томъ народу; всѣ Офицеры, Императорская Гвардія и другія войска, бывшія въ городѣ, тотчасъ пошли къ замку Мараку, въ которомъ находился Наполеонъ. — 4го Ноября вся Гвардія выступила изъ Байонны въ Испанію, и въ тотъ же день послѣ обѣда Наполеонъ выѣхалъ изъ сего города, что-

бы, переночевавши въ Ирунѣ, на другой день увидѣлись съ Королемъ Іосифомъ въ Вишторіи. 5 го Ноября Императорская главная квартира перенесена изъ Толозы въ Вишторію.

Теперь начнущая наступательныя дѣйствія Французской арміи, находящейся въ Испаніи. Увѣряютъ, что вся она должна быть раздѣлена на восемь корпусовъ, которыми предводительствуютъ Маршалы: Ней, Ланъ, Сультъ, Морпье, Витторъ и Монсей, Генералъ Сенъ Сиръ и Герцогъ Абрантскій (Жюно ; сверхъ того составлена запасная армія, которой предводительствуетъ Маршалъ Безье, и первое нападеніе должно быть сдѣлано на корпусъ Маркиза Романы. Въ Каталоніи находится 36,000 й корпусъ Французской арміи, которая наименована будетъ *наблюдательною*. Ею, какъ утверждаютъ, будетъ руководить Маршалъ Массена. Теперь она состоитъ подъ начальствомъ Генерала С. Сира, который перенесъ главную квартиру свою въ Фигюй-ру, и занимается образованіемъ своего корпуса, составленнаго изъ Французовъ и Италіянцевъ. Собщеніе между Барцеллоною и Фигюйерою восстановлено — послѣдній городъ, съ неприступною крѣпостію своею Санъ-Фернандо, служитъ главнымъ сборнымъ мѣстомъ для Каталонской арміи ; въ немъ же

находящаяся и ея магазины : часть національной гвардіи Восточно - Пиринейскаго Департаментша займетъ главные Пиринейскіе проходы , и будетъ хранить сообщеніе съ Фигюйерою. Барцеллоною начальствуетъ Генералъ С. Сиръ. — Наступательныя дѣйствія Каталонской арміи спростуются въ одно время съ дѣйствіями главной , и будутъ имѣть цѣлю Аррагонію , къ которой первая должна примкнуть къ лѣвому крылу послѣдней.

✱

Всѣ извѣстія о дѣлахъ Испанскихъ весьма невѣрны — онѣ вообще основаны на слухахъ, противорѣчащихъ однимъ другому. Въ Мониперѣ давно не пишутъ ничего о томъ , что происходитъ во внутренности Испаніи. Если имѣть довѣренность къ симъ частнымъ извѣстіямъ , то патриоты Испанскіе на всѣхъ сраженіяхъ съ Французами оспаютъ въ проигрышѣ. Генералъ Ласаль разбилъ 4000 ый отрядъ ихъ, составленный изъ студеновъ и монаховъ , которые приняли названіе *баталіона Ученыхъ*. Одни утверждаютъ , что Генералъ Монсей разбилъ Маркиза Роману при Бильбао , 31 Октября ; другіе напротивъ говорятъ , что сіе сраженіе происходило 26 Октября близъ Леріи. Въ *Journal de l'Empire* напечатано извѣстіе , что при Бильбао происходило между

Французами и патриотами упорное сраженіе, въ которомъ послѣдніе потеряли 4000 пѣнными, въ томъ числѣ двухъ Адьютантовъ Генерала Блена; а въ письмахъ изъ Байонны и Бурдо сказано, что Маршалъ Ней занялъ Бильбао, послѣ сраженія, въ которомъ Испанцы потеряли 3000 убитыми и ранеными и 800 пѣнными, и что самъ предводитель патриотовъ, Маркизъ Романа, тяжело раненъ. — Нынѣшніе Испанскіе Правители сушь: Донъ Луи Бурбонъ, Кардиналъ и Архіепископъ Толедскій, *Регентъ*; Графъ Флорида-Бланка, *первый Министръ*; Донъ Педро Кеваллосъ, *первый Тайный Совѣтникъ*; Донъ Гаспаръ Говелланосъ, *второй Тайный Совѣтникъ*; Донъ Франческо Сааведра, *Министръ финансовъ*; Донъ Грегоріо де ла Руэста, *Военный Министръ*; Донъ Антоніо Вальдесъ, *Министръ морскихъ силъ*; Кастаньосъ *Генералиссимъ*.

1 Ноября.

Картинка, приложенная къ сему Но, изображаетъ возвратившагося въ Италию Улисса въ ту самую минуту, когда собака его, узнавши въ немъ стараго своего Господина, умираетъ у ногъ его отъ радости. Это рисунокъ извѣстнаго Флаксмана. Смори *Одиссею*, Пѣснь 14, стихъ 37.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ДЕКАБРЬ, 1808.

№ 24.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

*Письмо къ Канцлеру отъ неизвѣ-
стнаго.*

Надѣюсь, что вы, милоспивый Государь, не назовеша меня дерзкимъ, естли позволю себѣ обезпокоить васъ письмомъ, кошорое заспавила написать меня любовь къ Философїи.

Мнѣ шеперь шестьдесятъ лѣтъ; съ молодости занимаюсь исканїемъ истинны, кошорая прельщаетъ меня вездѣ, гдѣ только предспавляешся моему разуму, но нигдѣ не предспавлялась она мнѣ споль разишельною, какъ въ вашихъ сочиненїяхъ. Я читалъ ихъ съ великимъ вниманїемъ, будучи уже свободенъ отъ многихъ предспавляемъ; перечитывалъ ихъ до шѣхъ поръ, какъ наконецъ хаосъ собственныхъ

моихъ мыслей разсѣялся, и мнѣнія мои пришли въ нѣкоторый порядокъ. Вообще, вы не сказали мнѣ ничего . совершенно для меня новаго; но вы образовали и обяснили для меня то , что было для меня еще темно, что , можно сказать , шайлось въ моемъ разсудкѣ, безъ всякой связи , безъ всякаго порядка. Вы дали мнѣ ключъ къ шѣмъ великимъ и шайнственнымъ понятіямъ , копорыя заключены для насъ въ священномъ ученіи Христовомъ. Благодарю моего Творца , допустившаго меня дожить до того времени , въ которое вы , благородный человекъ , явились на театрѣ мѣра и озарили его свѣшльникомъ своего Генія!

Предлагаю на ваше разсмотрѣніе отрывокъ изъ письма моего , писаннаго за нѣсколькѣ лѣтъ къ другу , копорому хотѣлъ я сообщить нѣкоторыя мысли, возбужденныя во мнѣ однимъ микроскопическимъ наблюденіемъ. „Ни одно доброе дѣло, ни одно доброе слово не могутъ погибнуть вшуне — шакъ писалъ я — награда несомнѣнна и неопшѣемлема , и мысль сія должна бытъ для насъ ободреніемъ. Мудрый дѣйствуетъ по должности, мудрѣйшій по уваженію къ должности. Онъ преклоняется передъ закономъ свяшости, вѣритъ въ Бога , и глубоко чувствуетъ Его величіе.“

„Одинъ изъ моихъ друзей показалъ мнѣ въ микроскопѣ, имѣ самимъ сдѣланный, маленькаго Вестъ-Индскаго червячка: сколь удивился я, увидя, что это мѣлкое, почти непримѣтное созданіе украшено превосходными перлами! Потомъ приложилъ я къ стеклу миньяшюрное изображеніе того же червячка, удивительно сходное и искусно сдѣланное — и какъ же удивился опять! Каршинка сія, столь прекрасная для простаго глаза, представлялась мнѣ въ микроскопѣ не инымъ чѣмъ, какъ безобразною смѣсью красокъ, смѣшанною каррикатурою превосходнаго оригинала. Вотъ заключеніе, которое вывожу изъ мыслей, возбужденныхъ во мнѣ сими предметами: идеалъ человека совершеннаго есть то же въ отношеніи къ нашимъ поступкамъ и дѣйствіямъ, что Натура въ отношеніи къ Искусству. Спрямленіе къ сему идеалу возвеличиваетъ душу, и непременно должно возвысить достоинство человеческое. Царство Божіе заключено въ васъ самихъ, говоритъ намъ великій Учитель Евангелія.“

Почтенный Мужъ! удостойте меня ошвѣтомъ — желаю знать, будете ли вы согласны съ моимъ мнѣніемъ; желаю, чтобы вы исправили и дополнили его собственными своими мыслями: наставленія ваши приму съ благодарностію, ибо съ

самыхъ молодыхъ лѣтъ привыкъ почитать своими благодѣтелями тѣхъ, которыхъ разсудокъ озарялъ для меня шемные пути истины.

Отвѣтъ Канта.

Продолжайте стремиться къ истинѣ, продолжайте укоренять въ разсудкѣ своемъ шѣ понятія, которыя не только успокоиваютъ душу здѣсь, но даже и всѣ мучительныя сомнѣнїя на счетъ будущаго въ ней изстребляютъ.

Я почиаю себя весьма щасливымъ, что мысли мои были *возбудителями* вашихъ, шавшихся прежде безъ порядка и связи у васъ въ головѣ: это единственный способъ прїобрѣтать ясное и основательное о вещахъ *познаніе*; мы понимаемъ только то, что можемъ производить сами; напрошивъ, не всегда бываемъ увѣрены въ томъ, чему научаемся единственно отъ другихъ, особливо ешьли дѣло идетъ о вещахъ отвлеченныхъ, хотя бы онѣ были впрочемъ для насъ и понятны.

Опрывокъ вашего письма къ другу доставилъ мнѣ величайшее удовольствіе. Ваше сравненіе червяка и рисунка, съ него снятаго, съ человекомъ (такимъ, на-

ковъ онъ есть теперь) въ разстояніи отъ идеала человечества (т. е. отъ того, что онъ можетъ и долженъ быть) и отъ цѣли, предположенной ему Провидѣніемъ, показалось мнѣ разительнымъ и новымъ.

Однимъ словомъ, благодарю васъ, любезный другъ, за ваше письмо, копорому я обязанъ нѣсколькими пріятными минутами: что можетъ быть усладительнѣе, какъ замѣчать иногда, что дѣятельностію своею производишь пользу! Скажу однако, что это сладостное чувство не рѣдко возмущается безразсудностію тѣхъ людей, которые нашли способъ сдѣлать и самыя просныя вещи трудными, воображая — подобно Докторамъ чрезмѣрно щедрымъ на лѣкарства — что сдѣланнаго ими добра слишкомъ мало, и обременя морально больныхъ предписаніями въры которыя уничтожаютъ въ нихъ и самый разумъ — единственный источникъ мысли.

Будьте счастливы, любезный другъ; въ стремленіи къ истинѣ! Сего желаю вамъ иопъ, копорый посвятилъ ей всю свою жизнь, копорый искалъ ея для пользы и счастья человека.

И. Кантъ.

II.

Остроуміе Ташкинца.

(Письмо къ Издателью изъ Сибири.)

Думаю, что слѣдующій анекдотъ можетъ доставить читателю нѣкоторое удовольствіе; прошу васъ помѣстить его въ своемъ Журналѣ. Если увижу, что онъ напечатанъ, то буду ободренъ доставлять вамъ и другія примѣчанія мои о Сибири (*).

Въ 1803 году, когда я проѣзжалъ изъ С. Петербурга чрезъ Каменской заводъ, ввѣренный моему смотрѣнію, посѣтилъ меня Ташкинскій Посланникъ, Визирь, Малладзанъ Да-Ханъ Мадгунъ. У меня случились гости, и между ими одна любезная, веселая, молодая Дама, Гжа. К... Вотъ забавный разговоръ, который произошелъ за кофеемъ между прекрасною Москвитяниною и смуглымъ Азіяшцомъ.

Гжа. К . . . (шутиливо) Я не люблю вашихъ земляковъ.

Ташкинецъ. За что, сударыня, позволите спросить?

(*) Издатель проситъ почтеннаго Г. Мамышева исполнить свое обѣщаніе. Ж.

Гжа. К . . . Ваша вѣра покровитель-
ешвуешъ многоженству — фи! . . .

Ташк. (сорвавъ съ горшка одинъ цвѣ-
токъ) Не правдали, сударыня, что эштоу
цвѣшокъ прекрасенъ?

Гжа. К . . . Очень!

Ташк. (сорвавъ и поднося къ носу
другой) И эштоу цвѣтокъ хорошъ же?

Гжа. К . . . Хорошъ.

Ташк. (срывая рослистую звезди-
жу) А эштоу, мнѣ кажется, ихъ всѣхъ
лучше и цвѣтомъ и запахомъ.

Гжа. К . . . Согласна.

Ташк. (сложивши въ три цвѣтка
въ букетъ) Но признайшесь, сударыня,
что они вмѣстѣ прѣяшнѣе и для глазъ
и для обонянїя — (съ лукавою улыбною
взглянувъ на *Гжу. К . . .* и подавая ей
букетъ, нѣжнымъ голосомъ) Но ежели бы
у меня, или другаго кого изъ моихъ зем-
ляковъ, была такая прекрасная жена, какъ
вы, сударыня: то конечно бы никогда не
подумали мы женишься на другой. . . .

Онъ непросвѣщенной!

Н. Мамышевъ.

III.

Жъ Фортунаѣ.

(Ода изъ Горация. Книга 1. — XXXV.)

Царица Анша скалъ высокихъ,
Однимъ возрѣніемъ могущая поднять
Ничтожность изъ долинъ глубокихъ,
И гордые во гробъ шріумфы низвергать!

Тебя мольбой обременяетъ
Везвѣстной селянинъ! Владычица морей,
Тебѣ богачь себя ввѣряетъ,
И стонущъ сонмы водъ подъ грузомъ кораблей;

Тебя среди полей премѣнныхъ
Блажитъ Дакіецъ, Скифъ! Тебя страшитъ
Римъ!

И матери Царей иноплеменныхъ,
И напыщенные величествомъ пустынь!

Пѣрфиросные, въ смущеньѣ
Дрожатъ, да не попрешь тяжелою стопой
Терпѣнья, опыта шворенье,
Гражданственной колоссъ; да бурною волной

Народъ, сей жалкой рабъ раздора,
Не хлынетъ къ мятежамъ — уснувшимъ
мятежамъ (*);

(*) Сія Ода сочинена была вскорѣ послѣ внутреннихъ мятежей въ Римѣ.

За ними въ слѣдѣ погибель скоро
Оплошамъ сильныхъ царствѣ, престоломъ и
градамъ.

Тебѣ предходитъ рокъ свирѣпый ;
Въ десницѣ мѣдяной ужаснаго блестяшѣ
Кинжалы , цѣпи и заклепы ;
Съ нимъ язва томная , съ нимъ шрусѣ , по-
шопѣ и гладѣ.

Съ тобой Надежда умиленна
И Вѣрность — рѣдкій гость въ юдоли слез-
ной бѣдѣ ;

Убрусомъ бѣлымъ покровенна ,
Она не слѣдуетъ за призракомъ суешѣ ;

Она одна не оставляетъ
Чертоги пышнаго , отъ коего твой взоръ
Внезапно , быстро отлетаетъ ,
Надъ коимъ изреченъ швой страшный при-
говоръ.

Свершилось ! Гдѣ предметъ хва-
ленья ?
Гдѣ ложная любовь ? Гдѣ дружба позднихъ
лѣтъ ?

Мы дѣлимъ чашу наслажденья ,
А къ чашѣ горести никто не подойдетъ !

Покрой , Богиня , силой многой
Вождя (*), несущаго въ края Бришански брань ,

(*) Августа , идущаго съ войною на Велико-
британію.

Младыхъ героевъ опытъ строгой,
Охотную любви ошечественной дань!

Ахъ! стыдно, стыдно видѣть раны,
Постыдные слѣды раздоровъ, мяшежей!

Куда не вшорглися пираны?
И что укрылося отъ лютоосци мечей?

Кто дерзкій Неба убоялся,
И руку грозную надъ жертвой удержалъ?

Кто предъ Свяшыней преклонялся,
И храмовъ божескихъ собой не осквернялъ?

Очистимъ сердце наше, длани!
Тамъ Мавръ, шамъ Массагешъ — герои,
полетимъ!

Въ кровавомъ вихрѣ правой брани
Враждой припупленцы булаты изостримъ!

Мрзлкъ.

IV.

Къ Нисѣ.

Повѣрь, о Ниса! мнѣ — романы
Одни прелестные обманы:
Какъ можно вѣкъ одну любить?
Мы грѣшны — любимъ перемѣну!
Здѣсь все должно *на время* быть!
За чшожь клянешь мою измѣну,

Въ досадѣ , другъ бывалый мой ,
Что я любилъ тебя сердечно
Лишь двѣ недѣли — а не вѣчно ?
Увы ! не долге весной
Цвѣшетъ и роза , другъ Зефира !
Теперь другаго ты пѣни !
Когдажь наскучитъ мнѣ Темира ,
Я вспомню тѣ щастливы дни ,
Которые провелъ съ тобою ,
Опять пѣнусь твоей красою ,
И снова , Ниса , всей душой
На мѣсяцъ , на два буду твой !

. . . . В. . . .

V.

Эпиграмма.

(На стихи къ Солнцу.)

Какими насъ морилъ несносными стихами
Вчерашній день Оргонъ ! Со скуки я дремалъ.
Ужь на небѣ видна была Луна съ звѣздами,
А онъ . . . все Солнце призывалъ.

. . . . В. . . .

VI.

Б е з д ѣ л к и.

Много скучныхъ людей въ обществѣ, но *волрошатели* для меня всѣхъ скучнѣе. Эти жалкіе люди, не имѣя довольно ума, чшобы говорить пріятно о разныхъ предметахъ, но въ то же время не желая прослыть и нѣмыми, дождашъ поминутно вопросами — въ спаша, или не къ спаша сдѣланными, опомъ ни слова. Не можно ли ихъ сравнить съ *бушошниками*, копорые ночью спрашиваютъ у всякаго прохожаго: *кто идетъ?* единственнo для того, чшобы показать, чшо они *шущъ*. Вольшеръ, вспрѣшясь однажды съ извѣстнымъ охотникомъ до пустыхъ вопросовъ, сказалъ ему: очень радъ, чшо имѣю удовольствіе васъ видѣть; но сказываю вамъ напередъ, чшо ничего не знаю.

*

Не понимаю, сказала недавно Селимена, съ копорою разговаривали о Петербургскихъ актерехъ, игравшихъ на Московскомъ Театрѣ, какъ здѣшняя Публика могла осыпать рукоплесканіями А. . . . ? — Чшо же находите въ эпомъ удивительнаго? отвѣчалъ ей Оргонъ; всякой гоповъ ласкашъ и обезьяну любимой женщины. Извѣстно, чшо А мужъ славной Филисы.

*

Одинъ остроумный мизантропъ — пишенъ Шанфоръ — разсуждая о развращеніи людей, сказалъ: Богъ послалъ бы намъ и второй пошопъ, когда бы увидѣлъ пользу отъ перваго.

*

Видѣли ли вы Французскаго Короля? спросилъ однажды Фридрихъ у д'Аламбера. — Видѣлъ, Ваше Величество, опѣвчалъ Философъ. — „Что же онъ вамъ сказалъ?“ — Онъ со мною не говорилъ. — Съ кѣмъ же онъ говорилъ? спросилъ Король съ досадою. —

*

Н. смертный сынъ бессмертныхъ Кліо, то есть Историкъ, и, надобно прибавить, Руской Историкъ, находился однажды въ обществѣ, въ которомъ разсуждали о Вольперѣ; всякой, своимъ образомъ, хвалилъ сего великаго писателя. Н. спорилъ со всѣми, наконецъ сказалъ: согласенъ, Государи мои: Вольперъ писалъ изрядно; вѣрше однако, что я никогда *не простилъ бы себѣ*, еслибы могъ усомниться, что напишу что-нибудь хуже его. Что же написалъ Г. Н.? Бредни о Руской Исторіи. Вѣроятно, что книга Іоанна Масона о познаніи самаго себя была ему неизвѣстна.

*

Галкинъ, добрый, но весьма простый человекъ, желаетъ прослыть пріятнымъ

хозяиномъ — и для того самымъ страннымъ образомъ угощаетъ гостей своихъ. На примѣръ, не умѣя съ ними разговаривать, онъ наблюдаетъ за каждымъ ихъ движеніемъ: примѣчаетъ ли, что одинъ изъ присутствующихъ желалъ бы кашлянуть, но не смѣетъ, опасаясь помѣшать поющей шутъ Дамъ, — и вмигъ начинаетъ, хотя и принужденно, кашлять громко и долго, дабы податься собою примѣръ; видитъ ли, что кто-нибудь уронивъ шляпу, очень отъ того покраснѣлъ, и тотчасъ самъ роняетъ столъ; пошомъ подходитъ съ торжественнымъ видомъ къ тому человѣку, для котораго испугалъ все общество снукоснею, и говоритъ ему: видишь ли, что сомною случилась еще большая бѣда? Но часто онъ ошибается въ своихъ наблюденіяхъ. На примѣръ, вчерашній вечеръ, когда мы всѣ сидѣли въ кружкѣ, онъ вздумалъ, не знаю почему, что мнѣ хочется встать, и вмигъ ошодвинулъ спулъ свой; но видя, что я не вспаю, садился и вставалъ по крайней мѣрѣ двадцать разъ, и всё понапрасну — и я нынче услышалъ отъ одного моего пріятеля, что онъ, говоря обо мнѣ, сказалъ: *онъ добрый милый; но, сказать между нами, уже слишкомъ кромень и стыдливъ.*

*

Иные любятъ книги, но не любятъ
Авторовъ — не удивительно: шопъ,
любятъ медъ, не всегда любятъ и пчелъ.

• • • • • В. • • •

VII.

Примроза и Оливье.

(Истинное происшествіе XII вѣка.)

Примроза, прелестная дочь Герцога д'Оль-
бана и Оливье, молодой, прекрасный
Рыцарь, любилъ другъ друга нѣжно; сердца
ихъ были невинны и чисты; но д'Оль-
банъ, честолюбивый и слишкомъ надмен-
ный своимъ богатствомъ, не хотѣлъ на-
именовать сыномъ прекраснаго Оливье,
котораго все богатство сославляли доброе,
исполненное любовію сердце, и мужество,
пренебрегающее всякую опасность и самую
гибель. — Опчаянный Оливье приходилъ,
во мракъ ночи, къ Примрозѣ. Просилъ! го-
ворилъ онъ ей: презираю жизнь, когда не
должно владѣть тобою. Я рѣшился — на-
вѣки оставляю опечесство; навѣки оста-
влю шопъ милый край, въ которомъ я
наслаждался любовію, въ которомъ судьба
лишила меня лучшихъ моихъ радо-
стей! Иду въ чужія земли — буду исканъ

смерщи подъ знаменами' какого - нибудь воюющаго Государя; умру на полѣ сраженія, и въ послѣднюю минушу произнесу имя незабвенной моей Примрозы! Прости навѣки! навѣки! — Примроза плакала, внимая словамъ своего Рыцаря. Прозьбы ея оспались щещны — Оливье, непреклонный, опчаянный, твердо рѣшился съ нею разлучиться и искашь смерщи посреди сраженія кровопролишнаго. Оливье, мой другъ, мой единственый другъ! — возкликнула Примроза, обливая слезами руку своего любезнаго — говори, что могу я для тебя сдѣлать? — Ты можешь за мною послѣдовать! опвѣчалъ Оливье: рѣшись, Примроза! Оспавъ неумолимаго, безжалостнаго опца — будь моею! — Произнесемъ наши клятвы передъ лицомъ Всевышняго Создашеля, Который самъ образовалъ насъ другъ для друга! Онъ ихъ услышитъ, Онъ благословитъ непорочный союзъ нашъ, и мы будемъ щасливы. Такъ, Примроза! намъ опредѣлено дѣлаться жизнью! И можешь ли позабышь прежнюю любовь нашу? Нѣтъ, мой другъ — ты будешь виновна и несчастна! Ты будешь во всю свою жизнь упрекать себя моею смерщю. . . . Онъ умолкнулъ; ужасная скорбь спѣснила его душу, въ груди его спиралась спенанія. Примроза стояла какъ пораженная громомъ: предло-

женіе оставишь отца, оставишь родительской домъ, привело ее въ ужасъ; она опустила руку Оливье, которую прежде прижимала съ спраспною любовію къ сердцу. Въ душѣ ея вопіялъ голосъ Природы, въ глазахъ ея изображалось опчаяніе. Оливье бросился на колѣна, въ послѣдній разъ поцѣловалъ руку ея — навѣки, Примроза! воскликнулъ онъ, усшремивъ на нее горесшный взоръ, и удалился... Ахъ, душа Примрозы не могла прошивишься сему могущесшвенному взору. Я швоя, Оливье! воскликнула прекрасная, бросясь къ нему въ объятія. Они лешащъ. Мракъ ночи скрываетъ ихъ бѣгство, и въ полночь доспигающъ они одной уединенной церкви: священникъ принялъ у олшаря Божія ихъ кляшвы, которые шакъ часто произносили они передъ лицемъ Небесъ; но увы! Небеса не хотѣли благословишь сего союза, произведеннаго любовію, вопреки волѣ родительской.

Герцогъ д' Олбанъ, узнавши о похищеніи дочери своей, немедленно послалъ за нею погоню — любовниковъ насшигли; напрасно Оливье съ опчаяннымъ мужесшвомъ защищаль свою супругу; ихъ разлучили. Оливье, съ глѣбокою раною на груди, лишенный чувствъ, облишый кровію, оставленъ былъ за-мершво въ глубинѣ лѣса —

добродушный пустынный, который обиталъ въ этомъ уединенномъ мѣстѣ, поднялъ его, отнесъ въ свою хижину, перевязалъ ему раны и спасъ его отъ неминуемой смерти.

Примроза — печальная, прелещущая — представлена была передъ лицемъ развращеннаго родителя: неумолимый д'Ольбанъ плакалъ отъ бѣшенства и мщенія. Щастливъ твой похищитель — восклицалъ онъ, сверкая взоромъ — что смерть избавила его казни, мучительной и поносной! Примроза молчала; и что могла она сказать жестокому, который принуждалъ ее даже радоваться, что милаго рыцаря ея не было уже на свѣтѣ? Но черезъ нѣсколько дней приходитъ въ замокъ д'Ольбановъ старый пиллигримъ — его представляютъ Примрозѣ. Оливье, нѣжный супругъ твой, живъ, сказалъ онъ ей въ полголоса; онъ дышитъ для тебя! молись, Примроза, чтобы Небеса смягчили жестокосердаго твоего родителя. — Душа Примрозы оживилась. Скрывайся, мой другъ — оповѣчала она черезъ пиллигрима своему рыцарю — отецъ мой тебя погубитъ, если узнаетъ, что ты еще живъ! Небо милосердо! бытъ можешь; и намъ суждено узнать нѣкогда щастіе.

Уже Примроза носила подъ сердцемъ плодъ тайнаго союза своего съ Оливье. Надлежало укрыться отъ взоровъ д' Олбанана — она уѣхала, съ позволенія Герцога, въ замокъ старой Графини Монбаръ, пріятельницы ея матери, которой извѣстна была ея тайна, которая любила ее, какъ дочь, которая сама желала, чтобы Рыцарь Оливье былъ ея супругомъ. Отецъ, надѣясь что перемена мѣста разсвѣтъ грусти Примрозы, не спалъ прошившись ея отъѣзду — онъ былъ увѣренъ, что Оливье умеръ отъ своей раны.

Въ семъ уединенномъ замкѣ, подъ кровомъ благодѣтельной дружбы, Примроза произвела на свѣтъ прелестнаго сына — она проводила дни и ночи у колыбели его; сама кормила его грудью; не рѣдко орошала горестными слезами, и всякой день молила Создателя, чтобы Онъ благословилъ сѣе невинное твореніе. Часто во мракъ ночи видалась она съ Оливье, вмѣстѣ съ нимъ любовалась на милаго своего младенца, вмѣстѣ съ нимъ молилась у колыбели его и плакала, воображая, что жизнь его начиналась несчастіемъ. Милое дитя — говорила Примроза такимъ голосомъ, который прогаль душу, — будь щасливѣе твоихъ родителей! Ахъ! да избавишь тебя Свяшій Промыслъ отъ тѣхъ стра-

даній, которыми оправлены лучшіе дни моей жизни! Тогда Оливье, исполненный любви и скорьби, сжималъ ее въ своихъ объятіяхъ. Онъ укорялъ себя всѣми нещасіями Примрозы — но Примроза утѣшала его ласкающимъ взоромъ; она спѣшила сокрышь свои слезы; она отвѣтствовала на скорьбу его нѣжною улыбкою.

Прошло нѣсколько мѣсяцовъ послѣ рожденія маленькаго Леонара — никто не зналъ о немъ, никто, кромѣ Примрозы, Рыцаря Оливье и старой Графини Монбаръ. Его уносили въ отдаленныя комнаты всякой разъ, когда Герцогъ д'Ольбанъ или который-нибудь изъ родственниковъ его посѣщали замокъ. Въ одинъ вечеръ — не успѣлъ Оливье разлучиться съ Примрозою, какъ ей послышался голосъ грознаго д'Ольбана; она оцѣпенѣла . . . мечшашъ слышать шумъ оружія и вопли . . . „Онъ погибъ!“ возкликаетъ она въ отчаяніи . . . шрепещетъ . . . разсудокъ ея помутился . . . шумъ приближается . . . идушъ . . . это Герцогъ д'Ольбанъ! . . . Куда бѣжать? . . . гдѣ скрышся? . . . какъ спасти отъ него младенца, который лежалъ, почивая спокойнымъ сномъ, въ рукахъ ея? . . . Окошко отворено . . . они уже у дверей . . . Примроза, бѣдная Примроза! въ безпамятствѣ, сама не зная что дѣлаетъ, бѣжитъ она къ

окну и бросаетъ въ него своего сына . . .
Въ эту ужасную минуту она опомни-
лась . . . видитъ , что на рукахъ ея нѣтъ
уже младенца . . . видитъ передъ собою
отца . . . узнаетъ свое преступленіе, и съ
страшнымъ воплемъ, бездыханная, па-
даетъ на полъ къ ногамъ д'Ольбана. Гер-
цогъ, чрезвычайно изумленный, требуетъ
помощи. Примрозу опрыскиваютъ спирта-
ми; она открываетъ глаза, но съ какимъ
чувствомъ! Горестъ возвратила ей силы; всѣ
удалились думая, что она имѣетъ нужду въ
покоѣ; она пользуется минутою свободы; . . .
бѣжитъ изъ замка; находитъ своего сына
мертвого, съ разбитою о камень головою,
орошеннаго кровію; бросается къ нему въ
изступленномъ отчаяніи, прижимаетъ ко
груди окровавленные оспашки его, цѣлуетъ
ихъ, орошаетъ слезами, и вмѣсто того,
чтобы возвратиться въ замокъ, бѣжитъ
въ сосѣдственный городъ, прямо въ суди-
лище, и представляется судьямъ, блѣд-
ная, съ смутными взорами, съ разбро-
санными въ безпорядкѣ волосами, обогрен-
ная кровію своего сына. Правосудія! пра-
восудія! — восклицаетъ она, сбросивъ
покрывало съ обезображеннаго трупца —
это мой сынъ! и я его убійца! Всѣ при-
судившіе оцѣпенѣли отъ ужаса. При-
мроза продолжаетъ себя обвинять, по-
дробно описываетъ свое злодѣйство, не

говоритъ ни слова о тѣхъ обстоятель-
ствахъ, которые могли бы его извинить,
и требуетъ казни.

Въ эту минушу входитъ въ судили-
ще Рыцарь д'Ольбанъ; какое зрѣлище для
очей родителя! — дочь, терзаемая отчая-
нїемъ, обогрѣнная кровїю, обвиняющая са-
мое себя въ убійствѣ! Въ ея объятїяхъ мер-
твое дитя — это ея сынъ и сынъ, умерщ-
вленный невинною матерью! Примроза,
увидя отца, закрыла руками лице свое;
онъ хочетъ къ ней подойти, хочетъ при-
жать ее къ сердцу — она содрогается и
падаетъ къ ногамъ его безъ памяти. Ей воз-
вращаютъ чувства; она требуетъ, чтобы
удалили ея несчастнаго родителя. Его уво-
дятъ — горестнаго, мучимаго жестокимъ,
но увы! уже бесполезнымъ раскаянїемъ.

Пресупленїе Примрозы могло бытъ
извинительно передъ глазами человека;
но строгое правосудїе не принимаетъ ни-
какихъ оправданій: невинную убійцу за-
ключили въ темницу. Скоро повсюду раз-
пространились слухи о ея несчастїи. Оливье
прибѣгаетъ къ темницѣ, требуетъ, что-
бы ему показали Примрозу; темничныя
двери отворились. Боже! какое зрѣлище!
онъ видитъ супругу свою, прежде прелест-
ную и царшущую какъ роза, теперь изну-

ренную скорбію; глаза ея тусклы; щени покрывши блѣдностію преступленія — охъ хочешъ успремисься въ ея обвѣщія. Остановись — восклицаетъ Примроза — ты видишь предъ собою убійцу своего сына! оставь несчастную, которая заслуживаетъ смерть и ждеши ея какъ блага! откажись отъ меня, да не падешъ на тебя мое преступленіе! Оливье, Примроза для тебя уже не существуетъ; ты долженъ разлучиться съ нею навѣки; память ея покрывша будешъ поношеніемъ, могила обременена проклятіями. . . . Но, мой другъ! она жила для тебя, она почиала своимъ блаженствомъ нѣжную свою любовь, и нѣкогда — была ея достойна! одна минута: . . . минута забвенія и ужаса! но Оливье, ты едва успѣлъ меня оставить, и вдругъ — слышу голосъ моего раздраженнаго отца, стукъ оружія, воображаю тебя умерщвленнымъ, плавающимъ въ крови . . . глаза мои помутнились . . . я потеряла рассудокъ . . . Боже! о Боже! могли продолжаться? . . . Нѣтъ, Оливье! ты знаешь, что я тысячу разъ цѣною собственной своей жизни спасла бы драгоценную жизнь моего младенца . . . сердце мое не имѣетъ участія въ семъ преступленіи . . . оно и теперь невинно! Ахъ! могла ли я ожидать такого жребія! — Слезы полились ручьями изъ глазъ Примрозы. — Оставь

меня, Оливье, сказала она, удались! я не имѣю силъ переносить своего присутствія! прости, несчастный! мы никогда, никогда не увидимся... Но прошу тебя, да не будетъ для тебя ужаснымъ воспоминаніе о Примрозѣ! — Оливье побѣжалъ изъ темницы, перзаемый спрашною горестію; Примроза проводила его взоромъ — поперявъ его изъ виду; она бросилась на колѣна, подняла къ Небу свои руки, и молила его послать утѣшеніе осиротѣвшему ея супругу.

Строгій законъ осудилъ Примрозу на смерть. — Могу ли изобразить состояніе отца ея, перзаемаго раскаяніемъ! Примроза видѣла его слезы — она внимала его благословеніямъ, приговорясь разлучиться съ нимъ навѣки.

Наступила минуша казни. Глаза Примрозы искали Оливье, но Оливье не являлся. — Гдѣ онъ? спросила она. — Ей отвѣчали молчаніемъ. Ахъ! понимаю, воскликнула Примроза, его уже нѣтъ! О мой Оливье! ты первый встрѣтишь меня за предѣлами жизни! . . Примроза не обманулась; ошчаяніе умершвило ея супруга. Она съ шрепещущимъ отъ радости сердцемъ услышала стукъ запоровъ, снимаемыхъ съ темничной ея двери. Эшафотъ былъ уже воздвигнутъ. Уже безчисленная толпа на-

рода его окружала. Примроза взошла на него спокойно: присутствіе смерти какъ будто усмирило ея спраданіе. Никто не могъ смотрѣть на нее безъ слезъ: одни закрывали глаза, другіе простирали къ ней руки, иные рыдали: она посмотрѣла на предстоявшихъ съ улыбкою; простерла руки къ небесамъ, какъ будто увидя вдали зовущія ея милыя тѣни, и черезъ минушу — ея не стало:

(Съ Французскаго.)

VIII.

Лиммерикскія перчатки.

(Повѣсть Гжи. Эджеворлъ.)

Былъ воскресный день — колокола каедральной Герфорпской церкви звонили къ проповѣди; на улицахъ толпились богомольные люди. Госпожа Гилль! Госпожа Гилль! Бешпи! Бешпи! гоповы ли вы? Совсѣмъ почти опзвонили, мы опоздаемъ: развѣ забыли вы, чшо я церковный сшаросша? — Такъ кричалъ господинъ Гилль, кожевникъ, стоя на послѣдней ступенькѣ лѣстницы, съ просшю и шляпою въ рукахъ, въ ожиданіи жены и дочери.

Я готова, бапюшка, сказала Бешпи, проворно сбѣжавши съ лѣспницы. Она была такъ прїятна, такъ свѣжа и такъ хорошо одѣта, что отецъ, посмопрѣвши на нее, не могъ не улыбнуться, смягчилъ голосъ и только сказалъ, увидя, что она еще не надѣла перчатокъ: напрасно, мой другъ, ты останавливалась за перчатками, ихъ можешь надѣсть дорогою.

А по моему мнѣнїю — сказала госпожа Гилль, которая тихо сходила съ лѣспницы, одѣтая въ праздничное платье, въ огромной соломенной шляпѣ съ ужаснымъ пунцовымъ бантомъ — и совсѣмъ не должно бы было ей надѣвать этихъ перчатокъ!

„Я не понимаю — сказалъ господинъ Гилль — почему эти перчатки находишь дурными. Перчатки какъ перчатки, лайковые, бѣлыя. Но будемъ говорить объ этой машерїи послѣ. Пора къ обѣднѣ.

Господинъ Гилль подалъ женѣ и дочери руны — но Бешпи еще не надѣла своихъ перчатокъ; а госпожа Гилль сердилась и била себя по носу опахаломъ.

Знаю — ворчала госпожа Гилль — знаю, что всѣ мои слова счищаются за ни-

что ; но я умѣю разсуждать о вещахъ не хуже другихъ, а можетъ бышь и лучше ! на примѣръ, не я ли прошлаго году предсказала тебѣ, что нашу большую собаку украдутъ ? не я ли первая замѣшила, что стѣны нашей кафедральной церкви начинаютъ обваливаться ? Тебѣ бы никогда не пришло въ голову объ этомъ подумать, хопя считаешься и спаросшою церковнымъ !

„Но, ради Бога, разтолкуй мнѣ, какую связь имѣютъ Бешшины перчатки съ большою нашею собакою и съ шрециною на стѣнѣ кафедральной нашей церкви ?“

Слѣпой человекъ ! развѣ ты не примѣшилъ, что эти перчатки Лиммерикскія ?

„Примѣшилъ, и всё еще себя не понимаю, сказалъ господинъ Гиль, понизивъ голосъ — таково было его обыкновеніе, когда супруга его начинала сердиться, и когда еще онъ самъ не вышелъ изъ шерпѣнїя.“

Странной человекъ ! но развѣ ты забылъ, что Лиммерикъ городъ Ирландскій ?

„Помню!“ —

Спало бышь ты обрадуешься, когда наша кафедральная церковь, въ которой ты староста, взлетишь на воздухъ, и когда кто, кому удастся подорвать ее, женишься на своей дочери?

„Боже избави насъ отъ такого несчастія! воскликнулъ господинъ Гилль, перемѣнившись въ лицѣ — онъ остановился, чтобы поправить парикъ свой, который свѣхалъ на правое ухо. Но, госпожа Гилль, продолжалъ онъ, я не вижу, что заставляешь васъ имѣть такое подозрѣніе?“

Не видишь? не видишь? мало ли чего ты не видишь, другъ мой! Ты только другихъ умѣешь называть зѣваками или слѣпыми! Прошлаго году я же тебѣ совѣтовала беречь нашу большую собаку — но ты меня не послушалъ! То же будешь и съ церковью.

„Душа моя, божусь Богомъ, не понимаю ни одного твоего слова: Говори яснѣе, прошу тебя!“

Яснѣе? Бешши можешь говорить съ собою яснѣе. Спроси, отъ кого получила она перчатки?

„Отъ кого, Бешши?“

Башюшка! меня подарилъ ими господинъ Бріанъ О'Неиль! отвѣчала Бешши, пошупивъ глаза и покраснѣвши.

„Ирляндской перчаточникъ?“ воскликнулъ отецъ съ ужасомъ.

Что скажешь теперь? Обманулась ли я, или нѣтъ? спросила госпожа Гилль.

„Сей часъ сними эти перчатки, Бешши! Я видѣлъ своего Бріана одинъ только разъ въ жизни, но право не могу его шептѣть: онъ Ирландецъ. Говорятъ тебѣ, сними перчатки!“

Но, башюшка, я не взяла съ собою другихъ.

У меня есть въ запасъ шелковыя, воскликнула госпожа Гилль, вынимая изъ кармана старинныя шелковыя перчатки, съ прорѣзанными пальцами, замаранныя и чрезвычайно широкія.

Но скажите, башюшка, развѣ Ирландецъ не можешь быть честнымъ человекомъ? спросила Бешши.

Господинъ Гилль не отвѣчалъ ни слова.

Они пришли въ церковь. Теперь не время думать объ Ирландцахъ и Англичанахъ, шепнула госпожа Гилль на ухо своей дочери; помни, что тебѣ надобно,

сидя въ церквѣ, показывають людямъ, что ты дочь церковнаго старосшы.

Не почишаемъ за нужное говоришь о тѣхъ коварныхъ насмѣшкахъ, которыя были сказаны молодыми сосѣдками на счетъ старинныхъ Бештиныхъ перчатокъ. Господинъ Гилль, какъ церковный староста, пошелъ послѣ проповѣди осматривать проломъ, о которомъ говорила ему жена: онъ нашелъ въ фундаментѣ церкви скважину, величиною въ кулакъ, и небольшую щель, на которую долго смотрѣлъ въ размышленіи, попирая лобъ и нюхая шабанъ; между тѣмъ госпожа Гилль прохаживалась по кладбищу и хвасталась передъ сосѣдками, что не позволила своей дочери носить перчатокъ Ирландской фабрики.

Бешти пошла домой, будучи очень печальна, и не понимая, какъ можно ненавидѣть человека единственно потому, что онъ Ирландецъ, и отъ чего мать ея говорила такъ много о пропавшей собакѣ и проломѣ въ стѣнѣ церковной. Не ужли, думала Бешти, воображаетъ она, что господинъ Бріанъ О'Неиль укралъ собаку, или что онъ имѣетъ намѣреніе подорвать кафедральную церковь? Въ эту минушу она поравнялась съ развалинами одного дома, ко-

шорья напомнили ей, что она увидѣла господина Бріана въ первый разъ во время пожара, въ кошоромъ онъ оказалъ многимъ несчастнымъ великія пособія. Она вспомнила также, что давно не посѣщала вдовы Смитъ, у кошорой сгорѣлъ домъ, и кошорая отъ бѣдности жила въ тѣсной лачугѣ. Бешпи имѣла въ карманѣ ефимокъ; она хотѣла заплашеть за билетъ въ театръ, но рѣшилась пожертвовать имъ вдовѣ Смитъ: пошла къ ней, и къ величайшему своему удивленію нашли въ домѣ ея господина Бріана О'Неиля.

Я думала, что ты одна, сказала Бешпи, покраснѣвши. Господинъ Бріанъ поклонился ей. Бешпи начала разговаривать съ госпожею Смитъ, вложила ей въ руку ефимокъ и ушла, давши слово посѣтить ее очень скоро опять. Господинъ О'Неиль, удивленный холоднымъ обращеніемъ Бешпи, послѣдовалъ за нею.

Скажете, Бешпи, не имѣлъ ли я несчастія сдѣлать что-нибудь для васъ непріятнее? спросилъ онъ, смотря съ удивленіемъ на Бешпины шелковыя перчатки.

Нѣтъ, сударь, я не имѣю ни права, ни причины сердиться на васъ! Но бабку-

шя и мапушка, не знаю почему, расположены къ вамъ очень дурно. Они запретили мнѣ надѣвать Лиммерскія перчатки, копорыми вы меня подарили.

Но я надѣюсь, что любезная Бешпи не переменитъ своего мнѣнїя о томъ человѣкѣ, копорый привязанъ къ ней отъ всего сердца, единственнo пошому, что ея родители, безъ всякой причины, перестали бытъ къ нему благосклонными.

Но я еще не имѣю никакого о васъ мнѣнїя, господинъ Бріанъ: какъ же могу переменить его?

Вы познакомишесь со мною короче; вы ошадите мнѣ справедливостъ! Башюшка и мапушка ваши расположены ко мнѣ дурно — эшо самое усиливаетъ во мнѣ желанїе заслужить вашу любовь, а имѣ доказатъ, что я не похожъ на многихъ изъ земляковъ моихъ, копорые прїѣзжаютъ сюда только за тѣмъ, чтобы обманывать легковѣрныхъ женьщинъ, имѣющихъ по нещасїю богатое приданое. Теперь намѣренїе мое вамъ извѣстно, любезная Бешпи — снимите же, прошу васъ, эти смѣшныя перчатки и надѣньте мои! Я надѣюсь, что вы не откажетесь сдѣлать мнѣ эшо маловажное удовольствїе!

Вы слишком много надѣетесь господинъ О'Неиль! Я никогда, въ угодность вамъ, не соглашусь прошивиться волю моихъ родителей.

Ахъ, Миссъ Бетши, воскликнулъ Брїанъ, могъ ли я вообразить, чтобы вы были такъ переменчивы? Онъ удалился, сдѣлавъ ей низкій поклонъ.

Въ слѣдующій понедѣльникъ Миссъ Женни Браунъ, дочь парикмахера, пришла навѣстить Бетши.

Не правда ли, что намъ будетъ очень весело? спросила она, входя въ комнату и бросая на столъ свою соломенную шляпку.

Отъ чего весело? спросила Бетши печальнымъ голосомъ.

Что съ тобою сдѣлалось? Ты очень грустна! развѣ тебѣ не позволяющъ ѣхать на балъ?

На какой балъ? спросила Госпожа Гиль съ любопытствомъ.

„Чудное дѣло! Но развѣ господинъ О'Неиль не прислалъ къ вамъ билета? Развѣ не получили вы Лиммерикскихъ перчатокъ?“

... „Какая связь между Лиммерикскими перчатками, билетом и балом?»

Я вижу, что вы ничего не знаете! Господин О'Неилль при каждом билете разослал по паре перчаток Лиммерикских. Если Бешши не победит на балу, то я уверена, что он откроет его со мною!

Через полчаса Женни ушла. Госпожа Гилль и Бешши долго смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Нынче поутру, сказала Бешши, принесли мне записку; но я не приняла ее, потому что адрес подписан был рукою Господина О'Неилля.

Надобно знать, что Бешши рассказала уже матери о встрече своей с господином Брианом послѣ обѣдни. Это перебило несколько ее мыслей на счет Ирландца. Госпожа Гилль имѣла доброе сердце; главный порок ее состоялъ въ томъ, что она чрезмерно желала казаться проницательнѣе другихъ. Она мучилась мыслию, что Женни можетъ засшупить мѣсто ей дочери на балу; прежде она пренебрегала привязанностию Господина О'Неилля къ Бешши, потому что была въ ней уверена; но теперь, вообразивъ, что сосѣдка ея, парикмахерова жена, можетъ выдать свою

дочь за О'Нейля, начала смотрѣть на него совсѣмъ другими глазами.

Надобно объ этомъ подумать, Бетти, сказала госпожа Гилль. Въ той запискѣ, которую ты не приняла давеча поутру, конечно приглашали тебя на балъ. Надобно ѣхать, Бетти — можно ли стерпѣть, чтобъ Женни открыла вмѣсто тебя балъ съ господиномъ О'Нейлемъ. Я сама теперь начинаю думать, что онъ не бродяга Ирландскій, что не онъ укралъ нашу собаку, что въ церковь проломъ сдѣланъ не имъ, что онъ никогда не имѣлъ намѣренія взорвать ее на воздухъ, и что наконецъ онъ заслуживаетъ вниманіе особенное, пошому, что можетъ давать балы и при билетажѣ. разсылашь Лиммерикскія перчатки. Послушай, Бетти, я позволяю тебѣ ѣхать на балъ въ перчаткахъ, подаренныхъ тебѣ Господиномъ О'Нейлемъ: мнѣ и самой надобно повидаться съ его матерью, копорой я еще не заплатила визита. Мы увидимъ, будетъ ли танцовать вмѣсто тебя болтливая Женни. Теперь пойду къ твоему отцу — надобно у него спроситься.

Но Госпожа Гилль въ сожалѣнію своему скоро увидѣла, что супругъ ея вѣрно держался своего мнѣнія и непременно хотѣлъ бышь увѣренъ, что Господиномъ Врѣномъ похищена собака, и

заговорщикъ прошивъ кафедральной . его церкви. Онъ сообщилъ уже свои подозрѣнія тому клубу, въ которомъ былъ членомъ; одни увѣряли его, что онъ бредитъ; другіе — и большая часть — почитая невозможнымъ, чтобы Римской Каполикъ могъ быть честнымъ человекомъ, соглашались, что Господинъ Бріанъ О' Неиль человекъ подозрительный; что онъ пріѣхалъ въ Герфордъ не извѣстно за чемъ; что у него множество денегъ, а откуда онъ ихъ беретъ, не знаютъ; и что наконецъ необходимо должно имѣть надъ нимъ строгій надзоръ.

Господинъ Гилль, услышавъ о балѣ, тотчасъ сообразилъ, что онъ не иное что, какъ хитрая выдумка заговорщиковъ.

А! а! воскликнулъ Господинъ Гилль: этакъ Ирландецъ не глупъ! Онъ хочетъ усыпить насъ своими пирушками; онъ хочетъ насъ вздернуть на воздухъ въ ту самую минуту, когда мы будемъ заняты одними весельями. Хитрецъ! но ему не удастся насъ обмануть! Я побѣдѣлъ старостою церковнымъ! Я спасу моихъ согражданъ отъ страшной опасности, имъ угрожающей! Слышишь ли, Ревекка? Запрещаю Бешпи и думать о балѣ, запрещаю ей носить Лиммерикскія перчатки; которыя подарилъ ей этакъ опасный заговорщикъ — прошу

васъ обѣихъ дѣлать безъ всякаго премо-
словія то, чшо я почну необходимымъ
вѣрше моей пышности, я въ эшомъ дѣ-
лѣ знаю гораздо болѣе васъ. — Госпожа
Гилль возвратилась къ дочери, въ вели-
комъ недоумѣнїи, увѣренная рѣшительнымъ
тономъ супруга своего, чшо заговоръ, ею
самою выдуманый, шочно существуетъ;
она побѣжала къ сосѣдамъ и рассказала
каждой за тайну то, чшо было ей извѣ-
стно о семъ великомъ дѣлѣ.

Бешпи покорилась безъ роптанія во-
лѣ своихъ родителей, но въ сердцѣ ея
была сокрыта нѣжная привязанность къ
О'Неиллю, который въ самомъ дѣлѣ былъ
человѣкъ достойный уваженія и любви.
Вдова Смишъ прислала къ ней маленькую
свою дочь, чшобы поблагодарить за то
пособіе, которое она ей сдѣлала. Миссъ
Луиза много рассказывала ей о Господинѣ
Брїанѣ, который былъ чрезвычайно добрѣ
и ласковѣ и благодѣтельствовалъ имъ со
времени ихъ несчастія. Бешпи слушала
съ удовольствіемъ похвалы О'Неиллю; она
пошла въ камодѣ, вынула леншу и пода-
рила ее маленькой Луизѣ. Лиммерикскія
перчатки представились ея глазамъ — она
вздохнула, сорвала съ горшка розу, ощи-
пала листья, осыпала ими перчатки и на-
крыла ихъ бѣлымъ плашкомъ.

Между тѣмъ Господинъ Гилль бесѣдовалъ съ важными полишинами своего клуба — всѣ они согласно признались, что кафедральной Герфортской церкви угрожаетъ опасность. Всѣ обстоятельства были приняты въ разсужденіе: этотъ балъ, на которомъ будутъ танцовать до упаду, эти перчатки, которыя раздаются даромъ при билетахъ, можетъ быть пощому, что Господинъ Бріанъ не имѣетъ нужды ихъ продавать — все казалось столь подозрительнымъ, что развѣ одинъ сумасшедшій могъ бы не признасть въ О'Неилѣ тайнаго непріятеля Англичанъ и Религїи, выдающаго себя за перчаточника Ирландскаго. Заключили, что всего безопаснѣе посадить его въ шюрму — надлежало только найти законный предлогъ.

О'Неиль въ плашежѣ долговъ своихъ не имѣлъ той строгой точности, какою отличаются обыкновенно Англійскіе купцы; онъ задолжалъ хлѣбнику и поршному; и далъ имъ векселя на шесть мѣсяцевъ срокомъ. Эти векселя куплены были Господиномъ Гиллемъ; срокъ вышелъ, положено было задержать Господина О'Неиля, если онъ не будетъ въ состоянїи заплащать деньги въ ту самую минушу, въ которую ихъ попребуютъ. — Повѣренный Господина Гилля приходитъ къ Бріану требовать плашежа; но Бріанъ, бу-

дучи занявъ пригошовленїями къ балу и удивленный, что видявъ въ чужихъ рукахъ свой векселя, сказалъ въ сердцахъ, что не имѣетъ ни шиллинга денегъ, и что ему не время теперь заниматься такимъ вздоромъ. Повѣренный пересказалъ Господину Гиллю слово ошъ слова опвѣтъ Бріана.

Послѣ бала О'Неиль пошелъ провожать пѣшкомъ Миссъ Женни, парикмахерову дочь. Къ нему приближается человекъ, бьетъ его по плечу и говоритъ: государь мой, ошъ имени Короля беру васъ подъ стражу! — Врешь, бездѣльникъ! воскликнулъ Бріанъ: это плушки проклятаго Гилля! одинъ онъ способенъ обидѣть честнаго человека за такую малость! На улицѣ сдѣлался страшный шумъ; множество народа сполпилось вокругъ Бріана; Ирландскіе работники хотѣли всшупишься за своего земляка; началась - было драка, но Бріанъ все успокоилъ своимъ благоразумїемъ; онъ послѣдовалъ за полицейскимъ, а между тѣмъ послалъ къ своей матери просить, чтобы она какъ можно скорѣе нашла за него поруку.

Госпожа О'Неиль шушила свѣчки, оставшіяся послѣ бала, когда пришли ей сказать о несчастїи, приключившемся ея любезному сыну. Не шрудно, подумала она,

сыскашь поруку между людьми, которые за нѣсколько минутъ веселились и танцевали въ моемъ домѣ: но танцевать и быть порукою великая разница. Госпожа О'Неиль узнала это на самомъ опытѣ. Всѣ ея прїятели отказались отъ поручительства подъ разными предлогами. Что дѣлать? Скорѣе посылашь къ ростовщику, закладывая вещи, платишь тройные проценты — какъ бы то ни было, Господинъ О'Неиль, просидѣвъ часа два въ городской шюрмѣ, получилъ опять свободу, но онъ не подозрѣвалъ, что его брали подъ страху для того единственно, чтобы возпрепятствовать ему взорваться на воздухъ кафедральную церковь. Возвращаясь домой и идучи мимо церкви, онъ увидѣлъ прохаживающагося около ограды человека. Который часъ? спросилъ онъ у незнакомаго — Три часа! отвѣчали ему, и, слава Богу, еще не показывался ни одинъ непрїятель!

Господинъ Брїанъ воспользовался даннымъ ему урокомъ; дабы прїобрѣсть общую довѣренность, рѣшился онъ себя ограничить, и жить скромно, такъ какъ прилично простому перчаточнику; опытъ доказалъ ему, что добрые друзья никогда не платяшь худыхъ долговъ.

На другое утро господинъ церковный староста проснулся съ веселымъ духомъ

и потчасъ побѣжалъ въ церковь служишь благодарный молебенъ : ибо онъ, по Христіанскому смиренію, ошносилъ къ милосердію Бога успѣхъ свой въ уничиженіи козней общаго врага. Онъ согласился вмѣстѣ съ другими членами клуба завести ночной караулъ около кафедральной церкви, а между тѣмъ собрать все нужныя свѣденія и доказательствя, чтобы обвинить въ судѣ заговорщика.

Исполнивъ то, чего требовало отъ него званіе человека государственнаго, пошелъ онъ на кожевенный заводъ осматривать свои магазины. — Но что изобразило его удивленіе ! двери магазина были изломаны; кожи распасканы и разбросаны, а въ магазинѣ все приведено было въ страшный безпорядокъ. Это Бріанова шушка ! воскликнулъ Господинъ Гилль; сей часъ иду въ судъ ! Онъ побѣжалъ къ своему спряпчому, чтобы посоветоваться съ нимъ, какъ подать прозьбу на О'Неиля, но спряпчаго не было въ городѣ, и Господинъ Гилль принужденъ былъ возвратиться домой. Дорогою размышлялъ онъ о томъ, какъ бы начать и удачнѣе кончить новую свою шяжбу ; а между тѣмъ разчищывалъ въ головѣ убытокъ, претерпѣнный имъ отъ потери кожъ.

Господинъ Гилль имѣлъ весьма порядочный аппетитъ. Желудокъ его всегда согласенъ былъ съ солнечными часами. Онъ безошибочно узнавалъ время обѣда, а за обѣдомъ ѣлъ очень много и очень долго, за что весьма не рѣдко ссорилась съ нимъ его супруга. „Мнѣ стыдно сидѣть съ тобою за столомъ, когда у насъ гости — говорила она ему почти каждой день — ты имѣешь такой безпушный аппетитъ, что люди глядя на тебя, шворають молишвы. Я бы совѣтовала тебѣ никогда не садиться за столъ нашощакъ, чтобы наконецъ не прослышь обжорою!“ — Господинъ Гилль замѣшилъ послѣдній совѣтъ благоразумной своей супруги, и согласуясь съ нимъ, всякій день передъ обѣдомъ заглядывалъ на кухню, дабы пригошовишь себя къ столовому бѣднїю порядочною частїю говядины. И въ этотъ день, въ который случилась въ магазинъ его такая разспройна, посѣтилъ онъ по обыкновенїю своему кухню: повариха разговаривала съ дѣвкой о славномъ ворожеѣ Бамфильдѣ, который жилъ въ сосѣдствѣнномъ лѣсѣ съ цыганами. Господинъ Гилль подслушалъ сей разговоръ, и рассудилъ за благо употребить его въ свою пользу. Онъ возвратился въ столовую съ важнымъ лицомъ и такъ былъ разсѣянъ во время обѣда, что Госпожа Гилль нѣсколько разъ при-

нуждена была ему сказать: что съ тобою сдѣлалось? Отъ чего ты такъ задумчивъ? Въ первые отъ роду забываешь то, что у тебя на шарелѣ.

Госпожа Гилль, сказалъ церковный староста, прошу васъ вспомнить, что любопытство прамащери вашей Евы погубило весь человѣческій родъ. Будетъ время, и все узнаете; но въ ожиданіи сего времени воздержитесь, прошу васъ, отъ всѣхъ вопросовъ. Женщины неспособны постигать слѣдствій. Что я знаю, то знаю; что думаю, то думаю; что говорю, то говорю. Бешпи, мой другъ, ты хорошо сдѣлала, что не носила перчатокъ Лиммерикскихъ: дѣла наши принимающъ точно такой оборотъ, какой я предсказывалъ.

Послѣ обѣда господинъ Гилль разстался въ большихъ своихъ креслахъ и захрапѣлъ. Во снѣ представились ему наѳедральныя церкви, копорыя одна за другою взлещали на воздухъ. Человѣкъ, имѣвшій въ рукахъ множество Лиммерикскихъ перчатокъ, зажигалъ порохъ; кожи были разбросаны по полю и плавали по поверхности озера; процавшая собака его, вообразивъ, что это бараньи кошлещы, бросалась за ними въ воду и довила ихъ зубами; онъ кричалъ на

собаку; бросалъ въ нее камнями; но вдругъ собака оборотилась въ ворожею Бамфильда, который, подошедъ къ нему съ важнымъ лицомъ и подавая плешь, воскликнулъ громозвучнымъ голосомъ: эшою плешью должно высѣчь Бріана О'Неиля на большой площади Герфоршской! Господинъ Гилль хотѣлъ броситься на колѣна передъ Бамфильдомъ; но онъ загремѣлъ со спула, и крѣпко ударился плѣшивою головою объ стѣну. Это движеніе пробудило его.

Онъ началъ разсуждать о шайнспвенномъ видѣніи, которое представилось ему во снѣ, и рѣшился посѣтить ворожею Бамфильда.

На другой день рано поутру отправился онъ въ цыганскій станъ. Бамфильдова хижина находилась въ самой густотѣ лѣса. Господинъ Гилль вошелъ въ нее съ трепетомъ сердца.

„Знаешь ли ты, сказалъ онъ Бамфильду, одного подозрительнаго Ирлянца, именемъ О'Неиля, живущаго въ Герфоршѣ?“

„Какъ не знать!“

„Что же ты о немъ скажешь?“

„Что это весьма подозрительный Ирлянецъ.“

„Правда твоя! Не онъ ли укралъ мою собаку, которая стерегла кожевенные магазины?“

„Онъ!“

Не онъ ли разпаскалъ мои кожи?

„Кому жъ другому?“

А проломъ въ стѣнѣ каѳедральной церкви не имѣли сдѣланъ?

„Боже мой! точно имѣ!“

Съ какимъ намѣреніемъ?

„Съ такимъ намѣреніемъ, котораго сказать не лзя.“

Но мнѣ сказать можно! Я церковный староста. Кому же и знашь, какъ не мнѣ, что нашу каѳедральную церковь хотятъ подорвать порохомъ? А?

Бамфильдъ отвѣчалъ:

Церковный староста, повѣрь,

дополь не знашь тебѣ покою,

пока Ирландскій эпопъ звѣрь

встрѣчаемъ будетъ здѣсь тобою!

Сии пророческіе стихи рѣшили сомнѣніе Господина Гилля; онъ проѣхалъ съ Бамфильдомъ и побѣждалъ въ городѣ, въ намѣреніи пожаловаться на Бріяна Герфоршскому Меру.

Во время бесѣды Господина Гилля съ волшебникомъ стоялъ у дверей хижины одинъ Ирландскій ремесленникъ, который также имѣлъ небольшую препензію на будущее, и желалъ посоветоваться съ премудросшію Бамфильда. Эпопъ добрый человекъ, именемъ Падди, пользовался

благодѣянїями О'Неиля. Онѣ услышалѣ, что въ жижи нѣ произносили имя его покровителя, началѣ прислушиваться съ большимъ вниманїемъ и не потерялъ ни одного слова изъ разговора. „Это не колдунѣ, а обманщикѣ! подумалѣ онѣ, услышалѣ, что Бамфильдѣ называлѣ О'Неиля раззорителемъ кожевеннаго магазина. Падди имѣлъ неоспоримую причину такѣ думать, ибо онѣ самѣ съ товарищами, въ опмщенїе за обиду, нанесенную Гиллемѣ Брїану, разбросалѣ ножи, находившіяся въ магазинѣ. Вообразивѣ, что глупость, имѣ сдѣланная, можетѣ причинить вредѣ его покровителю, онѣ побѣжалѣ въ Герфоршѣ, созвалѣ товарищей и началѣ вмѣстѣ съ ними опять приводить въ порядокѣ разбросанныя ножи. По несчастїю они слишкомъ понадеялись, что въ Герфоршѣ, въ глухую полночь, всѣ люди спяшѣ, ибо въ ту самую минуту, въ которую работа ихѣ была приведена уже къ окончанїю и Падди стоялъ на верху пирамиды, укладывая послѣдній рядѣ ножѣ, дозорѣ, ходившїй вокругѣ кафедральной церкви, увидѣлъ работниковѣ и закричалѣ: вотѣ они! держите! Работники разбѣжались, но Падди былѣ схваченѣ и опведенѣ въ караульню.

„Хочу бышь повѣшенѣ — восклицалѣ онѣ дорогою — ешьли впредѣ караульщиками

застанушѣ меня за добрымъ дѣломъ! Въ этомъ мѣрѣ ничто хорошее не удаётся!

Герфорстскій Меръ, Господинъ Маршалъ, былъ человѣкъ доброй характеромъ, проницательнаго ума и опытный; онъ зналъ въ тонкость судебныя обряды. Въ Герфорстѣ вошло въ пословицу: кто побывалъ въ домѣ Господина Маршала, тотъ возвращается къ себѣ добрѣе и склоннѣе къ миру.

Господинъ Маршалъ завтракалъ, когда ему доложили о прибышій церковнаго старосты Господина Гилля.

„Милости прошу! сказалъ Господинъ Маршалъ.“

Добраго утра желаю вамъ! сказалъ Господинъ Гилль, входя и кланяясь. Худыя вѣсши въ городѣ, очень худыя! прибавилъ онъ съ важнымъ видомъ.

„А я думаю напропивъ, Господинъ Гилль! Въ городѣ веселятся: прѣшьяго дня былъ прекрасный балъ.“

Тѣмъ хуже, Господинъ Маршалъ! не всѣ люди способны видѣть слѣдствія, не всѣ проницающъ во глубину вещей!

„Я съ вами несогласенъ — опивчалъ Господинъ Маршалъ улыбаясь: — я говорю тѣмъ лучше! вмѣстѣ со всѣми людьми, но-

щорые, шакже жакъ и я, не видяшь слѣд-
ствій и не умѣюшь проницашь во глубину
вещей!

Прошу меня извинить, Господинъ
Маршалъ! Теперь не время смѣяться:
если бы, не я, то наша кафедральная
церковь поднялась бы на воздухъ въ то
самое время, въ которое весь городъ пры-
галь, выпуча глаза, на эпомъ проклятомъ
балѣ!

„Это другое дѣло! Прошу васъ по-
корно обьясниться, Господинъ Гилль!

И Господинъ Гилль обьяснится.

„То что вы говорите, конечно, очень
важно, сказалъ Господинъ Маршалъ, вы-
слушавъ обьясненіе Господина Гилля; но
прошу обьявить мнѣ, какія средства упо-
требили вы, чшобъ получить такое под-
робное свѣденіе объ эпомъ дѣлѣ?“

Это моя пайна; милосідивой гсударь,
но вамъ могу ее опкрывать безъ всякаго опа-
сенія. Знайте же, что я говорилъ съ воро-
жею Бамфильдомъ.

„А, понимаю! съ Бамфильдомъ! Поз-
вольте же, любезный Господинъ Гилль,
поздравить васъ, что вы не успѣли еще
обвинить судебнымъ порядкомъ Господина
Бріана. Увѣряю васъ, что вы сдѣлались
бы посмѣшищемъ всего города Герфѳорша.“

Какъ, посмѣшищемъ, Господинъ Мар-
шалъ? Спаситель кафедральной церкви по-

смѣшище! Но я назову вамъ многихъ людей, которые совершенно согласны со мною.

„Но сказывали ли вы имъ, что вы совѣповаались съ ворожеею Бамфильдомъ?“

На что же мнѣ это сказывать?

И хорошо сдѣлаете, если не скажете, Господинъ Гилль! Онъ подошелъ къ окну, изъ котораго видѣнъ былъ весь кожевенный заводъ Господина Гилля. Это что? спросилъ онъ, указывая на кожи, которыя складены были по прежнему. Вы, кажется, увѣряли меня, что всѣ ваши кожи были разбросаны?

Что можетъ изобразить удивленіе церковнаго старосты? Онъ проширалъ глаза, сморѣлъ попеременно то на Господина Маршала, то въ окно, и самъ не понималъ, что съ нимъ происходило. — Кликнули Падди, который за часъ до Гиллеева прихода приведенъ былъ къ Господину Маршалу; онъ изъяснилъ церковному старостѣ, по какому чуду разбросанныя кожи опять явились въ томъ же мѣстѣ и въ прежнемъ порядкѣ.

Но собака моя? къмѣ она украдена? восклицалъ Господинъ Гилль.

Едва ли не знаю я вора, сказалъ Падди.

„Кто онъ? Говори! Не уже ли въ самой вещи Господинъ Бріанъ О'Неиль?“

Нѣтъ, милостивый государь, я самъ не знаю, на кого подумаешь; но вотъ что случилось со мною въ ту самую ночь, въ которую бѣдный Господинъ Бріанъ былъ взятъ подъ стражу. Мать его меня послала къ ростовщику занимать деньги. Я пришелъ къ нему въ самую полночь, разбудилъ мальчика, который, засвѣшивъ свѣчку, оставилъ меня въ лавкѣ, а самъ побѣжалъ будить своего хозяина. Я между тѣмъ началъ разсматривать вещи, находившіяся въ лавкѣ, и между прочими замѣтилъ собачій ошейникъ съ серебряною бляхою, на которой вырѣзано имя Господина Гилля.

Это ошейникъ моей собаки! Четверугольная большая бляха съ кольцомъ: не такъ ли?

„Точно такъ!“

Послали къ ростовщику — онъ признался, что получилъ ошейникъ отъ самаго ворожеи Бамфильда. Господинъ Гилль покраснѣлъ; онъ радовался внутренно, что не успѣлъ обвинить Господина Бріана въ судѣ; но самолюбіе жестоко въ немъ страдало. Все это очень хорошо, Господинъ Маршалъ — воскликнулъ онъ — но пре-

щина въ стѣнѣ каѳедральной церкви? Это одно обстоятельство важнѣе тысячи; пока не объясню его совершенно, по стѣхъ поръ не могу имѣть хорошаго мнѣнїя о вашемъ Ирландцѣ.

„Признайтесь, Господинъ Гилль, что вы всё еще думаете о пророческихъ спискахъ ворожеи Балфильда! но послушайте, естли вы не хотите, чтобы я рассказалъ въ городѣ о вашемъ легковѣрїи, то согласитесь сдѣлать мнѣ удовольствїе. Можете ли вы, на примѣрѣ, забыть, что Господинъ Брїанъ Ирландецъ, естли тайна церковнаго пролома удовлетворительнымъ образомъ для васъ объяснїся?“

Думаю! И какая мнѣ до того нужда, что онъ Ирландецъ? Люди родятся тамъ, гдѣ угодно Богу: я совсѣмъ не изъ числа такихъ, которые твердо увѣрены, что все хорошее въ одной только Англіи. Честные люди водятся въ Ирландїи, какъ и вездѣ: Англичининъ, Ирландецъ, равно подданные Его Бришанскаго Величества. Но эта прещина, Господинъ Маршалъ, эта прещина! что она значитъ?

„Но можете ли вы, Господинъ Гилль, оправдать несправедливое гоненїе прошивъ шакого человека, который ни кому не дѣлаетъ ни малѣйшаго зла?“

Боже меня отъ эшаго сохрани!

„Чшожь, ешьли бы эшотъ человекъ дѣлалъ еще и сполько добра, сколько ему возможно?“

Ахъ, Господинъ Маршаль! прещина...

„Прошу васъ, Господинъ Гилль, взять на себя шрудъ и навѣспишь вмѣстѣ со мною вдову Смишъ, у кошорой недавно сгорѣлъ домъ! вы узнаете отъ нее, что такое Бріанъ О'Неиль.“

Церковный староспа и Господинъ Маршаль взяли шляпы и пошли ко вдовѣ Смишъ. Эша бѣдная женщина разсказала имъ, какъ много добра сдѣлали ей Бріанъ и Миссъ Бешши. Господинъ Гилль плакалъ. Онъ добрый, онъ честный человекъ! повшорялъ онъ; но эша прещина, Господинъ Маршаль, эша проклятая прещина!

„Дайше мнѣ слово, Господинъ Гилль, что завтра придете ко мнѣ обѣдать; у меня будетъ и Бріанъ — вы можете съ нимъ обьясниться.“

Господинъ Гилль не зналъ, что опшѣчатъ; онъ полюбилъ въ душѣ своей Бріана О'Неиля, но боялся быть осужденнымъ отъ своего клуба, въ кошоромъ всѣ головы занимались шайнственымъ проло-

момъ и кафедральной церкви; онъ еще молчалъ, когда вбѣжала въ горницу маленькая дочь вдовы Смитъ.

Ахъ, машушка! воскликнула она: я показывала одной знашной Госпожѣ мою мышь. Она сама кормила ее со мною вмѣстѣ.

Что за мышь? спросилъ церковный староста.

О, прекрасная шварь! я пріучила ее брать у меня изъ рукъ хлѣбныя крошки; она знаетъ мой голосъ; закричу: мышка! и бѣжитъ.

„Гдѣ же эта мышь?“

Въ фундаментѣ нашей кафедральной церкви.

Господинъ Маршалъ поглядѣлъ на Господина Гилля и улыбнулся.

Хочу ее видѣть, воскликнулъ церковный староста: покажи намъ твою мышь, дѣвочка!

Луиза повела Господина Маршала и Господина Гилля къ кафедральной церкви — и гдѣ же она остановилась? у самого того пролома, на которомъ основаны были всѣ подозрѣнія на Брїяна. Мышка! мышка! закричала Луиза, и черезъ минуту увидѣла заговорщика, выходящаго изъ пролома въ образѣ большой крысы. Господинъ Маршалъ захохоталъ, и самъ

Господинъ Гилль не могъ воздержаться отъ смѣху.

Завтра обѣдаю у васъ вмѣстѣ съ Бріаномъ, сказалъ Господинъ Гилль, подавая руку Господину Маршалю.

И на другой день враги примирились, за чашею пунша, въ домѣ любезнаго миротворца. Маршала.

Бешши! сказалъ Господинъ Гилль возвратившись домой, позволяю тебѣ носить Лиммерикскія перчатки; а черезъ недѣлю поздравлю тебя женою Бріана О'Неиля. Слава Богу! каѳедральная церковь останется невредимою, а у меня будетъ прекрасный зять, честный человекъ, хотя Ирляндець.

ПОЛИТИКА.

ІХ.

О предполагаемомъ походѣ Французскихъ войскъ въ Османъ - Индію ().*

Очень странно, что Издашель Минервы, имѣющій столь обширныя познанія въ Исторіи, Статистикѣ, древней и новой Полишикѣ — столь много обогащенный опытами новѣйшаго времени, кажется, подтверждаетъ мнѣніе, что Французская армія, оставшаяся послѣ Тильзитскаго шрапшата въ Польшѣ и Пруссіи, и собранная нынѣ на Россійскихъ границахъ, дѣйствительно пойдетъ чрезъ Азію въ Индію. Парижскіе Журналисты и содержатели телеграфовъ — ихъ благоговѣйные поклонники, могутъ такъ думать и писать или отъ того, что они въ простотѣ своей почишаютъ это за справедливое, или съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы, обманывая Публику, опклонить ее отъ подлинныхъ видовъ Правительсшва. Легковѣрные, или ласкашельсшвующіе Испо-

(*) Разсужденіе Архенгольцово о семъ предметѣ напечатано было въ Вѣстникѣ нынѣшняго года.

рини охотно повпоряють слова ихъ для наполненія своихъ листковъ — они стараются даже прилагать къ нимъ планы и карты съ маршрусами!

Но безпристрастные знатоки и наблюдатели имѣють слишкомъ много причинъ сомнѣваться, чшобы сей походъ совершился такъ скоро, чшобы онъ вдругъ прекратилъ военную бурю въ нашей части свѣта, и чшобы даровалъ ей миръ всеобщій и прочной. Такія дивныя событія конечно еще очень ошдалены отъ насъ — и самымъ освобожденіемъ Бенгала, Каликута и Мизоры отъ ига Англичанъ, онъ ни на одинъ шагъ къ намъ не приближашся. И какое вліяніе могли бы имѣть успѣхи Французовъ въ Индіи на настоящее положеніе Европы? Не уже ли бы, на примѣръ, Франція въ несчастныхъ своихъ обстоятельсвахъ могла непременно лишиться Голландіи отъ того единственно, что Бриштанцы взяли Бапавію? И не уже ли Французы, сдѣлавши высадку на берега Англїи, непременно покорили бы себѣ Ямайку, мысъ Доброй Надежды, Цейланъ и пр.?

Положимъ, что стоящіе на Россійскихъ границахъ Французы точно назначены для похода въ Индостанъ; положимъ, что имъ удалось бы, съ помощію Россіянъ, Турковъ, Персовъ, Манжурцовъ,

Могольцовъ, Арабовъ, Марашшовъ и пр. не только дойши до мѣста, но даже согнать совершенно Брипанцевъ съ швердой земли и заняшь ихъ владѣнія; и тогда не должны ли бы они были сражаться со всѣми тѣми несчастіями, съ копорыми Англичане безпрестанно сражаются — съ климатомъ, съ жишелями, съ сильными и воинственными сосѣдями, копорые легко бы могли догадаться, что теперь самое удобное время прогнать Европейцовъ, освободиться отъ чуждаго ига и опаснаго сосѣдства, и возстановить прежнюю свою независимость? Положимъ, что все это побѣждено и кончано щасливо — какую особенную пользу пріобрѣтешъ отъ того Франція и Европа, ешьли Брипанцы всё еще удержатъ за собою свои Индѣйскіе острова, на пр. Цейланъ, мысъ Доброй Надежды, островъ Св. Елены и пр., и слѣдовательно сохранятъ свою верховную власть на морѣ? Не должно ли опасаться, что они Индію будутъ также блокировать, какъ теперь Европу, и что изъ двадцати нагруженныхъ богатою добычею кораблей едва дойдутъ до Французскихъ гаваней 2 или 3, а прочіе сдѣлаются жертвою Англійскихъ разбѣздовъ? Но пускай, для избѣжанія сего неудобства, рѣшатся Европейцы провозить товары чрезъ Персію, Турцію и другія земли — что

поручишься за будущее? Сохранятъ ли сіи Дѣржавы навсегда шеперешнюю свою политику, шеперешнія связи и отношенія? Не можешъ ли между столь несходными во нравахъ народами возродиться соревнованіе въ разсужденіи взаимныхъ выгодъ и торговли? Не прервется ли тогда всякое сообщеніе, и Французскіе герои отдѣленные отъ Европы, находясь во внутренности Индіи, не могутъ ли придти въ самое жалкое состояніе, не имѣя ни съ суши, ни съ моря никакой помощи, не получая изъ опечесшва своего ни малѣйшаго подкрѣпленія?

Положимъ еще, что Бришшанцы, выгнанніе изъ своихъ Индѣйскихъ селеній, изнеможенныя продолжительною войною, лишившись всякой надежды, оставятъ оружіе и предадутся бѣгству: то не уже ли вся сила Англіи состоитъ единственнo въ обладаніи Бенгала? Не можно ли болѣе опасаться того, чтобы они, потерявъ Индію, не приспали къ какой нибудь новой землѣ въ Азіи, Африкѣ, или Америкѣ, не завладѣли ею, и чрезъ то не получили новыхъ силъ, новыхъ пособій и средствъ къ продолженію войны? Почему на пр. не могутъ они, при шеперешнихъ обстоятельствахъ, сыскать довѣренность народовъ южной Америки, найти тамъ союзниковъ вѣрнѣйшихъ, нежели въ Остѣ-Индіи,

и шѣмъ поддерживашь, увеличишь и ушвердишь свое могущество? Однимъ словомъ, невѣроятно, чтобы Англія могла пасть отъ двухъ или трехъ сраженій. Кароагена была побѣждена не менѣе какъ въ триста лѣтъ кровопролитныхъ — а Кароагена еще не Великобританія.

Такія разсужденія заставляють вѣришь съ довольною основательностію, что походъ Французскихъ войскъ въ Индостанъ не столько еще опредѣленъ, по крайней мѣрѣ не такъ скоро совершится, какъ многіе Журналисты предвѣщаютъ съ энтузіазмомъ — и что слѣдовательно миръ всеобщій, отъ него зависящій, не такъ близокъ и надеженъ; припомъ ничего еще вѣрнаго не слышно о вспоможеніи Россіи, Персіи и Порты, и не извѣстно, какое участіе примутъ онѣ въ семъ Гигантскомъ предпріятіи. Не гораздо ли основательнѣе думать, что сіи Державы сами могутъ имѣть, или имѣютъ виды на Остъ-Индію? пошому что она къ нимъ ближе, и слѣдовательно для нихъ несравненно выгоднѣе обладаніе оной, нежели кому другому, если уже непременно нужно, чтобы она перешла въ другія руки. Но какую пользу пріобрѣшутъ онѣ отъ этой перемѣны?

Французское Правительство столь мудро, предусмотрительно и осторожно, что без сомнѣнія не начнетъ сего важнаго предпріяшя, не сообразя всѣхъ возможныхъ случаевъ, и не увѣрясь въ своей пользѣ. Оно не захочетъ опважиться на оное для того только, чтобы значную часть своихъ силъ предать на жертву неизвѣстности и Азіятскимъ пустынямъ. Такое намѣреніе, если оно не плодъ Якобинскихъ замысловъ, не можетъ увѣнчаться успѣхомъ безъ совершенно вѣрнаго и продолжительнаго сообщенія съ опечесвомъ. Впрочемъ оно во всѣхъ отношеніяхъ гораздо затруднительнѣе и опаснѣе покушенія на Египетъ. Здѣсь не помогутъ ни сильный флотъ, ни крѣпкая Мальта; здѣсь не возможно сохранить продолжительнаго сообщенія, и еще менѣе обезопасить возвращенной путь свой.

Чтобы не желать похода въ Азію, особливо въ богатую Индію; чтобы онъ не могъ бытъ произведенъ нѣкогда въ дѣйство, — о томъ послѣ всего случившагося въ Европѣ говорить не нужно. Сей отдаленный край представляетъ намъ неизмѣримое поле, исполненное безчисленныхъ красотъ; привлекательное не только по сокровищамъ Англичанъ, ограждаемымъ Бришанскими флотами, но и по другимъ

свободнымъ обласпямъ и по многимъ заключающимся въ нихъ предметамъ. Можетъ быть ни одна Европейская нація не имѣетъ столько смѣлости и мужества, потребныхъ для такого предпріяшя; можетъ быть никто такъ не желаетъ его, какъ Французы при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Но *Наполеонъ* не *Тамерланъ* и не *Алтила*. Не его дѣло пропекать щблый мѣръ на торжественной колесницѣ для того, чтобы грабить и разорять народы, подобно симъ утѣснителямъ чело-вѣчества. Произшествія, случившіяся до сихъ поръ, доказываютъ, что онъ прѣобрѣшенія свои хочетъ сдѣлать прочными и продолжительными — ибо всегда спарается обезпечить возвращной путь свой и сохранить сообщеніе съ своею Имперіею. Не уже ли онъ теперь успремился въ Азію и оставитъ за собою волнующуюся Европу? Онъ не могъ ни на минуточку оспаться въ неизвѣстности ни въ разсужденіи Папскихъ владѣній, ни Португаліи, ни самой Гишпаніи, которая до сего времени была ему послушна!

И такъ походъ въ Индію не можетъ быть предпринятъ потому, что онъ зависитъ отъ многихъ постороннихъ произшествій; которыми должно случиться гораздо прежде. Пусть Европа соединитъ-

ся шѣснѣе, — пускай прежде Австрія, Россія, Франція, Турція и Персія согласятся въ одной общей цѣли великой и благопшворной: до того времени мы не будемъ вѣришь знаменишому походу въ Индостанъ и не будемъ о немъ говоришь! —

Съ Нѣмецкаго *Ө. Б.*

Х.

О новомъ Французскомъ наследственнѣмъ дворянствѣ.

Не давно появилось въ Гамбургѣ, касательно сего предмета, небольшое сочиненіе Г. Эггерса, Оберъ Прокурора въ Герцогствѣ Шлезвигскомъ и Голштинскомъ. Въ немъ кратко показаны какъ превосходство сего постановленія, такъ и выгоды его для правительсшва и вообще для государсшва. Сочинитель не разсудилъ за благо вычисляшь существенныя различія между старымъ и новымъ Французскимъ дворянствомъ; но удивительно, что онъ ничего не сказалъ о главномъ отличіи, которое одно опредѣляетъ всѣ преимущества новаго образованія передъ прежнимъ, симъ признакомъ дворянсшва, заключающагося въ однихъ родословныхъ книгахъ. Я почи-

шаю весьма мудрымъ постановленіе , по которому старшій сынъ наследуетъ шишулы и права своего опца , а другія дѣти не разняшя съ дѣшми прочихъ гражданъ : такимъ образомъ сохраняется шѣсная связь между дворянствомъ и низшими званіями — связь , кошорая , какъ намъ доказываетъ Англія , имѣетъ самыя благошворныя слѣдствія.

„Ни въ одномъ еще законоположеніи ,
„говоритъ Господинъ Эггерсъ , не были
„такъ хорошо опредѣлены *политическія*
„*отношенія* гражданства , какъ въ семъ
„Французскомъ Императорскомъ уставѣ.
„Нигдѣ онѣ такъ хорошо не принаровлены
„къ пользѣ государства , и нигдѣ столь
„прочно не ограждены отъ всѣхъ возмож-
„ныхъ измѣненій и превращеній.

Теперешнее Французское дворянство совершенно сообразно съ новымъ порядкомъ дѣлъ и обстоятельствъ. Оно только ему одному приличествуетъ , только одному ему принадлежитъ. Мысль , образовывать наследственное дворянство на другихъ началахъ и правахъ , есть плодъ ума проницательнаго и глубокомысленнаго. Если сіе установленіе можетъ казаться полезнымъ для просвѣщенныхъ націй — то для Французовъ оно совершенно необходимо.

Ихъ нламенная любовь ко славѣ и къ пышности наружной дѣлаетъ ихъ вдвое чувствительными къ преимуществамъ и опличіямъ блестящимъ, соединеннымъ съ достоинствомъ дворянина; ни на одну націю чувство сѣе не имѣетъ столь сильнаго вліянія. Попоки крови, пролившіеся во время революціи, не могли совершенно изгладить слѣдовъ дворянства. Большая часть умовъ умѣла сохранить къ нему тайное уваженіе, которое не преминуло бы со всеобщимъ вредомъ обнаружиться при первомъ удобномъ случаѣ.

Возможность сего случая не сокрылась отъ пронцапельныхъ взоровъ Наполеона. Онъ далъ умамъ другое направленіе. Единственное средство, не позволишь усиливаться старому дворянству, было — учредить новое.

Система настоящаго правленія опличается прочностію и порядкомъ, которыхъ и самые изступленные непріятели отрицать не могутъ. Она еще болѣе обнаруживаетъ свое превосходство разрѣшеніемъ трудной задачи относительно наследственныхъ почестей. Дворянство, учрежденное Наполеономъ, основывается только на отличныхъ заслугахъ. И такъ оно согласно съ разумомъ, съ нравственностію и съ правомъ естественнымъ.

Всѣ получившіе теперь наследственныя права дворянства имѣютъ неоспоримое право на всеобщую благодарность, какъ возстановители порядка и благоденствія во Франціи: — въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Ктожъ будетъ укорять Наполеона за то, что онъ знаетъ и умѣетъ отличать всѣ роды заслугъ — хотя бы Исторія настоящаго времени и не сохранила для насъ именъ, достойныхъ особеннаго уваженія? И сіе-то отношеніе новаго дворянства къ настоящему порядку вещей есть дѣло великаго ума государственнаго. Не происхожденіе отъ древнихъ, нѣкогда знаменитыхъ родовъ, не богатство, не одно личное достоинство дають теперь право на сіе отличіе — нѣтъ! его дають только славные подвиги, полезные для общества, и признанные такими отъ настоящаго его правителя. Онъ награждаетъ безъ исключенія всякаго; онъ обращаетъ въ пользу избранныхъ своихъ всеобщее мнѣніе. Можно ли произнести имя новаго дворянина, не вспомнивъ въ то же время о дѣлахъ его, которыя способствовали къ возрожденію Франціи? Могутъ ли поздніе потомки радоваться почестями, оставленными отъ знаменитыхъ предковъ ихъ, не благоговѣя въ то же время передъ Правительствомъ, которое даровало имъ въ награду, такъ

сказать, вбришельную грамоту на благодарность грядущихъ столѣтій? Такъ! выгоды настоящаго Французскаго дворянства соединены шѣсно съ выгодами Правительсва и Государсва!

Не менѣе благоразумно и постановленіе, чтобы съ званіемъ дворянства былъ непременно соединенъ соразмѣрной доходъ.

Не отъ богатсва собственно зависитъ та благородная важность, копорой требуетсѣ отъ дворянина, но отъ довольсва. Онъ долженъ имѣть хорошіи достатокъ особенно для того, чтобы давать лучшее воспитаніе своимъ дѣтямъ и показывать ихъ въ свѣтѣ приличнымъ образомъ. Гдѣ дворянство сего лишено, тамъ не приноситъ оно Отечеству никакой настоящей пользы.

Слишкомъ великое размноженіе дворянскихъ фамилій и бѣдность большей ихъ части много способствовали ослабленію всеобщаго уваженія къ дворянству. *Польша* представляетъ намъ разительное доказательство сей истинны: я могу то же сказать о *нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ провинціяхъ*. Бѣдное, необразованное, богатое одними только правами и родовыми дворянство есть сущая пагуба для Государсва.

Во Франціи не можетъ существовать ни одна дворянская фамилія, не пользуясь по крайней мѣрѣ 3000 франковъ чистаго годоваго дохода: ибо, въ силу права о наслѣдствѣ, одинъ только старшій сынъ получаетъ титулъ дворянина. Должно замѣтить, что эта сумма теперь довольно достаточна для приличнаго содержанія семейства, по крайней мѣрѣ не въ большихъ городахъ. Но когда цѣны жизненныхъ потребностей возвысились, то и доходъ увеличился, потому что онъ собирается съ недвижимыхъ имѣній.

Установленіе, дающее всякому дворянину *независимое* отъ обстоятельствъ состояніе, имѣетъ еще другое благотворительное послѣдствіе въ разсужденіи службы общественной. Дворянинъ не имѣетъ нужды искать себѣ мѣста и промысла для пропитанія; будучи обезпеченъ съ сей стороны, онъ питаетъ въ себѣ благородную возвышенность духа и свободу, которую Государственная полиція должна сохранятьъ всѣми силами. Привязанность къ Монарху и чувство нѣкотораго съ нимъ равенства, преимущественно передъ другими гражданскими званіями — вошъ истинное назначеніе высшихъ чиновъ Государственныхъ!

И такъ по справедливости можно запрешить дворянству всѣ роды промышленности, свойственной другимъ состояніямъ. Дворянинъ долженъ или служить Отечеству, или посвящать себя наукамъ, или заниматься хозяйствомъ въ своихъ владѣніяхъ. Онъ обязанъ совершенно отказаться отъ ремесла. Я не думаю, чтобы въ семъ случаѣ можно было позволить какое нибудь исключеніе: ибо тогда произошло бы неминуемо вредное смѣшеніе состояній. Старшій сынъ Графа конечно не будетъ шить сапоговъ; но ему такъ же не прилично и занимать должность Бухгалтера въ торговой конторѣ. Все это разумѣется въ отношеніи *благородства* *и* *наслѣдственнаго*: личное можетъ быть сообщено каждому безъ различія состояній и промышленности.

Права, свойственные наслѣдственному дворянству, вѣроятно опредѣлены будутъ другимъ установленіемъ. Вся трудность его состоитъ въ назначеніи преимуществъ относительно къ Особѣ Государя и къ обрядамъ торжественнымъ. То и другое, кажущаяся, зависитъ отъ существа самаго постановленія; оно такъ же покажетъ и постепенность поколѣній. Таковыя учрежденія необходимы для пышности великаго Государства и совершенно приличны ха-

ракшеру Французовъ, котораго предшествовавшіе законодатели ихъ, при всей своей глубокомысленности, не знали, или съ которыми они не соображались.

Употребленіе гербовъ и ливрей, внесенныхъ въ Государственную патентную книгу, уже утверждено постановленіемъ отъ 4го Марта. Всѣмъ подданнымъ Французскаго Императора строго запрещено присвоивать себѣ шишулы и опличія, не отъ него полученные.

Нынѣшнее дворянство не имѣетъ нужды въ злоупотребленіи правъ, вредномъ для другихъ подданныхъ. Оно вѣрно не будетъ имѣть собственныхъ своихъ судищъ. Выгоды всеобщаго судопроизводства во Франціи слишкомъ очевидны.

Свобода отъ податей, право, которое дворянство во многихъ земляхъ защищаетъ и присвоиваетъ себѣ какъ драгоценный залогъ своего преимущества, вѣрно не будетъ даровано Французскому дворянству. Оно слишкомъ прошивно благо-разумной полишикѣ, слишкомъ сильно возбуждаетъ всеобщее негодованіе простаго народа, чѣмъ мы могли опасаться видѣть его вновь учрежденнымъ.

На знатные чины и на другія высочайшія степени государственныя Французское дворянство не имѣетъ никакихъ исключительныхъ преимущественныхъ правъ. Принцъ-Архиканцлеръ объявилъ это отъ имени Наполеона. Надобно признаться, что сіе ложное, прошивузаконное преимущество существуетъ почти во всѣхъ земляхъ и возбуждаетъ въ другихъ классахъ народа сильное, явное и справедливое негодованіе. Гдѣ рожденіе даетъ право на высочайшія степени, тамъ уничтожается главная пружина благороднаго честолюбія и соревнованія. Служба Государственная требуетъ всегда личныхъ пожертвованій, и часто самыхъ трудныхъ. Чтожъ можешь поощрять къ тому благороднаго человека? Что, кромѣ желанія пріобрѣсти себѣ по возможности обширнѣйшій кругъ дѣятельности, большія средства къ добру? Одна эта мысль можешь поддерживать величайшія усилія; она даетъ намъ надежду, единственную подпору добродѣтели — надежду, которая стремится съ нами и за предѣлы гроба!

Ни одна фамилія, основателю которой пожаловано отъ Императора дворянское достоинство, не можешь *логичнѣе* испросить позволеніе отъ Императора, можно передать чрезъ усыновленіе

свой шишуль другому. Уничтожается ли сіе достоинство чрезъ преступленіе? Можно надѣяться, что — нѣтъ. Наказаніе кончится съ жизнію виновнаго, и не падаетъ на его невиннаго сына. Преступникъ лишается дворянства во дни поноснаго приговора; но старшій сынъ, не имѣющій участія въ дѣлѣ, заступаетъ его мѣсто. Кромѣ преступленія есть другіе случаи, чрезъ которые дворянинъ теряетъ свои права. Если кто, на пр., по прихотямъ захочетъ отъ нихъ отказаться, то въ можетъ это исполнить, но не можетъ опинять ихъ у своего сына. Это есть преимущество наследственное, и слѣдовательно имъ позволено только располагать въ разсужденіи самаго себя. Кто занимается ремеслами низшихъ званій, то въ не можетъ уже обладать имъ; но оно не теряется совершенно: справедливость требуетъ, чтобы оно слагалось на время. Кто изъ корыстолюбія сдѣлается ростовщикомъ, то въ не можетъ также имъ пользоваться; но сынъ не лишается его, какъ скоро оставитъ низкой промыслъ своего отца. Дворянинъ, ведущій явно жизнь развратную и непристойную своему званію, теряетъ свое достоинство; въ самомъ дѣлѣ, если кто, имѣя право на особенное уваженіе другихъ, забываетъ свои обязанности, на которыхъ сіе уваженіе

основано, шотѣ естѣ безѣ всякаго сомнѣнїя пресшупникѣ, достойный наказанїя. Но и здѣсь не терпитѣ ничего невинный сынѣ.

Нужно ли еще приводить примѣры и свидѣтельствва, доказывающїе превосходство сего уложенїя? Извѣстно, какѣ думали о правахѣ дворянства Монтескїе и Фридрихѣ Великій; извѣстно, съ какимѣ жаромѣ и ожесточенїемѣ спорили о шомѣ со времени Французской революціи — маѣ кажется, что всѣ болѣе или менѣе отступали отѣ настоящей цѣли. Въ уложенїи Наполеона показался свѣту Генїи политическаго образованїя во всемѣ своемѣ блескѣ. Въ сей истинѣ должны согласиться всѣ безпристрастные — къ какой бы впрочемѣ они сторонѣ ни принадлежали. —

Съ Нѣмецкаго О. Б.

ХІ.

И з в ѣ с т і я.

Годовой праздникъ Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полку, 21 Ноября 1808 года.

(Сообщено изъ Петербурга.)

Въ день праздника Введенїя во храмѣ Пресвятыя Богородицы, ГОСУДАРЬ

ИМПЕРАТОРЪ съ Его Императорскимъ Высочесшвомъ, КОНСТАНТИНОМЪ ПАВЛОВИЧЕМЪ, и съ Принцами Саксенъ-Заалфельдъ-Кобургскимъ и Голштейнъ-Олденбургскимъ, также и съ Министрами военныхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, Военнымъ Губернаторомъ, городовымъ Коммендантомъ, Генералъ-Адъютантами и съ другими военными Чиновниками изволилъ прибыть въ церковь Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полку По ошслушаніи Божесшвенной литургіи и по разпущеніи въ казармы солдатъ, кошорые на сей случай были въ парадъ, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ съ Его Императорскимъ Высочесшвомъ, съ Принцами и со всѣми Чиновниками изволилъ удостойть Шпабъ и Оберъ-Офицеровъ полка бышь у нихъ на завшракъ; для сего употреблена была одна изъ солдатскихъ казармъ (роты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА), въ копорой споловая комнаша, длиною въ пшдесять сажень, убрана была декораціями, представляющими бивуаки, или солдатскіе шалаши во время походовъ; входъ въ залу украшенъ былъ военнымъ оружіемъ; на концъ залы сооружена была изъ военныхъ же оружіи пирамида съ вензеловымъ именемъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА; за оною распавлены были полковые музыканшы и пѣвчіе; столъ накрытъ былъ на сто жувершовъ

и убранъ великолѣпнѣйшимъ образомъ ; по сторонамъ сей залы , боковыя комнаты убраны были палатками. Во время стола играла военная музыка , и для сего случая сочиненъ былъ маршъ съ хорами : слова Полковника Писарева , музыка Генералъ-Маіора Тишова. Сообщаемъ его нашимъ Читаателямъ :

Умолкните вы , грома яры ;
Сойди съ небесъ къ намъ , тишина !
Останови свои удары ,
О ты , кровавая война !
Не вѣкъ Героямъ быть средь боя :
Ликуютъ днесъ *любдъ сыны* ,
Имъ новы радости даны
Подъ сѣнью мира и покоя.

*

Да здравствуетъ нашъ крошкѣй Царь !
Винovníкъ дней блаженныхъ , ясныхъ !
На вѣкъ воздвигнутъ Твой олтарь
У насъ въ сердцахъ , Тебѣ подвластныхъ.

*

Возторгомъ всѣ сердца объяты ,
Любовію къ Царю горятъ !
Герои чувствами богаты :
За нихъ дѣла ихъ говорятъ !
Въ войнахъ Царю ихъ грудь опора ,
Во время мира , тишины ,
Усердіемъ къ Нему полны ,
Въ награду — Царскаго ждуть взора.

*

Да здравствуетъ нашъ крошкѣй Царь!
Виновникъ дней блаженныхъ, ясныхъ!
На вѣкъ воздвигнутъ Твой ошарь
У насъ въ сердцахъ, Тебѣ подвластныхъ.

✱

О сколь блаженна та Держава,
Когда народъ Царемъ любимъ!
О сколь громка, прочна та слава,
Когда и Царь народомъ чтимъ!
Гордись, Россія, украшайся
Заслугами сыновъ своихъ;
На подвиги взирая ихъ,
Вкушай отраду — наслаждайся!

✱

Да здравствуетъ нашъ крошкѣй Царь!
Виновникъ дней блаженныхъ, ясныхъ!
На вѣкъ воздвигнутъ Твой ошарь
У насъ въ сердцахъ, Тебѣ подвластныхъ.

Бюллетени Французской арміи, находящейся въ Испаніи.

I. *Бюллетень.* Вишшорія ошъ 9 Ноября.
Положеніе Французской арміи 25 Октября:
Главная кваршира въ Вишшоріи. Герцогъ
Конегліано (Монсей) съ лѣвымъ кры-
ломъ въ Аррагоніи, на рѣкѣ Эбро; глав-
ная кваршира его въ Рафаллѣ; главная
кваршира Маршала, Герцога Эльхинген-
скаго въ Гуарди, Маршала Герцога Исш-
рїи въ Мирандѣ. Дивизія Генерала Мер-
лина занимала вышшы Дюранго; но мѣсто

ея заступили по повелѣнію Короля дивизіи Генераловъ Себастіани и Леваля, командуемая Маршаломъ, Герцогомъ Данцигскимъ. Непрїяшель расположился сначала на лѣвомъ берегу Эбра; но Герцогъ Конегліано послалъ противъ него бригады Брюна, Габера и Разу, которыя разбили его на всѣхъ пунктахъ (27 Октября). 1200 Испанцевъ, искавшихъ убѣжища въ Леринѣ, были взяты Генераломъ Гранжаномъ, въ томъ числѣ 1 Полковникъ, 2 Подполковника и 40 Офицеровъ. Потомъ Герцогъ Эльхингенскій двинулся къ Логроннѣ, перешелъ черезъ Эбро, взялъ 300 плѣнныхъ и преслѣдовалъ непрїятели нѣскольکو миль: слѣдствіемъ сей неудачи Испанцевъ было то, что Генералъ Пиньярелли, начальствовавшій Патріотами, былъ убитъ отъ собственныхъ солдатъ своихъ. Герцогъ Данцигскій преслѣдовалъ непрїятеля до Гвенеса и ворвался въ Бильбаю, гдѣ доспались ему въ добычу большіе магазины. Потеря Испанцевъ весьма важная: впрочемъ сколь ни славна для Французовъ сія побѣда, но они могли бы выиграть ее безъ пролившія крови — Испанскія войска находились въ такомъ положеніи, что въ скоромъ времени принуждены бы были сдаться на договоръ. — Корпусъ Маршала Виктора соединился съ главною арміею; онъ приведенъ изъ Вишторіи къ Ордунѣ. 7го Ноя-

бря непріятель, подкрѣпленный новыми изв С. Андера пришедшими войсками, занялъ высоты Гвенеса. Герцогъ Данцигскій ударилъ на центръ его, который привелъ въ безпорядокъ; сіе сраженіе могло бы быть гибельнѣе для Испанцевъ, когда бы оно происходило на равнинѣ: но горы, окружающія Бильбао и С. Андеръ, почти неприспупны. Папріоты потеряли на семъ сраженіи отъ 3500 до 4000 человекъ; Французская армія не терпѣла ни въ чемъ недоспашка. Погода продолжается прекрасная. Колонны Французскія согласуются въ своихъ движеніяхъ.

II. *Еюллетень*. Бургосъ, отъ 12 Ноября. Герцогъ Данцигскій, преслѣдуя непріятеля, вступилъ въ Вальмаседу. 8 Ноября Генералъ Себастіани, открывъ на высотѣ крушой горы аріергардію Папріотовъ, опрокинулъ ее и взялъ 100 человекъ плѣнниковъ. Между тѣмъ городъ Бургосъ былъ занятъ Эстремадурскою арміею, которая простиралась до 20,000. Императоръ ввѣрилъ начальство надъ конницею Маршалу Герцогу Испрійскому (*Лану*), а второй корпусъ арміи Герцогу Далмаціи (*Мармону*.) 10 Ноября, на зарѣ, послѣдній съ дивизіею Генерала Мупона двинулся впередъ, для рекогносцированія непріятеля: его встрѣтили близъ Гамо-

нала залпомъ изъ 30 пушекъ, который былъ знакомъ къ рѣшительному нападенію. Пѣхоша Муніоновой дивизіи ударила на Испанскую гвардію, и въ минуту привела ее въ безпорядокъ; Герцогъ Испрійскій съ своею конницею обошелъ оба крыла непріятеля, которой немедленно обратился въ бѣгство, потерявъ 12 знаменъ, 25 пушекъ, 3000 убитыхъ, 3000 плѣнниковъ, въ томъ числѣ одного Генерала и множество Офицеровъ; остатокъ войска былъ разсѣянъ. Французскіе солдаты, смѣшавшись съ Испанскими, ворвались въ Бургосъ: конница преслѣдовала непріятеля во всѣхъ направленіяхъ — однимъ словомъ, Эспремадурская армія уничтожена совершенно. Потеря Французовъ весьма неважная. Бургосская крѣпость была немедленно занята ихъ войсками; они нашли въ ней огромные запасы вина, муки и пр. Императоръ вступилъ съ гвардіею въ сей городъ. Въ Испанской арміи замѣшны странныя несообразности — на примѣръ, въ карманахъ убитыхъ Офицеровъ находили росписи ротъ, имѣющихъ разныя наименованія: одна именуется легиономъ Бруша; другая легиономъ народнымъ; та легиономъ Святыхъ, а та Ученыхъ! На знаменахъ изображенъ Испанскій Левъ, раздирающій Императорскаго Орла.

III. *Бюллетень*. Бургосъ , 13 Ноября. Герцоги Беллунскій, Данцигскій и Далматскій преслѣдуютъ Галлиційскую армію. Генералъ Милодъ вступилъ съ своею дивизіею въ Паленцію и опрядилъ корпусъ войска въ горахъ Реинозы, дабы овладѣть артиллерійскимъ паркомъ Галліційской арміи. Гвардія Французская находится на рѣкѣ Дуэро, и весь берегъ отъ Бильбардо до С. Андера освобожденъ отъ непріятеля. Нещасный городъ Бургосъ, подверженный всѣмъ ужасамъ грабежа, представлялъ зрѣлище, приводящее въ трепетъ. При первомъ извѣстїи о поперянномъ сраженїи, жители оставили свои дома. Сначала ужаснуло ихъ намѣреніе солдатъ Эспремадурскихъ, которые объявили, что будутъ защищать себя въ домахъ; но самые сїи солдаты ихъ разграбили, потомъ ворвались въ нихъ солдаты Французскіе, которые не находя нигдѣ ни жителей, ни непріятеля, раззорили все до основанїя. Въ Бургосѣ и въ окружныхъ мѣстахъ найдено болѣе нежели на тридцать миліоновъ франковъ шерсти, которая вся, по приказанію Императора, конфискована въ пользу Французовъ, переселившихся въ Испанію и потерявшихъ все свое имѣніе во время послѣдней всеобщей революціи. Городъ Паленція принялъ Французскую армію съ дружелюбіемъ.

IV. *Бюллетень.* 15 Ноября. Судьба Эспремадурской арміи рѣшена была на равнинахъ Бургоскихъ; армія Галлиційская уничтожена въ сраженіяхъ при Гвенесѣ, Вальмаседѣ и наконецъ при Эспинозѣ. Армія сія состояла: 1е, изъ старой Испанской пѣхоты; 2е, изъ милиціи Галлиційской, Аспурійской и старо-Каспильской; 3е, изъ 5000 Испанскихъ военнопленныхъ, которыхъ Англичане вооружили и высадили на берегъ въ С. Андерѣ; 4е, изъ новонабранныхъ солдатъ въ Галлиціи, Аспуріи, старой Каспилліи; 5е, изъ артиллерійскихъ полковъ и матросовъ, составлявшихъ гарнизоны въ Коруннѣ и Ферролѣ, и наконецъ 6е, изъ корпуса Маркиза Романы. Вся сія армія была въ безпрестанномъ движеніи, разположена противъ нашего праваго крыла и имѣла намѣреніе опрѣзать насъ отъ Бискайи; но мы преслѣдовали ее въ продолженіе десяти дней изъ дефилея въ дефиле, съ высоты на высоту; наконецъ она остановилась при Эспинозѣ, для прикрытія своей артиллеріи, своихъ госпиталей и магазиновъ, и въ такомъ положеніи, въ которомъ считала себя непобѣдимой. Маршалъ Герцогъ Беллюнскій напалъ на ея аріергардъ, который опрокинулъ. Генералъ Пакподѣ ударилъ на опрядъ Маркиза Романы разположившійся на высотѣ, и обратилъ его

въ бѣгство. Сраженіе продолжалось до самой ночи. Между тѣмъ Маршалъ Герцогъ Далмашскій прошелъ въ Рейнозу, дабы лишить непріятеля послѣдняго возвращающаго пути; а съ наступленіемъ утра приказалъ Герцогъ Беллювскій бригадному Генералу Мезону обойти лѣвое крыло Испанской арміи, въ то самое время, какъ Герцогъ Данцигскій обходилъ правое. Генералъ Мезонъ взшелъ съ своимъ отрядомъ на высоту неприступную и ударилъ на непріятеля: тогда и Герцогъ Беллювскій успремился на его центръ, который сломилъ и разсѣялъ. Вся Испанская армія пришла въ безпорядокъ и побѣжала разсѣянными полками, бросая оружіе, знамена и пушки. Герцогъ Далмашскій захватилъ въ Рейнозѣ весь артиллерійскій паркъ, всѣ магазины и весь багажъ непріятеля. Французы въ семъ сраженіи захватили 60 пушекъ. Испанцы потеряли убитыми и плѣнными 20,000, въ томъ числѣ убито 12 Испанскихъ Генераловъ. Блекъ скрылся въ горахъ Астурійскихъ, а Маркизъ Романа удалился на берега къ С. Андеру. Потеря Французовъ весьма не важная.

15 Декабря.

Приложенная къ сему № картинка
есть Гогаршова каррикатура, изобража-
ющая *конецъ вещей*; ея исполваніе
сообщено будетъ въ слѣдующей книжкѣ.

КОНЕЦЪ ХЛІІ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е
СОРОКЪ - ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Н О Я Б Р Ъ, Н о 21.

	Стран.
I. Прусская ваза. (Окончаніе.)	- 3
II. Къ дружбѣ.	- 28
III. Отрывокъ изъ Сельмскихъ пѣсней.	30
IV. Путь развратнаго.	- 36
V. Гете.	- 44
VI. Успокоеніе сомнѣвающагося.	- 48
VII. Всеобщее народное вооруженіе въ Австрійской Имперіи.	- 52
VIII. Письмо изъ Веймара, Октября 9.	56
IX. Извѣстія.	- 61
X. О новой книгѣ.	- 67

Н О Я Б Р Ъ, Н о 22.

I. Путешествіе Рускаго на Брокенъ въ 1803 году.	- 77
II. Мышь.	- 94
III. Портретъ.	- 95

	Стран.
IV. Призываніе Калліопы на берега Непрядвы.	109
V. Писатель въ обществѣ.	112
VI. Нѣсколько словъ о томъ же предметѣ.	118
VII. Островъ Мадагаскаръ.	136
VIII. Майнопы.	143
IX. Извѣстія.	148

ДЕКАБРЬ, Но 23.

I. Письмо молодой жены о старомъ ея мужѣ.	167
II. Клессаморъ.	172
III. Осень.	179
IV. Маленькіе философскіе разговоры.	183
V. Фелленбергъ и Песталоцци.	185
VI. Три пояса. (Русская сказка)	197
VII. Къ Нинѣ.	224
VIII. Письмо къ Издателю.	228
IX. О пребываніи двухъ Императоровъ въ Эрфуртѣ.	231
X. Извѣстія.	238

ДЕКАБРЬ, Но 24.

I. Письмо къ Канпу отъ неизвѣстнаго.	-	-	247
II. Остроуміе Ташкинца.	-	-	252
III. Къ Форшунѣ.	-	-	254
IV. Къ Нисѣ.	-	-	256
V. Эпиграмма.	-	-	257
VI. Бездѣлки.	-	-	258
VII. Примроза и Оливье.	-	-	261
VIII. Лиммерикскія перчатшки.	-	-	271
IX. О предполагаемомъ походѣ Французскихъ войскъ въ Остѣ-Индію.	-	-	301
X. О новомъ Французскомъ наслѣдственномъ дворянствѣ.	-	-	308
XI. Извѣстія.	-	-	318